

Индекс 39363

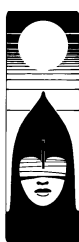
1
2018

РОССИЯ XXI 2018 1

РОССИЯ XXI

1. 2018 январь-февраль

Национальная доктрина

Валерий Солдатенко

«Образовать автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР»: И.В.Сталин и создание Крымской автономии (1921 год) _____ **6**

Страницы истории

Елена Кириллова

Политические настроения в российском обществе периода первой русской революции: по материалам писем к Иоанну Кронштадтскому _____ **38**

Никита Пивоваров

Из жизни «старой гвардии». Общество старых большевиков как опыт политической адаптации революционеров (1922–1935 гг.) _____ **50**

Андрей Сушков

Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти? О некоторых аспектах «ленинградского дела» _____ **82**

Ярлыки и мифы

Александр Королев

«Сказание о призвании варягов»: в поисках «исторического ядра» **110**

Андрей Ранчин

«Сказание о призвании варягов»: факты, гипотезы, домыслы _____ **132**

Актуальный архив

Андрей Юрганов

Первые шаги советской журналистики _____ **162**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий
научный сотрудник Института научной информации по общественным
наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

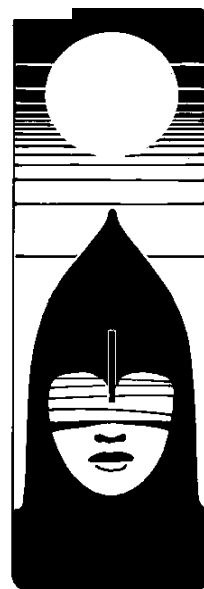
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

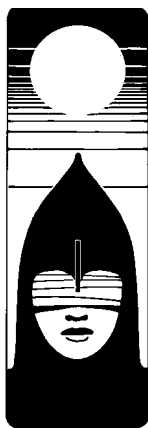
Большая часть проблем
не имеет решения –
или решение хуже
самой проблемы.

Эшли Брильянт

**Всякое решение плодит
новые проблемы.**

Артур Блох (Закон Мерфи)

Валерий Солдатенко

**«ОБРАЗОВАТЬ
АВТОНОМНУЮ
КРЫМСКУЮ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ
СОВЕТСКУЮ
РЕСПУБЛИКУ
КАК ЧАСТЬ РСФСР»**

**И.В.СТАЛИН И СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ
АВТОНОМИИ. 1921 г.**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
323.17
94(47)''1921''

В статье освещается процесс образования Крымской Автономной Социалистической Советской Республики, ключевую роль в котором играл народный комиссар по делам национальностей правительства РСФСР И.В.Сталин. Длившийся десять месяцев поиск оптимальной модели национально-государственного статуса Крыма завершился выбором варианта, который может быть определен как территориальная автономия с учетом исторической традиции и элементами национальной окраски.

The article highlights the process of the Crimean Autonomous Socialist Soviet Republic formation, the key role in which was played by the People's Commissar for National Affairs of the RSFSR Government I.V.Stalin. The ten months search for optimal model of the national and state status of the Crimea in 1921 resulted in the choice of a variant that can be defined as territorial autonomy taking into account the historical tradition with elements of national coloring.

Ключевые слова: нарком по делам национальностей; Крым; РСФСР; УССР; территориальная Советская республика; автономная Советская республика; автономная область.
Key words: People's Commissar for Nationalities Affairs; Crimea; RSFSR; USSR; Territorial Soviet Republic; Autonomous Soviet Republic; Autonomous Region.
E-mail: soldatenko@gmail.com

Обращение к обозначенной теме обусловлено не только актуализацией в последние годы проблемы Крыма, в частности, вопроса его государственной принадлежности, приковавшей к себе внимание международного сообщества. Впрочем, уже в связи даже с этими обстоятельствами чрезвычайно важно исследовать корневые факторы, глубинные причины последующих исторических коллизий. Ведь в научном плане, в историографии, и это не менее важно, непростая страница опыта отечественного национально-государственного строительства, как представляется, не нашла надлежащего освещения и убедительного истолкования, что обусловило первоочередную значимость ее ретроспективной квалифицированной, взвешенной оценки.

Думается, есть серьезные основания считать, что в данном случае свой негативный отпечаток на публикации наложили далеко не сразу устоявшаяся и перманентно переживающая сущностные трансформации квалификация позиции, деятельности, роли в тогдашних процессах наркома по делам национальностей советского правительства РСФСР И.В.Сталина. Помимо этого сказывались и проявления несколько преувеличенной и далеко не всегда оправданной сдержанности, повышенной осторожности в подходе к уяснению этнических аспектов общественных отношений на полуострове, политики Советской власти в крымско-татарском вопросе.

**«Нарком по установлению
Советской власти»**

Во многих случаях следствием общего критического настроения в отношении личности И.В.Сталина, комплексного определения его реального влияния на события революции, гражданской войны и первых шагов социалистического строительства явились не совсем верные представления, приводящие к умалению масштабов, сужению функций, принижению значимости деятельности наркома в национальной сфере, которая не воспринималась такой же важной, как, скажем, внутренние, международные, военные дела, экономика, юстиция и др.

Тут не учитывается то понимание, которое сформировал сам И.В.Сталин (и смог навязать его общественному мнению) о задачах, решаемых наркоматом по национальным делам и персонально – его руководителем. Он с первых же дней Октябрьской революции трактовал национальный вопрос совсем не узко специфически – целенаправленно

(забота о национальном самоопределении, равенстве, национальных традициях, культуре, языках, такте), а предельно широко и, при этом, довольно прагматично. Предстояло, прежде всего, обеспечить установление Советской власти во всех национальных регионах (а это, как известно, преобладающая часть территории и населения тогдашней России), а уже затем (отчасти – «по ходу») влиять и на национальную жизнь. Так он сам присвоил себе широчайшие полномочия, превратившие его по существу в «наркома по установлению Советской власти» в национальных регионах (т. е. на большей части России) [37, с.137–138].

Факты свидетельствуют, что против подобного понимания функций наркома по делам национальностей не возражал председатель СНК В.И.Ленин, который практически всецело доверял И.В.Сталину во всех вопросах, относящихся к национальной сфере, – «национальным окраинам», начинавшимся уже недалеко от Москвы и Петрограда, что способствовало восприятию и закреплению практической реализации целесообразности обозначенных тенденций в сознании у местных партийно-советских работников.

С большой наглядностью это подтверждают многочисленные примеры из «украинского опыта» [39, с.463–465, 485–488]. В данном же случае обращение к ним вызвано совсем не их уникальностью, эксклюзивностью, а сравнительно большей осведомленностью автора именно с затронутым для образца аспектом исследований.

В последние два месяца 1917 г. («период триумфального шествия Советской власти») ЦК РСДРП(б) и СНК РСФСР 15 раз рассматривал на своих заседаниях вопросы, связанные с положением в Украине, конфликтом с Центральной Радой, перспективами мирных переговоров и др. В 14 случаях докладчиком и ответственным за подготовку соответствующих документов был И.В.Сталин, и лишь один раз – нарком иностранных дел Л.Д.Троцкий [39, с.138; 26, с.110].

В.И.Ленин старался не давать директив участникам советской делегации на переговорах в Бресте по украинским проблемам без консультаций с И.В.Сталиным [16, т.35, с.225]. Последний от имени ЦК РСДРП(б) и СНК уполномочивался высказывать ответственные советы относительно выбора линии возможного поведения, тактики большевиков Украины, в том числе в вопросах отношения к Брестской конференции, ее решениям¹ [27, с.28–29, 39–48; 37, с.138–146].

---

¹ Значительное количество документов по затронутому аспекту хранится в ленинском фонде, а также коллекциях материалов И.В.Сталина и Л.Д.Троцкого, не подлежащих

Наркому по делам национальностей, с его крутым нравом, суровым характером и не всегда корректными, утонченными методами поведения², Советом Обороны РСФСР (17 февраля 1919 г.) было дано поручение в весьма красноречивой формулировке: «просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение (подчеркнуто мною. – В.С.) Кривдонбасса (т. е. Донецко-Криворожской Советской Республики. – В.С.)» [8, с.627].

И.В.Сталин инструктировал, напутствовал делегацию РСФСР во главе с Х.Г.Раковским и Д.З.Мануильским на переговорах с представителями гетманской власти Украинской державы в 1918 г., а затем был по существу связующим звеном между дипломатами и СНК, что некоторые авторы и ныне воспринимают как присутствие И.В.Сталина в Киеве и участие в переговорах [23, с.59, 65], хотя на самом деле этого не было.

На II съезде КП(б)У (17–22 октября 1918 г.) И.В.Сталина избрали членом ЦК Компартии Украины [6, с.163, 234]. 20 ноября именно с его участием, под его руководством, по поручению В.И.Ленина в Курске было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Г.Л.Пятаковым [2, с.230; 32, с.153–155; 25, с.251–253].

И.В.Сталин не боялся брать на себя ответственность за определенные, весьма важные шаги и поступки в сфере, которой он был уполномочен, как, впрочем, и не уполномочен, руководить и действовать. Так, он вместе с В.И.Лениным и Л.Д.Троцким подписал 3 декабря 1917 г. «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде» [16, т.35, с.137–139, 448]. В документе весьма осторожно говорилось о признании правительством Советской России «народной Украинской Республики», которую Центральная Рада представлять не может. Т. е. речь шла о принципиальном признании республики, в которой хозяином будет народ, а не Центральная Рада, провозгласившая Третьим Универсалом 7 ноября 1917 г. Украинскую Народную

огласке и ссылках на них в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), с которыми в свое время удалось познакомиться автору.

² *Особенно резонансным стал его скандальный конфликт с председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета В.П.Затонским и председателем Народного Секретариата (правительства Украины) Н.А.Скрыпником в апреле 1918 г. [38, с.63–65].*

Республику. Потому официальное название новообразования сознательно предусмотрительно не употреблялось.

В условиях обостряющегося конфликта, уже 12 декабря в «Ответе товарищам украинцам в тылу и на фронте» И.В.Сталин утверждал, что «"Совет Народных Комиссаров" официально признал Украинскую Республику в "ультиматуме" и "Ответе Петроградскому украинскому штабу"» [27, с.10–11], что серьезно «трансформировало» ленинскую позицию.

На IV конференции КП(б)У, делегатом которой он был и второй (завершающей) половиной заседаний которой руководил, И.В.Сталин с гораздо большим оптимизмом оценил объединение с КП(б)У Украинской Коммунистической партии (боротьбистов), нежели более осторожный В.И.Ленин [40, с.441–442].

Постоянно решая вопросы весьма деликатного свойства, и даже подчас болезненные, получающие широкий общественный резонанс, И.В.Сталин выработал и успешно применял некоторые приемы, способы, навыки достижения цели, которые внешне выглядели вполне демократично. Однако они неизменно приводили в итоге к реализации позиций, предложений, сформулированных и вроде бы не очень твердо, жестко отстаиваемых или же навязываемых советским наркомом.

Так, в разговоре по прямому проводу с одним из лидеров киевских большевиков С.С.Бакинским и членом Центральной Рады, украинским социал-демократом Н.В.Поршем 17 ноября 1917 г.³ член ЦК РКП(б) и нарком, используя ответы собеседников на поставленные вопросы, в достаточно мягкой форме – «мы все думаем», «мы все полагаем», «наше общее мнение» – рекомендовал безотлагательно созвать краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в случае необходимости – совместно с Центральной Радой, и на такой основе решить вопрос о формировании краевой власти. С.С.Бакинский воспринимал «подсказки» как прямую директиву, которую местные партийцы оперативно и попытались претворить в жизнь. Н.В.Порш пробовал возражать, понимая, что реализация подобных мягких, эластичных «пожеланий», «мнений» приведет к неизбежному отстранению от власти Центральной Рады [13; 20; 21]. Позиция И.В.Сталина, вес которого в российском политическом истеблишменте для обоих киевских политиков, очевидно, представлялся весьма внушительным и сомнений не вызывал, выглядела вполне демократично и дипломатично. Возникла иллюзия того, что он вроде бы по логике, объективной необходимости поддер-

---

³ Почему-то в свое время стенограмма не вошла в собрание сочинений И.В.Сталина.

живал инициативы с мест, «на лету» комбинируя компромиссные политические ходы.

Это умение подталкивать партнеров по общению к выводу, что именно они выдвинули то или иное предложение, или они созрели, где-то уже подумывали в данном направлении для оформления такой позиции, и им ее не продиктовали, не навязали, а как бы «проявили», не прибегая ни к уговорам, ни к давлению, ни к шантажу, И.В.Сталину, очевидно, все более нравилось и впоследствии он его использовал неоднократно.

И.В.Сталин

Так, весьма впечатляюще выглядел эпизод переговоров в процессе конституирования Советской Социалистической Республики Таврида в марте 1918 г. Идея некоего, может быть и весьма смутного, варианта политического обособления полуострова (пугали и случившиеся «крайности», совершавшиеся и Киевом, и Москвой), но с безусловной ориентацией на Россию, как говорится, в то время витала в воздухе. Ее нет-нет да и высказывали и большевики, и левые эсеры, находившиеся тогда в авангарде политического процесса на полуострове [9, с.329].

Весьма интересны в этом плане документальные материалы, представленные в монографии «Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму». Достаточно реалистична точка зрения, согласно которой роль «первой скрипки» играл член Политбюро ЦК РКП(б), нарком по делам национальностей И.В.Сталин. Именно с ним, неплохо (через посланцев в Москву) осведомленным, согласно должности и положению, с имеющимися взглядами и тенденциями, вели переговоры из Крыма местные партийные лидеры А.И.Слуцкий и Ж.А.Миллер. Сохранившаяся лента их общения с наркомом позволила несколько позже активному участнику крымских событий, наркому иностранных дел Республики Таврида И.К.Фирдевсу заключить: «Была ли санкция ЦК партии на политику правительства республика Таврида?.. Тт. Миллер и Слуцкий вызывали т. Сталина к прямому проводу и получили от него предварительную санкцию в виде точной формулы: "Действуйте, как находите целесообразным. Вам на местах видней"» [9, с.330]. Это подтверждает еще один руководящий партработник Крыма того времени Ю.П.Гавен: «Эту ленту (переговоров со Сталиным. –

В. С.) мне Слуцкий потом показывал. Это был краткий, категорический, гибкий ответ, и на этом мы базировались как на официальном разрешении центра. (Как видим, тут речь идет уже о разрешении. – *В. С.)* ...По местным условиям создание республики было необходимо» [9, с.330].

Не удивительно, наоборот, вполне логичным выглядит предельно категоричное утверждение И.К.Фирдевса: «Больше ничего, никаких директив не было и на основании этой директивы (т. е. таки директивы, ловко, искусно облаченной в очень привлекательную форму. – *В.С.)* они (т. е. А.И.Слуцкий и Ж.А.Миллер. – *В.С.)* образовали республику. ...В этот момент политическая инициатива с мест не стеснялась» [9, с.330].

Именно такая общая фабула, органично сочетавшая заинтересованность центра и местные устремления, очевидно, больше других отражает как мотивацию, так и разыгранные центром и Крымской периферией роли, которые претворялись в жизнь в момент образования Советской Социалистической Республики Таврида.

В необходимых случаях И.В.Сталин проявлял осторожность, советовал органам власти на местах инициировать принятие решений, которые должны были демонстрировать настроения, позицию жителей регионов и, по возможности, влиять на поведение политических сил, государственных институтов. Так, когда делегаты трех северных уездов Таврической губернии – Мелитопольского, Днепровского и Бердянского – обратились в начале апреля 1919 г. к правительству РСФСР с просьбой оставить их в составе Советской России (по Брестским договоренностям они, как часть Украины, подлежали австро-германской оккупации), нарком по делам национальностей 6 апреля направил в регион телеграмму. Он рекомендовал провести уездные съезды Советов и зафиксированное, документально оформленное желание населения довести официально до сведения Центральной Рады и СНК (документ хранится в фондах РГАСПИ).

Со временем И.В.Сталин настолько уверовал в эффективность подобных приемов, что превратил их в один из основоположных и, надо заметить, в общем-то, практически безотказных элементов политической тактики. Управляя из Москвы объединительным процессом по созданию союзного государства (лето – осень 1922 г.), он в августе подготовил проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками для внесения его на пленум ЦК РКП(б). В документе, известном как «план автономизации», предполагалось вступление Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в РСФСР, содер-

жался весьма примечательный, заключительный шестой пункт. Вот его содержание: «Настоящее решение, если оно будет одобрено ЦК РКП, не публикуется, а передается национальным ЦК как циркулярная директива для его проведения в советском порядке через ЦИКи или съезды Советов упомянутых выше республик (тут и далее подчеркнуто мною. – В.С.) до созыва Всероссийского Съезда Советов, на которых декларируется оно как пожелание этих республик» [10, с.198–199].

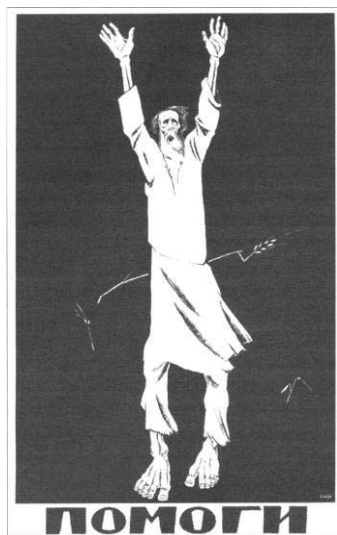
В ходе развернувшейся дискуссии, к которой присоединился В.И.Ленин, И.В.Сталин направил главе СНК подробное письмо, в котором нашел нужным разъяснить механизм (и это в данном случае – главное) достижения сформулированного результата. Настаивая на необходимости своего далеко не бесспорного предложения, генеральный секретарь ЦК РКП(б) и советский нарком подчеркивал, что следует «признать целесообразным автономизацию с тем, чтобы к Всероссийскому съезду Советов ЦИКи этих республик сами добровольно изъявили свое желание вступить в более тесные хозяйственные отношения с Москвой на началах автономии...» [10, с.198–199].

Комментарии, как принято в подобных случаях говорить, излишни: предложения исходят от И.В.Сталина, но надо повернуть дело так, чтобы это выглядело как инициатива с мест.

Именно в таком ключе и развивался процесс определения статуса Крыма в период перехода от войны к миру.

Сложность проблемы

После восстановления поздней осенью 1920 г. на всем полуострове Советской власти вопрос о Крыме, естественно, должен был решиться в рамках становления советской общественно-политической системы в целом. Процесс оказался несколько более затяжным, чем в двух предыдущих случаях (в начале 1918 г. и весной 1919 г.). Безусловно, существенно изменилась ситуация, сказывался и опыт трех предыдущих лет, желание субъектов политического процесса застраховаться от возможных проявлений негативных тенденций, имевших место в прошлом. Особенно важно было учесть национальный фактор, в частности – повнимательнее разобраться в приобретенных на определенных этапах революции и гражданской войны довольно масштабных и острых проявлениях крымско-татарского шовинизма и экстремизма. Проблема была в том, чтобы найти убедительный,

Плакат 1921 года.
Художник Д.С.Моор

гарантированный способ предотвращения (или сведения к минимуму) деструктивных, по отношению к интернациональному сплочению жителей многонационального региона, националистических настроений и организационно-политических действий. Не меньшее значение имели и реальные процессы продолжавшейся борьбы (даже с окончанием гражданской войны) – с остатками «бело-зеленого» движения, т. е. анти-советских партизанских акций, которые порождали часто и далеко не адекватные, не оправданные, как в смысле масштабности, так и применяемых жесточайших мер «красного террора», действия. Ситуацию в огромной мере усугублял начавшийся в 1921 г. голод, невероятно больно ударивший по жителям полуострова [9, с.668–722] с несколько ограниченными естественными коммуникация-

ми с другими регионами, впрочем, переживавшими в той или иной мере те же беды и не готовыми оказать помощь соседям. Очень тяжелым после потрясений долгих военных лет продолжало оставаться общее экономическое положение, непросто шел переход к нэпу [18, с.96–108].

В концентрированном виде положение в Крыму в 1921 г. очень емко охарактеризовал С.Г.Саид-Галиев – партийно-советский лидер региона, глава местного правительства – на совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г.: «Первый год существования Советской власти – это был период ревкомов, который проходил под флагом очистки Крымской территории от остатков врангелевщины, которые были настолько сильны, что даже после существования ревкомов, даже в период существования Крымской Республики со своей конституцией пришлось еще долго ликвидировать бандитизм. Правда, этот бандитизм уже из политического принял характер уголовный, но тут еще все так [же] были остатки белогвардейских офицеров и некоторая, хотя и бледная, политическая окраска. За-

И.В.СТАЛИН И СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АВТОНОМИИ. 1921 г.

тем чрезвычайный голод был наиболее жестоким в Крыму. Вместо того, чтобы собрать, как обыкновенно, урожай в 15–18 миллионов пуд., Крым в 1921 году собрал 2 миллиона пудов. Вот в этот период уже начинает работать Советская власть, вплотную подходя к широким слоям населения, т. е. состоялись волостные съезды, где были избраны волостные советы, были избраны сельсоветы, райисполкомы, окружные (уездные) исполкомы, КрымЦИК и Совнарком. Это был тот момент, когда само население приняло участие в советском строительстве – и в этот момент были самые тяжелые дни голода» [28, с.146].

Стоит также иметь в виду что те, кому волей судьбы и истории в 1921 г. необходимо было принимать очень непростые решения, сознавали, что, кроме теоретически разработанных, программных принципов в национальной сфере, относительно конкретного случая с Крымом следовало учитывать еще один весьма немаловажный фактор. Речь о том, что крымские татары, имевшие в прошлом на протяжении столетий вплоть до 1783 г. свою государственность (Крымское ханство на правах вассала Османской империи), утратили ее с завоеванием Северного Причерноморья и Приазовья (с Крымским полуостровом) Россией, присоединением территории, названной Новороссией, к империи.

Однако генетическая память, дополненная в революционное время вспыхнувшими надеждами на приближающиеся кардинальные перемены, в том числе – на возможный возврат былого статуса, существенно усилила национальные, националистические, мусульманские настроения. В среде демократически мыслящих людей и на полу-

Дворец эмира Бухарского на территории современного санатория «Ялта»

Национальная доктрина

острове, и за его пределами многие в целом сочувствовали перенесенным татарами страданиям и лишениям и потому с известной долей понимания относились к проявляемым стремлениям. И если бы крымско-татарский этнос превышал (даже совсем незначительно) пятидесятипроцентный барьер в общем массиве населения полуострова, при котором вполне логичным было бы применение этнографического принципа национально-государственного строительства, очевидно, перспектива выбора политико-правовой модели была бы не такой уж и сложной. Найти же вариант, в котором бы органично сочетались историческая традиция (которой, очевидно, не было желания пренебречь) с тем, что крымско-татарская общность составляла лишь немногим более четверти жителей полуострова, оказалось априори очень и очень нелегко.

Крымские татары.
У деревенского колодца (слева) и южнобережные крымцы (справа).
Из коллекции издательства «Тезис»

Как бы невольным признанием объективно желаемого, однако недостающего количественного показателя являются гневные упреки В.Е.Возгина в адрес большевиков, Советской власти, якобы в кратчайший срок наводнивших, оккупировавших Крым своими посланцами. Хотя тут же автор кому-то напоминает, что «эти русские, и без того имевшие огромное численное преимущество (подчеркнуто мною. — В.С.) ...видели в Крыму, в природе и людях этой прекрасной земли отнюдь не объект сыновней любви или эстетического восхищения» [3, с.208–209].

И.В.СТАЛИН И СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АВТОНОМИИ. 1921 г.

В ход пускается весь мыслимый набор сердитых ругательств с широким, без особого разбора, использованием «клеящих» определений и эпитетов – колония, аборигены (это о татарах. – *В.С.*), рабская покорность, холуйская предупредительность, людоедские директивы (это о партийно-советском активе региона. – *В.С.*), марионеточное государство, фарс (это о статусе Крыма. – *В.С.*) и т. д. [3, с.209]. Конечно, любой человек может быть недоволен историей, свершившимся, сожалеть, что она развивалась не так, как хотелось бы. Но тем, кто берется их публично объяснять, истолковывать, явно не пристало ограничиваться десятками страниц отборной брани, бесцеремонными (и демагогическими) по сути обвинениями, при тщательной их маскировке (на поверку – бесполезной), желанием уйти от реальных фактов, статистических данных, документов, объективной, всесторонней, взвешенной оценки сложных процессов.

Купель Св. Владимира (слева)
и Собор Св. Александра Невского Украинской Православной церкви (справа)

В историографии приводятся неоднократно перепроверенные данные о национальном составе населения Крыма на 1921 г. На полуострове проживало 719 531 человек, из них

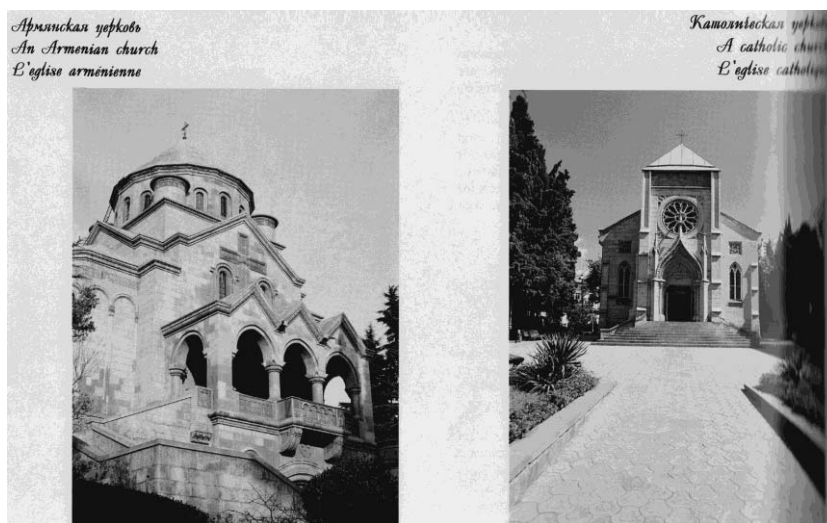
русских – 298 666 (42,2 % от всего населения),
татар – 196 715 (26 %),
украинцев – 72 352 (9,5 %),
евреев – 49 406 (6,9 %),
немцев – 42 350 (5,9 %),
греков – 23 868 (3,4 %),
армян – 12 017 (1,7 %),
болгар – 10 572 (1,5 %),

Национальная доктрина

поляков – 5 734 (0,9 %),
иных национальностей – меньше [7, с.268; 9, с.681].

Надо сказать, что сколько-нибудь серьезных разночтений на данный счет в научной литературе не наблюдается. Так, в хронологически последнем издании с тщательными выкладками и предметным анализом материалов переписи населения Крыма в 1920–1921 гг., корреспондирующимся с изданием 1930 г., приводятся следующие данные.

Из 718,9 тыс. жителей, охваченных статистами,
317,8 тыс. (44,1 %) идентифицировали себя русскими,
186,6 тыс. (26 %) – татарами,
53,5 тыс. (7,4 %) – украинцами,
48,3 тыс. (6,7 %) – евреями,
42,3 тыс. (5,9 %) – немцами,
23,8 тыс. (3,3 %) – греками,
12,1 тыс. (1,7 %) – армянами,
10,5 тыс. (1,5 %) – болгарами,
5,8 тыс. (0,8 %) – поляками,
значительно меньше – представителями других национальностей [29, с.160–161; 4, с.131–132].

Армянская церковь (слева), католическая церковь (справа)

В приведенных данных изданий разных лет есть определенные, хотя и легко объяснимые, расхождения, связанные, прежде всего, с ми-

грациями населения конца гражданской войны. При этом следует обратить внимание на то, что сведения об удельном весе крымско-татарских жителей (как и других национальных меньшинств полуострова) практически не отличаются, что свидетельствует о приближении цифровых показателей к оптимально объективным.

Плакат начала 1920-х годов. Неизвестный художник

Понятно и то, что количественный масштаб имеющихся в распоряжении ученых данных, если и претерпел определенные, но явно далеко не кардинальные изменения по сравнению с 1917 г. (это особенно касается беженцев различных политических ориентаций), то удельный вес направленных в регион партийных и советских работников был все же микроскопически незначителен.

На 1 января 1921 г. Крымская партийная организация насчитывала лишь 535 членов и 472 кандидата в члены РКП(б) [23, с.99]. Рост рядов большевиков наблюдался практически за счет местных трудящихся, однако также имел свои ограничения в виде проведенной к концу года чистки. Из 4608 коммунистов к ноябрю были исключены 1533 члена партии (33,3 %) [18, с.102].

Безусловно, необходимо отмежеваться от бесплодных попыток подилетантски безответственно упражняться (расправляться) с прошлым. Относясь к нему с уважением, несравненно предпочтительнее, конст-

руктивнее использовать методологически безотказную научно-исследовательскую систему координат, которая без труда позволит авторитетно заключить: в 1921 г. руководящие субъекты процесса государственного созидания попытались (и надо сказать, что сделали это в целом и главным результативно) системно, комплексно применить принцип, который условно можно назвать территориально-историческим. Точнее, он оказался доминирующим и стержневым в сложном паллиативе подходов, с несомненным намерением учесть, объединить, «сплавить», не упустить из расчетов исторического компонента с национальной окраской.

Конечно, к отмеченному присовокуплялся и желательный для Советской власти международный пропагандистский эффект, который мог произвести разумно обустриваемый многонациональный Крым – «ворота на Восток», прежде всего в исламский мир.

Несомненно, в расчет необходимо было принимать то важное обстоятельство, что после окончания войны и перехода к миру для общества, претендующего на воплощение более высокого демократизма, нежели было ранее в истории, были принципиально неприемлемы методы и приемы борьбы, практиковавшиеся в экстремальных условиях классового противостояния. Необходимо было добиться надежного перелома массовых убеждений в том, что к идущим «снизу» народным желаниям, стремлениям обязательно будет прислушиваться правящий класс, последовательно реализовать его в предлагаемом и осуществляемом курсе.

**В поисках
оптимального варианта**

Забота об упрочении создаваемого строя обуславливала для его политического руководства такую линию поведения, которая бы не входила в противоречие с ориентациями и

представлениями о торжестве справедливости во всех сферах жизни – в том числе в национально-государственном строительстве. Неспешное решение сложнейших вопросов общественного бытия, допускавшее свободный обмен мнений, открытое столкновение взглядов, аргументов, когда в конце концов превалировала, торжествовала логика, позиция большинства, представлялись важнейшими слагаемыми новой политики и одним из определяющих залогов успеха ее реализации.

В свою очередь, это предполагало, насколько было возможно, вовлечение в процесс поиска оптимальных решений широких слоев общества. А реальным проявлением такого подхода, демонстрирующего неограниченный или, по крайней мере, неурезанный демократизм, являлось вынесение искомых проектов решений на публичный суд.

В общем-то наиболее обсуждаемыми, приковавшими массовое внимание оказались четыре проекта – территориальная Советская республика, национальная Советская республика, автономная Советская республика и автономная область. Гипотетически два последних варианта предполагали решение вопроса о подчинении образования политическим центрам РСФСР либо УССР.

Надо сказать, что последний аспект отпал практически сразу, хотя в начале 1921 г. и прозвучало несколько робких предложений от партийных работников Крыма (М.Х.Поляков, А.Гринев) о целесообразности подчинения Крыма в хозяйственном отношении УССР. Мотивировка была связана, главным образом, с географическим расположением полуострова, имеющимися экономическими связями с Украиной, которые в мирное время прогностически обещали упрочиться [36, с.53–54].

Однако уже в январе 1921 г. в Крымский обком РКП(б) поступила телеграмма Центрального Комитета РКП(б) следующего содержания: «Принято решение о выделении Крымского полуострова в Крымскую автономную республику. ЦК предлагает откомандировать представителя в Москву для выработки положения о Крымской автономной республике совместно с Народным комиссариатом по делам национальностей» [36, с.54]. То есть вопрос был предрешен или же даже решен, а его обоснование, может точнее – оформление, отдавалось в руки ведомства, руководимого И.В.Сталиным.

Из документа также проистекает, что в Москве, конечно же не без участия наркомнаца, т.е. И.В.Сталина, избрав вариант Крымской автономной республики, совсем не упоминали о национальном компоненте в определении ее статуса. Значит, оставался единственный вариант – имелось в виду только территориальное образование.

В то же время в документе не содержалось четкого указания на адресное административное подчинение Крыма, отсутствовало и жесткое определение официального названия, стремление предвосхитить границы республики. Вероятно, последние обстоятельства послужили поводом или достаточным основанием для местных партийных руководителей включиться в собственные поиски приемлемого варианта (руководствовались намерениями найти лучшее, оптимальное решение). Воз-

можно, еще недостаточно чувствовалось функционирование вертикали власти, допускавшее демократические проявления лишь до определенного предела. Нельзя исключить и отсутствие необходимой теоретической подготовки, глубокого знания местных условий, опыта участия региональных лидеров в национально-государственном строительстве.

Правда, демократическая форма выработки необходимых документов, их согласования, процедура прохождения решений были соблюдены: осуществлялась обширная переписка, в которой уточнялись, конкретизировались детали, действовали комиссии с широким представительством заинтересованных сторон, проходило публичное обсуждение принимаемых решений.

Можно предположить, что имевший уже значительный опыт Наркомат национальностей РСФСР, руководимый И.В.Сталиным, достаточно тонко и уверенно вел дело к запланированному финалу. Участникам дискуссии предоставлялась возможность выразить деловые соображения, конструктивные предложения, учет которых пойдет на пользу, и одновременно «выпустить пар», погасить страсти.

21 января 1921 г. на совместном заседании Крымских обкома РКП(б) и ревкома был рассмотрен вопрос «О политических взаимоотношениях Крыма с РСФСР и УССР» и принята резолюция, гласившая: «Признать наиболее желательным подчинить Крым непосредственно Москве на положении автономной единицы, присвоить ей название "Крымская автономная область"» [34, с.284]. Выражались и частные мнения, хотя, как правило, сколько-нибудь серьезной массовой опоры, публичной поддержки они в большинстве не имели, являлись трудновыполнимыми, малореалистичными пожеланиями, иллюзорными проектами.

Довольно быстро были сняты, как бесперспективные, предложения об объявлении Крыма «областью», «автономной областью», «Красной Коммуной», «интернациональной республикой». Свою роль надлежало сыграть созданному еще в марте 1919 г. Крымскому областному татарскому (мусульманскому) бюро при обкоме РКП(б), оставшимся малочисленными татарским секциям при уездных комитетах РКП(б), сотрудникам представительства Наркомата по делам национальностей в Крыму [34, с.54–55]. Были, в частности, блокированы отдельные требования партийных и советских работников татарской и немецкой национальностей провозгласить Крым национальной республикой с предоставлением ей «полной автономии» [34, с.55]. Подобные тенденции проявлялись на фоне новых попыток татар создать национальные добровольческие батальоны, конный эскадрон, стремлений добиться создания самостоя-

И.В.СТАЛИН И СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АВТОНОМИИ. 1921 г.

тельного Крымского комиссариата иностранных дел, в частности, для неподконтрольного решения вопросов о возвращении в Крым эмигрантов, проведения независимой политики относительно Турции и др. [34, с.55–56].

Главная улица Бахчисарая. Фото 1-ой четверти XX века (из коллекции издательства Тезис)

В свою очередь, немецкие колонисты также претендовали на «полную автономию Крыма» уже под своей эгидой, аргументируя целесообразность проекта несравненно более высоким уровнем агротехники и сельскохозяйственных знаний, навыков и культуры хозяйствования, присущих своему этносу [34, с.56].

Ситуация даже обострилась и вопросы о государственном строительстве в Крыму неоднократно выносились на заседания пленумов обкома партии, но принимаемые решения не всегда отличались убедительностью, четкостью, категоричностью, часто противоречили прежде одобренным резолюциям.

Счел необходимым еще раз вернуться к крымской проблеме и Центральный Комитет РКП(б). На очередном Пленуме 16 мая 1921 г. он принял решение о создании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики по территориальному принципу [15, с.67]. Эта директива тут же была доведена секретарем ЦК РКП(б) В.М.Молотовым до сведения Крымского обкома партии.

В Москву была направлена бригада крымских функционеров для согласования деталей решения, а в Крым прибыла комиссия ВЦИК – Ш.М.Ибрагимов, П.Г.Дауге, М.В.Фофанова. Документы работы комиссии постоянно направлялись в Москву, находились в поле интереса на самом высоком уровне. За три месяца Крымский обком РКП(б) более 20 раз рассматривал различные аспекты, возникавшие по ходу деятельности посланцев центра [36, с.57–58]. В числе других обсуждались проекты административных решений, формирование органов управления, определение структуры наркоматов, направлений, содержания их деятельности.

Наиболее важные вопросы были вынесены на рассмотрение двух расширенных («широких») пленумов Крымского обкома РКП(б). В частности, была сформирована полномочная комиссия для подготовки Конституции Крыма, обсужден выработанный ею проект постановления ВЦИК «Об автономии Крымской Социалистической Советской Республики». В нем говорилось: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановили: 1. Образовать автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР в границах Крымского полуострова из существующих округов Симферопольского, Севастопольского, Керченского, Феодосийского, Евпаторийского, Ялтинского и Джанкойского. Государственными языками К.С.С.Р. провозглашаются русский и татарский. Герб КССР состоит из изображения серпа и молота, и надписи на венке, его окружающем, на русском и татарском языках "КССР" и "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Знамя КССР состоит из красного фона с надписью на русском и татарском языках "КССР"» [36, с.58; 14].

Тогда же Пленум одобрил с поправками (как и предыдущий документ) проект Конституции Крымской ССР и направил для рассмотрения и согласования в Москву.

После соответствующей доработки 19 октября 1921 г. в газете «Известия» за подписью В.И.Ленина, М.И.Калинина и А.С.Енукидзе было опубликовано постановление ВЦИК и СНК от 18 октября о создании Крымской АССР [11, с.38].

Решение принято

7–11 ноября в Симферополе состоялся Первый Всекрымский Учредительный съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и флотских депутатов. Съезд избрал

И.В.СТАЛИН И СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АВТОНОМИИ. 1921 г.

руководящий орган Крымской АССР в составе 50 человек, 20 (по другим сведениям – 15 и 18) из которых являлись татарами. Председателем КрымЦИК был избран Ю.П.Гавен [19, с.380–386]. На первой сессии верховного органа был утвержден состав Совета Народных Комиссаров Республики во главе с С.-Г. Саид-Галиевым, который до этого работал председателем правительства Татарской АССР, являлся членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Из 13 министерских постов татарам было предоставлено четыре [34, с.285].

Слева: Ю.Гавен (фото из частного собрания); справа: Сахибгирай Сеид-Галиев (почтовая открытка)

Таким образом, десятимесячная подготовительная работа по созданию Крымской АССР прошла в генеральном русле, определенном в первом же, еще январском (1921 г.), решении ЦК РКП(б) по данному вопросу, и подтвердила правоту расчета официальной Москвы.

Имевшая место дискуссия оказалась полезной как для местных партийных и советских работников, так и для политически активных жителей полуострова. Были отклонены варианты, казавшиеся большинству населения, в силу разных причин, неприемлемыми, несовершенными, недостаточно конструктивными, а реализовались планы, к которым объективно (конечно, не стоит сбрасывать со счетов и влияния целенаправленной идейно-просветительной работы, политической пропаганды) склонялось большинство жителей региона.

Представляется искусственной, надуманной более поздняя дискуссия о том, являлась ли Крымская республика 1921 г. национальной или же территориальной автономией [34, с.285, 289–290, 293].

Вовсе не приемлемыми, граничащими с примитивными фантазиями, порожденными стремлениями реализовать во что бы то ни стало критический заряд, выглядят рассуждения, согласно которым, «заигрывая с кемалистской Турцией, Кремль выдвигал в этой республике преимущественно людей крымско-татарского происхождения. Складывалось ложное представление о том, что крымская автономия была, как и все другие, национальной, то есть крымско-татарской» [35, с.2].

Оценка обретенного статуса

Совокупность документов, обусловивших и сопровождавших процесс рождения и становления Крымской АССР, реальное положение дел дают все основания для их однозначного

толкования и восприятия как воплощения в жизнь территориального принципа. Особенности национального состава населения Крыма не позволили применить в данном конкретном случае принцип национально-территориальной автономии – широко обсуждавшийся, обосновывавшийся, отстаивавшийся в дореволюционные годы и составивший один из краеугольных элементов теоретического фундамента будущего устройства многонационального социалистического государства. Поэтому и все имевшие впоследствии место попытки изменить смысл и содержание выработанного статуса Крымской автономии в зауженно национальном ключе были, по существу, отступлением от тщательно взвешенных первоначальных решений, которые могли определенной частью социума (никогда не преобладающей частью) и не разделяться. Однако надо учитывать и то, что даже незначительные проявления тенденций в таком направлении с неизбежностью были чреваты и порождением недовольства и противодействия со стороны других этнических групп полуострова, численно не уступающих крымско-татарской общности, что, несколько забегая хронологически вперед, в общем-то и случилось в практике коренизации с татарским уклоном, или проще – «татаризации» [34, с.286–288; 33, с.176–180, 185–192].

Как представляется, не совсем точный вариант объяснения принципа создания Крымской АССР был найден авторами «Очерков Крымской областной партийной организации», вышедших в 1981 г. В издании

говорится: «Крымская АССР возникла в полном соответствии с программными положениями большевистской партии по национальному вопросу. Одним из основных положений этой программы являлось предоставление областной (территориальной) автономии для наций, которые пожелают остаться в рамках единого государства» [18, с.108].

Дело в том, что, строго говоря, такого требования, входившего в программу большевистской партии, никогда не было.

В первой Программе партии, принятой Вторым съездом РСДРП в 1903 г., содержался всего один (девятый) пункт, имевший целью разрешение национального вопроса: «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» [22, с.420]. А принцип автономии органично связывался не с национальной программой, а с поиском оптимальных вариантов демократического самоуправления. В пункте третьем значилось: «Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения» [22, с.420].

Внимание к принципу национально-территориальной автономии актуализировалось в годы, предшествовавшие Первой мировой войне и в период ее проведения. Забота об интернациональном единстве пролетариата, которому угрожало размежевание по «национальным квартирам», обусловила повышенное внимание к национальной проблеме, появление огромного количества теоретических работ, которые в сумме условно наименовали разработкой национального вопроса, обоснованием национальной программы. Впоследствии этот подход был абсолютизирован [12, с.151], как хрестоматийный элемент вошел в учебники по истории партии и усиленно пропагандировался в научных и публицистических изданиях.

Один из основополагающих подходов заключался в том, что марксистам не выгодно пропагандировать ни федеративный принцип, ни идею децентрализации крупных полиэтнических государств. Подытоживая проведение на нескольких партийных совещаниях (Краковское, Поронинское) и в социал-демократической печати дискуссии, В.И.Ленин акцентировал внимание на том, что в интересах пролетарской борьбы, интернационального сплочения рабочих «... необходима ... широкая областная автономия ... на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.» [16, т.24, с.58]. А завершая труд «О праве наций на самоопределение» (1914 г.), лидер большевистской партии так лапидарно изложил сущность партийной стратегии: «Полное равноправие на-

ций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций – этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России» [16, т.25, с.319]. Как видно, вопрос об автономии, как программный, отдельно не упоминается. После Февральской революции В.И.Ленин, большевики стали все более активно добиваться реализации права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, считая идеалом социалистическую, советскую федерацию свободных, равноправных народов, одновременно приветствуя шаги, направленные на децентрализацию единого государства [16, т.31, с.436–437; т.32, с.7, 253–254, 341–342, 347, 350–352].

Стоит обратить внимание на дискуссию по национальному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Докладчик И.В.Сталин заявил: «... Наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства, – областная автономия; в) для национальных меньшинств – особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства – единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия» [24, с.194]. А «контрдокладчик» Г.Л.Пятаков, заявляя о том, что «мы стоим за украинскую автономию», подчеркивал: «Программного пункта по данному вопросу у нас нет» [24, с.197].

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) была принята новая (вторая) Программа партии, в которой упомянутый тезис областной (территориальной автономии) также отсутствует. А все положения документа сводятся к четырем требованиям – пунктам:

«1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.» [5, с.397–398].

При этом создатели партийной программы были твердо убеждены в том, что «со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вокруг Советской России» [5, с.398].

Если внимательно вчитаться в смысл новых положений программы, воплотивших в себе и сущностные подвижки, связанные с оценкой общественного развития в годы революции и гражданской войны, с поисками решения статуса крымской автономии, то можно прийти к очевидному выводу. Создание Крымской АССР шло в русле реализации стратегической цели: федеративного объединения государств, организованных по советскому типу. То есть определяющий акцент смещался (насколько это было оправданно и реалистично – вопрос другой) в сторону интернационального сплочения трудящихся и федерирования административно-государственных единиц, созданных по советскому типу. Одновременно необходимо было проявить особую осторожность и особое внимание «к пережиткам национальных чувств», что в конкретном случае с Крымом проецировалось в первую голову на татарско-мусульманский фактор.

Иными словами, в создании Крымской АССР реализовались программные установки РКП(б), но не совсем тот принцип, который считают определяющим авторы истории Крымской парторганизации.

Авторский коллектив тома «Крымская область» в проекте «История городов и сел Украины» поступил осторожнее, уйдя от теоретических трактовок принятых решений, лаконично констатируя, что в феномене Крымской АССР 1921 г. был реализован принцип территориальной автономии [11, с.38–39].

В затронутом контексте, на первый взгляд, несколько неожиданным, но в принципе весьма любопытным представляется подход к оценке процесса создания Крымской автономии коллектива авторов исследова-

ния «Крим в етнополітичному вимірі». Автор соответствующего раздела – А.Галенко – попытался объяснить избранный и осуществленный политиками 1921 г. вариант через призму такого непростого явления, сочетавшего в себе («переплавившего») сложнейшую сумму объективных и субъективных факторов, как национал-коммунизм [33, с.170–174, 180–185].

Правда, логика приведенных рассуждений не всегда убедительна. В одних случаях автор готов квалифицировать проявлениями национал-коммунистических настроений и тенденций общую склонность большевиков к тактической гибкости в годы гражданской войны, позволившую им получить в роли союзников «националистов и даже религиозных деятелей различного толка» [33, с.171]. В других случаях речь идет уже о «компромиссах» тех же большевиков с идейно и организационно определенными национал-коммунистами – в конкретном случае с исламскими национал-коммунистическими течениями [33, с.172]. А еще в «общий зачет» попадают и те крымские татары, которые вступали в ряды Коммунистической партии как интернационалистской по идеологии, природе, составу организации. В мае 1921 г. таких было уже 192 человека, а руководство ими осуществляло Крымоблтатбюро [33, с.181–182].

Общую же картину поиска подходящего решения А.Галенко неожиданно сводит к тому, что «апрель – октябрь 1921 г. были временем соревнования татарских национал-коммунистов с большевиками за основные принципы создания Крымской автономии» [33, с.182].

В результате остается не вполне ясным, где завершались пределы компромисса, равно как, собственно, и соревнования – кого с кем конкретно.

Не отрицая определенного рационального смысла в ракурсе подхода к объяснению весьма непростого, многоаспектного опыта, все же представляется, что национал-коммунистический фактор не только не играл определяющей роли в поиске модели статуса Крымской автономии. Он был, несомненно, менее значим по сравнению с другими проанализированными выше слагаемыми выкристаллизованного решения.

Наверное, нельзя абстрагироваться, например, от рефлексий официальной Москвы, особенно И.В.Сталина, учитывая его государственный и партийный посты, на поведение лидеров крымско-татарской общности в годы революции и гражданской войны. Как известно, они конъюнктурно метались между ориентациями на Турцию, Германию, Польшу (в 1920 г. даже пытались «выбить» у Лиги наций мандат на управление

Крымом, как территорией с неразвитым, требующим унижительного колониального надзора над населением для Речи Посполитой [32, с.140–156]). В основе таких беспринципных метаморфоз лежали стремления во что бы то ни стало, любым, пусть самым предосудительным, способом оторвать Крым от России, тем более – от Советской России. Учитывая уровень традиционного влияния в среде татарского населения национально-религиозной элиты (в том, что она в эмиграции не изменит своего отношения к Советской власти, сомнений практически не возникло), небеспочвенными оставались опасения относительно возможных сепаратистских проявлений именно со стороны крымских татар, составлявших хотя и не большинство, но все же немалый удельный вес жителей полуострова – как отмечалось, около четверти.

Наверняка было бы непростительным заблуждением доказывать, что найденный и претворенный в жизнь статус многонационального Крыма в советской системе был идеален, абсолютно безупречен (если вообще подобные изобретенные модели с неизбежным субъективным компонентом могут иметь место в архисложных областях общественного сознания и жизни). Но вряд ли стоит оспаривать и то, что рассматриваемые документы во многих существенных моментах были рассчитаны на упреждение нежелательных проявлений, массовых эксцессов.

Вряд ли советские лидеры, партийное руководство РСФСР могли недооценивать военно-стратегическую роль Крыма в бассейне Черного и Средиземного морей. Упустить возможность влияния в этом геостратегическом регионе было просто немислимо, как исходя из соображений преемственности исторических традиций, так и несомненных планов превращения советской страны в один из мировых центров.

Сопровождая анализ вышеупомянутых реальных фактов и принятых решений авторскими соображениями, нельзя пройти и мимо того, что в дальнейшем ни руководство СССР, ни ученые (по крайней мере, в академической среде), наверное, не могли не иметь определенных сомнений относительно того, что удалось найти вариант, гарантированно исключавший череду негативных проявлений в сфере национальных отношений в Крыму. Не потому ли в фундаментальном сборнике «Образование СССР», где, среди других документов, приводится множество постановлений, решений, резолюций о создании, определении принципов функционирования автономных республик и областей РСФСР [17, с.164–197, 260–269], Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика ни разу даже не упоминается, а как «Крымский полуостров (Крым)» называется лишь в некоторых официальных документах

общего характера [17, с.21, 43, 44, 126, 170, 184, 188, 222]. Возможно, тут проявилось стремление уйти от возможных «неудобных» вопросов, вызывавших известные затруднения при оценке исторического опыта 30-х – 40-х годов.

Как бы там ни было, ноябрьскими (1921 г.) решениями Москвы и Симферополя была поставлена окончательная точка (по крайней мере, на достаточно длительную перспективу) и в вопросе о границе между Украинской Социалистической Советской Республикой и Крымской Автономной Социалистической Советской Республикой.

Обретенный обоими государственными образованиями статус явился, с одной стороны, прямым следствием революционных сдвигов 1917–1921 гг., с другой стороны, на долгие годы и десятилетия определил характер взаимоотношений между Украиной и Крымом.

Возникшие в процессе определения границы некоторые не очень существенные разногласия (отчасти – отзвук и пролонгация ситуации революционных лет) были без особого напряжения и трудностей улажены (хотя к определенным моментам – их порожидала жизнь – приходилось волей-неволей возвращаться вплоть до середины 20-х гг.).

До взаимного антагонизма и даже сколько-нибудь значительного обострения при этом дело не доходило, что в целом достаточно серьезно отличало ситуацию в Азово-Черноморском регионе от опыта разрешения аналогичных проблем на северных и восточных линиях размежеваний Украины с Россией [30, с.51–57, 147–159; 1, с.111–115].

Уместным представляется предположение о том, что решение вопроса о характере отношений в треугольнике РСФСР – УССР – КАССР в общем вписывалось в тогдашние поиски вариантов налаживания функционирования советской системы в целом и, может быть, в определенной мере способствовало выбору модели, на которой основывалось создание в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. Во всяком случае, в чем-то специфический и одновременно твердый почерк руководителя ведомства, на которое была возложена выработка соответствующего плана, – И.В.Сталина – угадывается и прочитывается достаточно наглядно. И если в жизненной практике объективно возникали ситуации, которые требовали, казалось бы, необходимой коррекции избранного пути, обещавшей определенный эффект, субъекты отношений по многим причинам (и не в последнюю очередь, согласно последнему приведенному замечанию) продолжали безропотно и дисциплинированно нести бремя решений 1921–1922 гг.

Кроме отмеченного, представляется не лишним добавить и такие наблюдения и соображения.

При подготовке и создании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики в составе РСФСР в 1921 г. отдельно вопрос о взаимоотношениях с УССР не подымался, а как бы органично включался в реализацию идеи и контекст широкого объединительного движения, увенчавшегося образованием Союза Советских Социалистических Республик.

Можно выразить субъективное мнение о том, что лица, причастные к решению вопроса о статусе Крыма, в первую очередь партийное и советское руководство в Москве, сознавали весь груз возложенной на них исторической ответственности, искренне стремились вычислить (может быть, и угадать) максимально приемлемую для всех и на все случаи жизни формулу государственного статуса полуострова. Однако и доставшаяся им проблема с множеством не предсказуемых в перспективе вариантов развития событий, и недостаток опыта в общественном, государственном управлении (ему просто неоткуда было еще к тому времени взяться в большом объеме), особенно в сверхсложной сфере межнациональных отношений, вполне вероятных военных угроз в потенциально одном из наиболее конфликтогенных регионов, и многое другое, скорее всего, позволяли более или менее надежно определиться только с главным направлением достижения желаемого результата, а именно – оптимального вовлечения и жителей полуострова, и их соседей в мирный, созидательный труд, осуществление назревших преобразований, представлявшихся несомненно прогрессивными и во всех отношениях справедливыми. Те же вопросы, которые бы вставали в ходе реальной практики (а то, что они неизбежны, хорошо понималось и осознавалось), предполагалось решать по мере их возникновения и актуализации.

Думается, что даже найти ту условную грань, которая отделяла бы исходные, базовые принципы решения «крымской проблемы» от входящих, порождаемых позднее новыми обстоятельствами задач, потребностей, в силу их естественной нераздельности, в большинстве случаев было или крайне сложно, или же вообще невозможно.

Это вовсе не означает стремления настаивать на том, что как принятые в 1921–1922 гг. решения были абсолютно «непогрешимыми», правильными на всю историческую перспективу, так и несколько более поздняя их корректировка, а то и трансформации были безупречными, беспроблемными, безошибочными и неспредосудительными, не оставляли почвы для сомнений и даже проявления общественного недовольства.

ва. Иначе бы не возникло и причин для тех коллизий, которые в будущем привели, в частности, к осложнению отношений в упомянутом треугольнике – Россия – Украина – Крым. А один из несомненно конструктивных способов понять истоки, природу, сущность, характер имеющихся, а главное – возможных последствий на обозначенном срезе – попробовать последовательно проследить, проанализировать, объективно, непредвзято, неконъюнктурно оценить все, что происходило после 1921–1922 гг., внимательно следуя тому, что предпринято в предложенном материале.

Библиографический список

1. Борисенко Е. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е годы // Родина (Москва). – 1998. №8. С.111–115.
2. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.6. М., 1975. 666 с.
3. Возгрин В. Е. История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма в четырех томах. 2-е изд., стереотипное. Симферополь, 2013. Т.III. 880 с.
4. Володарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. 216 с.
5. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. 601 с.
6. Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 17–22 октября 1918 г.: Протоколы. К., 1991. 241 с.
7. Господаренко Н. М. Государственное устройство Крыма, национальный и социальный состав населения полуострова // Крымский архив. – 2000. №6. С.257–275.
8. Гражданская война на Украине 1918 – 1920 гг. Сб. док. и матер. В 3-х т., 4 кн. К., 1967. Т.1. Кн.1. 874 с.
9. Зарубин А. Г. Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. 2-е изд., исп. и доп. Симферополь, 2008. 727 с.
10. Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. №9. 191–217.
11. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. К., 1974. 624 с.
12. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. 352 с.
13. Киевская мысль (утренний выпуск). – 1917. – 18 ноября.
14. Красный Крым. – 1921. – 31 августа.
15. Крым: прошлое и настоящее. М., 1988.
16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т.
17. Образование СССР. Сборник документов. 1917 –1924. М.-Л., 1949. 472 с.
18. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. 376 с.

И.В.СТАЛИН И СОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АВТОНОМИИ. 1921 г.

---

19. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Сб. документов и материалов. В 3-х тт. Т.2. К., 1957. 510 с.
20. Правда (Петроград). 1917. 24 ноября.
21. Пролетарская мысль (Киев). 1917. 18 ноября.
22. Протоколы II съезда РСДРП. Июль–август 1903 г. М., 1932. 850 с.
23. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. М. СПб., 2013. 340 с.
24. Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 г. М., 1934. 423 с.
25. Солдатенко В. Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. – М., 2017. 423 с.
26. Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. 1917 – 1920. М., 2012. 672 с.
27. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. – М., 1951. –
28. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. (Стенографический отчет). – М., 1923. 255 с.
29. Шибаетов В. П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930. 272 с.
30. Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. К., 1994. 168 с.
31. Затонський В. Из спогадів про українську революцію // Літопис революції (Харків). 1930. №5. С.140–172.
32. Іванець А. Кримська проблема у діяльності УНР періоду Директорії (кінець 1918–1920 рр.). 176 с.
33. Крим в етнополітичному вимірі. К., 2005.
34. Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. К. 2014. 496 с.
35. Кульчицький С. Входження Кримської області до складу УРСР // Історія України. 2004. №12. С.216.
36. Солдатенко В. Ф., Брошеван В. М. Утворення Кримської АСРР у 1921 р. // Український історичний журнал. – 1999. №8 (353). С.53–61.
37. Солдатенко В. Ф. До конфлікту Роднаркому Росії з Українською Центральною Радою (особистісний зріз) // Солдатенко В. Ф. Революційна доба в Україні (1917 – 1920 роки): логіка пізнання, історичні постаті, ключові епізоди. – К., 2011.– С.127–160.
38. Солдатенко В. Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – К., 2002. 352 с.
39. Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. "Історичні есе-хроніки": У 2-х т. Т.І: Рік 1917. Харків, 2008. 560 с.
40. Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України. 17–23 березня 1920 р.: Стенограма. К., 2003. 572 с.

Русская революция
так, как она произошла,
могла произойти
только в России.

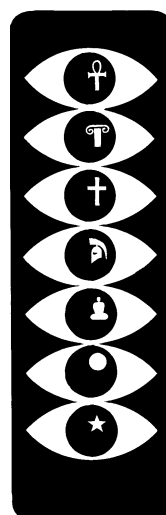
С. Л. Франк

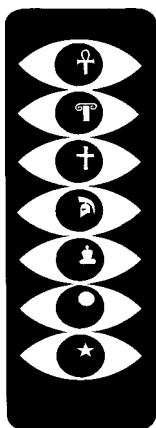
Тяжело, не будучи
великим мудрецом,
смотреть на то,
как жизнь идёт дальше,
захлёстывая тебя
своим потоком.

Анатоль Франс

**Революционеры поклоняются
будущему,
но живут прошлым.**

Н.А.Бердяев

Елена Кириллова

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАСТРОЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ
XX ВЕКА**

**ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ К ИОАННУ
КРОНШТАДТСКОМУ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(479)“1900/1910“

В статье рассматриваются политические настроения в российском обществе начала XX века на материалах писем к Иоанну Кронштадтскому (1829–1908 гг.), которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Поскольку авторы писем принадлежали к разнообразным сословиям и политическим лагерям, письма отражают широкий спектр общественных взглядов. Выступления Иоанна Кронштадтского против Льва Толстого были темой обширной корреспонденции, при этом антитолстовские настроения авторов писем стали индикатором недовольства ситуацией в стране в целом. В статье делается вывод, что документы дают наиболее полное представление о настроениях консервативной части российского общества, представители которой считали важным следование традициям и сохранение роли Православной церкви в обществе.

The article considers political moods in Russian society in the early twentieth century based on the study of letters to famous priest Ioann of Kronstadt (Ioann Kronstadtskii; 1829–1908), stored in the Central State Historical Archive of St. Petersburg. Since the authors of the letters belonged to various estates and political camps, the letters reflect a wide spectrum of social views. The Ioann's confrontation with Lev Tolstoi was also the subject of significant correspondence, anti-Tolstoi sentiment of the letters authors is actually indicate the concern about the overall social situation in Russia. The article concludes that the documents give a most clear idea of the sentiments of the conservative part of Russian society whose representatives believed it was important to follow the traditions and to preserve the Orthodox Church's role in society.

Ключевые слова: Иоанн Кронштадтский; политические реформы; Православная церковь; политическое сознание; традиция, консерватизм.

Key words: Ioann Kronstadtskii; political reforms; Orthodox Church; political consciousness; tradition; conservatism.

E-mail: yahook7@gmail.com

При рассмотрении вопроса об отношении населения к происшедшим в начале XX века в Российской империи изменениям можно использовать письма к Иоанну Кронштадтскому. Иоанн Кронштадтский (в миру – Сергеев Иоанн Ильич; 1829–1908 гг.) был знаменитым деятелем церкви, духовным писателем. Всю свою жизнь он служил в Кронштадте, где с 1875 года был протоиереем, а с 1894 года – настоятелем Андреевского собора. Он приобрел большую известность после посещения в 1894 г. умиравшего царя Александра III. Поклонники отца Иоанна стекались отовсюду в Кронштадт, создав вокруг его имени настоящий культ. Он считал себя не только духовным лицом, но и миссионером, общественным деятелем. Иоанн Кронштадтский придерживался правых консервативных монархических взглядов, которые излагал в своих трудах, его многочисленные статьи публиковались в церковных изданиях, в городских газетах. Он вел обширную переписку, каждый день получал многочисленные письма и телеграммы. Большое значение имела благотворительность отца Иоанна: он жертвовал огромные суммы нуждавшимся и на богоугодные цели (строительство церквей и монастырей, в частности, основал Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, где в 1908 г. он будет похоронен). В 1990 г. Иоанн Кронштадтский причислен к лику святых Русской православной церкви. В последнее время заметно усиление интереса к нему в российском обществе, появляются новые труды о нем, переиздаются написанные ранее его поклонниками. Большею частью они носят панегирический, популярный характер [11, 15].

Исключением является монография Н.Киценко [7]. В ней Иоанн Кронштадтский представлен деятелем-новатором, который в условиях начавшейся модернизации общества пытался переосмыслить роль священника. Автор монографии рассматривала письма из ЦГИА СПб. как отражение русского религиозного сознания, анализировала их чтобы выяснить отношение в народе к этому знаменитому деятелю церкви.

Документы в ЦГИА СПб. выделены в отдельный фонд «Сергеев Иоанн Ильич (Кронштадтский) – протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте» (Ф.2219) и распределены по тематическому признаку в 73 дела. В фонде хранится несколько тысяч писем и телеграмм, по сообщению Н.Киценко только писем с просьбами об исцелении насчитывается около 4 тысяч [7, с.130]. Материалы хронологически относятся ко II половине XIX в. – концу 1908 г., особенно много писем стало поступать с 1890-х гг. Это не только соответствует годам служения отца

Иоанна, но и совпадает с периодом больших потрясений и реформ в стране, трансформации политической и социальной сфер общества.

География писем к Иоанну Кронштадтскому охватывает в основном европейскую часть Российской империи, большинство пришло из Санкт-Петербурга, много адресантов из Архангельской губернии (родины отца Иоанна), есть письма из Москвы, Киева, Харькова, Смоленска, Подольской и Олонецкой губерний, из западных областей (Гродненская губерния, г. Митава). К отцу Иоанну приходили также письма и телеграммы из-за границы как от соотечественников (обычно находившихся в трудной материальной ситуации и просивших о денежной помощи), так и от иностранцев (они просили помолиться о больных) [4, л.1–53].

Социальный состав авторов также очень разнообразен: члены царского дома и придворные, деятели церкви, высокообразованные чиновники и дамы, помещики, сельские учителя, крестьяне, настоятельницы монастырей и монахини. Встречаются послания малограмотные, представляющие собой набор слов, смысл которых угадывается с трудом.

Документы фонда касаются всех сфер деятельности Иоанна Кронштадтского. Много писем личного характера от его родственников и близких людей, с которыми он состоял в постоянной переписке, здесь же деловая корреспонденция (счета, квитанции, переписка о детских приютах).

Но основную часть документов составляют письма и телеграммы посторонних лиц к знаменитому пастырю. На наш взгляд, эти письма к Иоанну Кронштадтскому представляют собой разновидность «писем во власть», которые в последнее время часто используются исследователями для изучения общественного сознания [8, 10, 12, 13]. Выделяют три основные группы писем во власть: письма-просьбы, письма жалобы-кляузы и «философские» письма, в которых излагаются размышления о существующем порядке, делаются предложения по его улучшению [8, с.97]. Именно на эти три группы можно разделить письма к Иоанну Кронштадтскому. Особенность писем к отцу Иоанну состоит в том, что адресовались они конкретному представителю церковной власти, полномочия которого для авторов были не менее реальны, чем полномочия светской власти. Поэтому к священнику нередко обращались с чисто мирскими просьбами (помочь материально, устроить на работу). В большинстве своем письма содержат просьбы о помощи и заступничестве (благословить, помолиться, дать совет, наставление), обычно сопровождаемые рассказом о личных проблемах авторов и близких им

людей. Некоторые почитатели присылали поэтические восхваления знаменитому пастырю [3, л.1–9].

«В это время смутное...»

Однако содержание документов этим не ограничивается: в фонде Иоанна Кронштадтского представлены письма с размышлениями о политических и социальных проблемах,

авторы которых пытались разобраться в сути происходивших процессов, понять, «кто виноват», а не просто просили благ для себя и близких. Этот вид документов – «философские» письма – наиболее ценны для исследователей. Таким содержанием особенно отличаются письма, собранные в два дела фонда: Дело 32 «Письма разных лиц в ответ на погромную проповедь И.И.Сергеева против Льва Толстого. 1893–1906 гг.» и Дело 55 «Письма и телеграммы разных лиц с изложением событий, затронувших их личные интересы в дни революционного движения 1901–1904 гг. и революции 1905–1907 гг.» Эти письма являются массивом однородных документов, позволяющих изучать общественное мнение. Одновременно важным достоинством их является то, что они отражают взгляды «безмолвного большинства», которое не имело других возможностей высказаться, то есть не участвовало в публичном выражении мнений – в печати или политической деятельности. Писались эти послания к Иоанну Кронштадтскому по собственной инициативе авторов, что обеспечивает их искренность, особенно если адресовались они священнику.

Авторы писем прямо или косвенно выражали свое мнение о происходившем в России. Революционные потрясения начала XX века для современников стали большим испытанием, которое вызывало страх, но заставляло задуматься о судьбе страны: «Какое ужасное время переживает Россия», «непроглядная тьма окутала Россию» [1, л.20; 5, л.13, 35 об., 39]. Характерен такой взгляд на происходящее: «В это время смутное, когда Россия переживает всякие беды и невзгоды» [1, л.29]. Авторы называли современные им события «смутой», такое определение постоянно встречается в письмах, становится лейтмотивом [1, л.34; 5, л.29, 44, 52, 57]. Это соответствовало официальному дискурсу: выражение «смуты и волнения» использовано в царском манифесте от 17 октября 1905 г., даровавшем российским подданным политические свободы [14, с.41].

Общий настрой авторов посланий к Иоанну Кронштадтскому можно проиллюстрировать текстом одной телеграммы: «В настоящее время волнений и смут просим ваших молитв и благословения. Дарья и Николай. Москва, Симонова слободка» [5, л.61]¹. Такого рода высказывания не свидетельствуют об эсхатологических настроениях [Ср.: 7, с.279], конца света авторы не ожидали. Письма не содержат реминисценций из Библии, связанных с апокалиптическими предсказаниями. В просьбах помолиться присутствует скорее надежда на избавление от несчастий.

Реформам, предпринятым царским правительством в ответ на революционные события 1905 г., также уделялось немало внимания в посланиях к Иоанну Кронштадтскому. Отношение к реформам так выразил автор одного письма: «Прочитав Манифест 17 Октября 1905 г. и разъяснение его для русского народа, я исполнился печали о происходящем на Святой Руси» [1, л.11]. Свое мнение о переменах изложила в письме от 6 апреля 1906 г. игуменья Таисия (настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря в Череповецком уезде, близкая духовная дочь отца Иоанна): «Страшат меня результаты Государственной Думы, – перевернут они Россию православную на иностранный лад!» [5, л.19]. Письмо отражает не только страх, но также понимание игуменшей характера проводившихся реформ. Другой автор высказал свой взгляд на современные события: «Дума пока не успокаивает, а разжигает низменные страсти людские, поэтому так и подняли головы социал-демократы» [5, л.35 об.]. В письмах отчетливо просматривается негативное отношение к изменениям в политическом устройстве страны, неприятие даже консервативной модернизации, которую проводило самодержавие.

Вопросу о власти государя посвящено обращение к царю, присланное Иоанну Кронштадтскому, видимо, в надежде, что оно будет передано по назначению: «Великий Государь! Внемли умоляющему голосу Твоего народа, глубоко скорбящего о попрании всего дорогого, родного, приносимого теперь в небывало смутное время в жертву кучки бунтующих изменников, раскинувших свои пагубные сети во все уголки Твоей Великой Державы... Ты обманулся, Великий Государь, поверив, что Твой народ желает вырвать у Тебя самодержавную власть – это не народ твой, а дерзкие его отщепенцы, они хотят взять власть с боя и погубить народ Твой, искренне скорбящий об ограничении Твоего самодержавия,

---

¹ Правописание здесь и далее приведено к современным нормам, однако, сохранены особенности стилистики авторов писем.

без которого должна рухнуть целостность, спокойствие и величие России. Прояви Твою истинную строгость, Великий Государь, к дерзким нарушителям существующего порядка и защити нас от их сетей и злобы. Мы, жители Харькова, в ужасной беде, как и вся Россия. Истинная подданная Твоей державы В.Александрова» [5, л.57–58]. Монархически настроенные авторы писали к отцу Иоанну, видя в нем не только единомышленника, но и человека, приближенного к трону, способного стать рупором их чаяний перед государем. Иоанн Кронштадтский всячески афишировал свои личные связи с царствующим домом, в частности, печатал в газетах свои телеграммы к семье Николая II и полученные в ответ высочайшие послания [6].

При этом нельзя утверждать, что авторы писем к Иоанну Кронштадтскому относились исключительно к консервативному (порой – к реакционному) лагерю, являлись глубоко религиозными, если не сказать, фанатичными сторонниками священника. Как ни странно, но обращались к нему также люди, совершенно несогласные с его взглядами, даже пытались переубедить отца Иоанна. Так, один из авторов писал, что «нынешнее положение почти безвыходное для низших классов», поскольку дарованные манифестом 17 октября 1905 г. права не соблюдались: «полиция врывается в каждый дом для обыска или избиения», им подвергаются все, кто «стоит за матушку правду и за бедный народ». Автор призывал отца Иоанна обратить «внимание на нужды народа..., которому нужны не нагайки, а те права, которые обещаны государем Императором и за которые стоят студенты» [5, л.42]. Свою точку зрения на изменения в политической жизни страны высказал в ноябре 1906 г. Владимир Столявский (не побоявшийся подписаться, что является скорее исключением среди авторов, критикующих Иоанна Кронштадтского): «Отказаться от даров самоуправления, участия в Государственной Думе могут только слепцы... Только при участии всех возможны в общественной жизни добрые отношения между людьми» [5, л.50–51 об.]. Однако сторонники реформ, писавшие отцу Иоанну, находились в явном меньшинстве.

Чаще всего в посланиях к отцу Иоанну выражались неодобрение и страх перед событиями, развернувшимися в стране: «Страшно думать, что ждет наше дорогое отечество. Все эти забастовки грозят чем-то ужасным. И церковь, и вера православная в опасности» [5, л.72]. В представлении обывателей катаклизмы и потрясения становились неразрывно связанными с реформами, Объяснение трагическим событиям находили в том, что произошло отступление от устоев миропорядка; проводимые сверху ре-

формы тоже являлись отказом от традиций. Авторы были убеждены в необходимости сохранения роли церкви в обществе. Так написала отцу Иоанну духовная дочь Екатерина Андросова: «У нас появились люди, старающиеся возмутить народ против духовенства и против законов совести, но народ хотя и малограмотный, но пока еще верующий» [5, л.59]. Соблюдение заветов православия в трудные времена виделось залогом избавления от бед и несчастий.

Своими размышлениями о роли церкви в жизни страны делились со священником в марте 1905 г. трое учащихся московского реального училища: «Неоднократно читая в газетах о религиозных бесчинствах, совершающихся в Кронштадте, в городе, где Вы живете и пастырем жителей которого Вы состоите, и видя, какое отвращающее действие они производят к религии, к русской Церкви, осмеливаемся просить Вас разъяснить нам, почему они так долго не прекращаются. Ведь не можете же Вы быть пассивным свидетелем этих безобразий, не можете Вы действовать им своим молчанием? В наше время, когда все общество, а особенно мы, молодежь, мучаемся сомнениями, повсюду ищем чистых, великих идеалов, которые были путеводными звездами в нашей жизни, неужели служители Церкви не имеют достаточно энергии, чтобы охранить ее от этих мерзостей, вкрадывающихся грязным потоком в это великое – хранилище идеалов? Не хочется верить, чтобы балаганной мишурой пошлых процессий с "богородицами" и "ангелами" можно было иметь намерение поддержать Церковь! Думается, что это не какое-то учреждение, которое должно поддерживаться искусственно, а нечто Великое, без чего не может жить народ, которое не выдумано людьми, а постановлено Богом, и его лишь могуществом может быть сохранено для счастья людей. Разрешите же, уважаемый отец Иоанн, наши жгучие вопросы и сомнения. Надеемся услышать от Вас слово истинного пастыря Церкви» [2, л.35, 36].

Гнев этих московских реалистов (они тоже не побоялись подписаться) вызвали процессии поклонников Иоанна Кронштадтского, которые своей восторженностью, даже одержимостью порождали нездоровую атмосферу вокруг него. Не являясь сторонниками подобного рода поклонений, бросающих тень на церковь, высказывая критику в адрес отца Иоанна, молодые люди надеялись при этом обрести важные для них ответы.

Размышления о значении веры и церкви отразились наиболее полно в письмах 1893–1906 гг, присланных Иоанну Кронштадтскому в ответ на многочисленные выступления, проповеди и статьи священника, на-

правленные против учения Льва Толстого о церкви [1, л.1–45]. Одновременно эти документы свидетельствуют о поляризации политических взглядов в российском обществе. Тон этих сочинений И.Кронштадтского был резкий и злобный, нередко высказывалось желание разнообразных кар и наказаний для Л.Толстого, отвергавшего многие постулаты православной церкви.

**«Толстого оставьте,
ибо не Вам погасить
этот великий светильник ума»**

В архивном деле собраны письма 25 авторов, семь из них высказывались отрицательно по поводу выступлений Иоанна Кронштадтского, но только двое категоричны в своем

неприятии Иоанна и его взглядов, только их можно отнести к его противникам, к явным представителям демократического лагеря. Оба предпочли остаться анонимными. Один из них, подписавшийся «Не толсто-вец», высказал свое мнение о посланиях Иоанна: в них «рисуеться не просвещенный и гуманный пастырь, а изувер с самым узким кругозором». И обращался к священнику: «Толстого оставьте, ибо не Вам погасить этот великий светильник ума». [1, л.1, 2]. Второй изложил свои мысли в стихотворной форме, прислав произведение под названием «Пастырям церкви», посвященное Л.Толстому:

Толпой завистников бессильных осужденный

За то, что он об истине учил;

Предстал перед судом он гордый, непокорный.

Седой главы пред ними не склонил... [1, л.3].

Далее автор, подписавшийся буквой «К» и тремя в треугольник выстроенными буквами «х», задавался вопросом: за что осужден Л.Толстой? Отвечая на него, автор стихотворения оправдывал великого писателя.

Критики отца Иоанна не являлись однородной группой, среди них выделялись те, кто, с уважением относясь к авторитету священника, тем не менее высказывали недоумение по поводу категоричности его обвинений Толстого: «Не скрою от Вас того, что я, прочитав вышесказанные строки Ваши, пришел в немалое смущение; ибо усердно молился и молюсь Богу об обращении погибающего Л.Н.Толстого к сознанию своих тяжких заблуждений и раскаянию» [1, л.28]. Подобными же сомнениями поделился со священником 67-летний петербуржец Н.М.Соковнин. Он написал, что прочитал в стенном календаре мысли отца Иоанна и «радостно вкушал великое значение этих слов, и вдруг искуситель пролил в

мою душу яд сомнений, которые я молю Вас разъяснить. Мне случилось ознакомиться с Вашими обличительными словами, произносимыми в Божьем Храме и часто воспроизводимыми на страницах "Ведомостей С.-Петербургского градоначальства", направленными против Графа Льва Толстого. И вот я не нахожу душе покоя: как примирить Ваши обличительные речи, столь чуждые духа христианского незлобия, терпимости и всепрощения, и Ваше карающее письмо с прекрасными словами, кои я при сем прилагаю» [1, л.15].

Другой критик, подписавшийся как Александр Зарубин, также осуждал оскорбительные высказывания отца Иоанна в адрес Л.Толстого. Очевидно, автор письма был знаком с учением писателя, высказывая свое мнение: «Если бы оказался народ такого понятия, как граф Толстой, то не было бы тюрем, каторг и войн» [1, л.14].

В полемику со знаменитым священником вступил толстовец Александр Нератов из Митава, одновременно прося разъяснения: «Почтительнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Отец, не отказать разъяснить мне, если у Вас найдется свободное время, в чем Вы видите ложность учения Графа Толстого и извращение им смысла Евангелия и почему Вы уподобляете Графа Толстого Иуде-предателю» [1, л.36 об.]. К сожалению, материалы архива не позволяют установить, получил ли автор разъяснения от Иоанна Кронштадтского.

Остальные авторы писем поддерживали позицию отца Иоанна. «Толстовская ересь губит Русский народ православный», – сформулировал в своем письме крестьянин из Подольской губернии Ф.Т.Волынец [1, л.11]. Далее автор изложил свои рассуждения про Думу, куда «выберут неверующих», и ничего хорошего из этого не будет. Определяя врагов православия, он высказал антисемитские и антипольские суждения [1, л.11 об.].

«Будущее наше ... рисуется в самых мрачных красках»

Если внимательно вчитаться в документы, то становится ясно, что речь в них идет не столько о Льве Толстом и его учении, сколько о происходивших в России потрясениях и переменах, символом, а иногда и главным виновником которых стал для авторов великий писатель. Взяться за перо большинство авторов заставило не просто неприятие безбожника Толстого, но также опасения за судьбу страны: «Будущее наше русским образованным людям рисуется в самых мрачных красках» [1, л.20 об.].

Среди авторов писем, высказавшихся в поддержку позиции отца Иоанна, нередко были и образованные люди. Особенно показательным письмом, подписанное «истинно преданные Вам киевлянки» [1, л.44–45]. Стиль этого послания экзальтированный, но добротная публицистичность и безукоризненная грамотность выдают дам высокообразованных, даже имевших навыки работы со словом. Хорошая плотная бумага напечатанного на машинке без малейшей помарки письма позволяет предположить, что авторы его принадлежали к обеспеченным кругам общества.

Не жалея красок, киевские дамы обличали пагубность толстовства для России: «Мы говорим о русском безбожии, во главе которого стал твердой ногой один из малых предтеч великого евангельского антихриста – граф Л.Толстой. От ужаса мысль цепенеет, сердце холодной кровью обливается при виде демонических происков этого дерзкого лжепророка. У России не было более злого, более опасного врага; он налег всеми своими чудовищными силами на то, чем красна и могуча русская история; он нагло попирает и топчет в грязь все исторические сокровища русского человека: семью, веру в Бога, беззаветную любовь к Царю и отечеству» [1, л.44 об.]. Для усиления воздействия на читателя употреблялись риторические вопросы: «Чего он хочет от России? Что она, бедная, сделала ему? Откуда эта сатанинская злоба и неодолимое стремление причинить ей зло – неизмеримо большее, чем, на протяжении тысячи лет, ей причиняли монголы, татары и все иноплеменные нашествия?» [1, л.44 об.]

Далее высказывалась обеспокоенность тем, какое влияние оказывает учение Толстого на молодежь: «И посмотрите, что он делает с современным молодым русским поколением? Ведь все зажигательные его прокламации, его глумление над русским патриотизмом, его низведение православной божественной литургии на степень потешного балагана – все это, хотя и в заграничных изданиях, жадно читается нашей молодежью, и авторитет имени Толстого не допускает в юных головах ни критики, ни сомнений. Да и какие тут могут быть сомнения, когда вся русская, так называемая передовая, пресса одно лишь имя Льва Толстого упоминает не иначе, как с лакейским и фанатичным благоговением?» [1, л.44 об.]

В бездействии обвинялись «правлящие сферы», найдены и другие виновники происходящего: «Грех, великий, постыдный грех и тяжкий ответ перед Богом падет на души русских псевдолибералов; они являются действительными заведомыми пособниками чудовищному злу, в сети

которого влечет антихрист Толстой сотни тысяч юных жертв» [1, л.45]. Авторы обращались к Иоанну Кронштадтскому как единственному, кто способен противостоять этому «лютому» врагу: «Но нам верится, что Вы, святой отец, охраните Россию от грозящего ей страшного бедствия, Вы, и только Вы один, во всеоружии Вашей духовной мощи, можете достойно сразиться с русским супостатом, разоблачить самозванное его апостольство и свергнуть идола с его высокого пьедестала, куда вознесли его злые пасынки России» [1, л.45].

Киевлянками двигал также страх за будущую судьбу страны: «Конечная беда не в том еще, что духовно гибнет русская молодежь, растлеваемая учениями Толстого, а в том, что эта самая молодежь через каких-нибудь 15–20 лет станет в ряды общественных, а то и государственных деятелей. И страшно подумать, что тогда у нас будет твориться...» [1, л.45]. Киевлянки, горячо выступавшие против Л.Толстого и его учения, на самом деле выражали беспокойство по поводу ситуации в стране в целом.

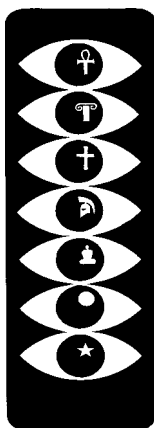
Авторов писем к Иоанну Кронштадтскому нельзя причислить к определенной социальной группе или политическому лагерю, как это делает Н.Киценко, считая, что писали ему только убежденные монархисты или неопределившиеся во взглядах [7, с.298]. Среди авторов писем политического характера можно увидеть людей либеральных, даже революционных, взглядов, готовых вступить в полемику со знаменитым священником. Письма к отцу Иоанну являются представительной выборкой, концентрированно отражающей противоречивое отношение различных слоев российского общества к происходившим в стране переменам. В письмах представлен широкий разброс настроений в российском обществе в период Первой революции: от полного отрицания каких-либо реформ до различной степени готовности принимать идеи модернизации.

Однако особенно ярко выражены ментальные установки населения, ориентированные на следование традиции, «старине». Причем подобные установки были присущи не только крестьянству, на что обычно указывается в научной литературе [9, с.331, 337–339]; они были сильны и у представителей других сословий. Наиболее полное представление документы дают о настроениях консервативной части общества, особенно болезненно реагирующей на малейшие изменения общественного устройства. Материалы фонда Иоанна Кронштадтского документируют неприятие значительной частью населения стремительных социально-политических процессов начала XX в. (индустриализация, урбанизация,

демократизация). С ними неразрывно связывалось разрушение традиционных отношений и связей, в том числе отказ от религиозного мировоззрения, в котором виделась одна из основных скрепляющих общество осей.

Библиографический список

1. ЦГИА СПб. Ф.2219. Оп.1. Д.32.
2. ЦГИА СПб. Ф.2219. Оп.1. Д.40.
3. ЦГИА СПб. Ф.2219. Оп.1. Д.44.
4. ЦГИА СПб. Ф.2219. Оп.1. Д.48.
5. ЦГИА СПб. Ф.2219. Оп.1. Д.55.
6. Котлин. 1905. № 30. 8 февраля.
7. Кищенко Н.Б. Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 392 с.
8. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов. // *Общественные науки и современность*. 1999. №2. С.94–102.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). В 2-х тт. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин. 2003. 548 с.
10. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: Российская политическая энциклопедия. 2011. 400 с.
11. Одинцов М.И. Иоанн Кронштадтский. М.: Молодая гвардия, 2014. 349 с.
12. Попова А.Д. «Когда же она кончится, эта руководящая власть КПСС?»: Образ власти в сознании советских людей во времена перестройки. // *Новый исторический вестник*. 2015. №1(43). С.68–81.
13. Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: Восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы. // *Новый исторический вестник*. 2016. №2(48). С.72–81.
14. Российское законодательство X – XX вв.: в 9 тт. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. / Отв. ред. О.И.Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994.
15. Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский: В 2-х тт. М.: Паломник, 1994. 589 с.

Никита Пивоваров

ИЗ ЖИЗНИ «СТАРНОЙ ГВАРДИИ»

**ОБЩЕСТВО СТАРЫХ
БОЛЬШЕВИКОВ КАК ОПЫТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (1922–1935 гг.)¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47) “1922 – 1935”

В статье изучены основные проблемы становления и функционирования Общества старых большевиков – организации, объединившей практически всю политическую элиту послереволюционной Советской России. В статье раскрыты причины создания Общества в 1922 г., проанализирована его структура, социальный состав, а также ключевые направления деятельности (культурно-просветительное, издательское, социальное). Особый акцент в публикации сделан на роли организации и ее членов в политических процессах 1920 – первой половины 1930-х годов, выдвинута гипотеза о причинах ликвидации Общества в 1935 г.

The article analyzed the main problems of formation and functioning of the Society of old Bolsheviks. This organization united almost the entire political elite of post-revolutionary Soviet Russia. The article reveals the reasons for the establishment of the corporation in 1922, analyze its structure, social composition, as well as key activities (cultural, educational, publishing and social). The publication makes special emphasis on the role of the organization and its members in the political processes of the 1920s – the first half of the 1930-ies, a hypothesis was proposed about the causes of the Society's abolition in 1935.

Ключевые слова: Общество старых большевиков; ЦК РКП(б); политическая элита; И.В.Сталин.

Key words: the society of old Bolsheviks; the Central Committee of the RCP(b); the political elite; Stalin.

E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ, проект №14-01-00313. Выражаю отдельную благодарность за ценные консультации и предложения при подготовке статьи проф. В.И.Шишкину (Новосибирск) и проф. Д.Бранденбергеру (Ричмонд, США).

Революция, гражданская война и массовый «ленинский» призыв в партию в 1924 г. в значительной степени изменили большевистскую организацию. Теперь это уже была не просто политическая организация революционеров-соратников и подпольщиков, а ключевой политический институт молодой Советской республики. В первую очередь, это сказалось на беспрецедентном росте рядовых членов партии². Большевики, еще недавно стоявшие у истоков компартии, оказались растворены в массе молодых коммунистов-функционеров. Как справедливо отметил Н.А.Бердяев, увлекавшийся в молодости марксизмом, возник новый антропологический тип большевика – «молодого человека во френче, гладко выбритого, очень энергичного, дельного, одержимого волей к власти и проталкивающегося в первые ряды жизни» [8, с.589]. Этот новый тип большевика быстро распространялся, изменяя не только внешний, но и внутренний облик компартии, что отмечали лидеры большевиков. Так, В.И.Ленин еще в 1920 г. на III-м Всероссийском съезде РКСМ, видимо, смотря в будущее, откровенно заявлял: «Молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта» [17, с.298].

«Новый» большевик стал активно вытеснять с политической арены большевика «старого». Окончившаяся гражданская война и развернувшееся строительство нэпа лишь укрепили позиции большевистской «молодежи». В их восприятии старые большевики, нередко критически настроенные к действительности, пропитанные духом космополитизма и перманентных дискуссий, были не только пережитком прошлого, но и ненужной для партии элитарной прослойкой.

«Старой гвардии» приходилось адаптироваться к новым политическим условиям. Отчасти это происходило в форме самоорганизации в различные официальные и неофициальные группы, клубы, общества. Так, еще в 1921 г. силами большевиков и «раскаившихся» эсеров, анархистов и меньшевиков было сформировано Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое методами культурно-просветительской работы попыталось адаптировать бывших революционеров к новым

---

² Только с весны 1917 по лето 1921 г. численность РСДРП(б)/РКП(б) выросла почти в 18 раз, достигнув примерно 730 тыс. членов [29, с. 120].

условиям³. Спустя почти год было сформировано еще одно специализированное общество – Общество старых большевиков (ОСБ), ставшее уникальной общественно-политической организацией и видевшее своей задачей объединение всех большевиков с дореволюционным стажем, т.е. всей партийной элиты. ОСБ выступило своеобразным инструментом адаптации старых партийцев к быстро меняющимся политическим условиям – сначала к новой экономической политике, а затем и к сталинским партийно-государственным преобразованиям. Изучение истории ОСБ дает возможность понять на микроуровне, как приспосабливались к крутым поворотам 1920–1930-х годов далеко не рядовые члены большевистской партии, а главное – дать ответ, почему происходило сначала вытеснение, а затем отторжение «старой гвардии» из советской политической системы.

Несмотря на свою значимость, история ОСБ до сих пор оставалась в тени историографии. За исключением небольших статей, опубликованных в советских энциклопедиях [11, с.413–414; 19, с.250], в российской части историографии существует только три специальные публикации – статьи И.В.Павловой [22, с.64–67], Т.П.Коржихиной [16, с.50–65] и С.В.Федорова [28, с.42–48]. При этом публикация Т.П.Коржихиной является наиболее полной на сегодняшний день. Она основывается на весьма солидном фактическом материале, хотя в качестве методологии опирается на постулаты советской исторической школы. Зарубежные авторы рассматривали отдельные аспекты деятельности ОСБ, но почти никогда не занимались специально его изучением⁴. Исключение составляет диссертация украинской исследовательницы Л.В.Артеменко [7].

Ключевыми источниками для написания статьи послужили документы самого ОСБ, сохранившиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В ходе отбора материалов основное внимание было сосредоточено на правовых документах (проектах уставов, правках к ним), а также на источниках руководящих органов ОСБ – протоколах Бюро, а с 1931 г. – Президиума ОСБ. Делопроизводство старых большевиков в своих общих основах копировало делопроизводство высших партийных органов: Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Наряду с подписными протоколами Бюро и Президиума

---

³ Более подробно об Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев см. в работе немецкого автора М.Юнге [30].

⁴ Наиболее полно отдельные фрагменты истории ОСБ исследовал немецкий историк М.Юнге.

сохранились рукописные подлинники. Некоторые из заседаний стенографировались. Вплоть до 1925 г. протоколы были довольно развернутыми и информативными: в них заносились не только окончательные решения, но и отдельные высказывания участников заседания. С середины 1920-х годов протоколы становятся более «сухими» и составляются по формуле: «слушали» – «постановили». Важным подспорьем при написании статьи послужили документы высших партийных органов власти, которые отложились как в РГАСПИ, так и в тематических делах Политбюро, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). При подготовке статьи использовались материалы периодической печати: издания самого ОСБ («Бюллетень Всесоюзного общества старых большевиков» и журнал «Старый большевик») и официальные печатные органы (газета «Правда», журналы «Большевик» и «Пролетарская революция»). Отдельные факты из истории ОСБ были почерпнуты из мемуарной литературы.

Создание Общества старых большевиков

Один из ключевых вопросов в истории ОСБ – причина его образования. Прямой ответ в партийных материалах отсутствует. Лишь косвенные свидетельства отложились в документах

Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б), более известной как Истпарт. В начале октября 1921 г. коллегия Истпарта⁵ обратилась в ЦК партии с просьбой об образовании при Комиссии клуба, который должен был стать «одним из звеньев превращения Истпарта в живую и действенную организацию, привлечь массу новых работников и сделаться центром, очищающим и сплачивающим ряды новых членов партии и сознательных коммунистов» [4, д.20, л.27]. Предполагалось, что это будет достаточно демократическое учреждение, открытое для всех коммунистов, особенно для рабочей молодежи. Возглавить работу должны были опытные и проверенные большевики. Работа по созданию клуба завершилась в кратчайшие сроки. К 10 октября планировалось его торжественно открыть. С докладами готовились выступить М.С.Ольминский и П.Н.Лепешинский (члены коллегии Истпарта). Однако открытие клуба так и не состоялось.

---

⁵ На заседании присутствовали В.В.Адоратский, О.А.Варенцова, А.И.Ульянова-Елизарова, В.И.Невский, М.С.Ольминский и Н.Н.Покровский.

Главной причиной этого стала «передача» Истпарта из системы Наркомпроса в ЦК партии. Переход затянулся почти на месяц, и лишь в ноябре 1921 г. решением Оргбюро ЦК Истпарт окончательно вошел в структуру аппарата ЦК РКП(б) [3, д.240, л.3]. В конце ноября к идее клуба вернулись. Главные цели были сохранены: объединение «стариков» и решение задач по политическому воспитанию молодежи. Работа по созданию клуба при Истпарте вновь закипела.

По воспоминаниям В.И.Невского, одного из инициаторов создания ОСБ, в начале декабря была сформирована небольшая инициативная группа для конкретизации целей и задач будущей организации. Помимо Невского в эту группу вошли Н.А.Жидилев, П.Н.Лепешинский, С.В.Малышев, М.С.Ольминский, Ф.Н.Самойлов [18, с.172]. Члены группы провели своеобразный опрос среди пяти десятков старых партийцев (преимущественно сотрудников аппарата ЦК и центральных государственных органов) о необходимости создания подобной организации. Подавляющее большинство участников опроса одобрили идею. Но проекты один за другим отвергались на коллегиях Истпарта [4, д.1, л.12].

Почему же открытие клуба затягивалось? Отчасти это было связано с тем, что руководство Управления делами ЦК партии примерно в то же время выступило с идеей создания политического и дискуссионного клуба, но не при Истпарте, а при ЦК. Управление делами ЦК учитывало сложную политическую обстановку, в которой оказались большевики после X съезда. Дискуссии об организационных основах компартии и дальнейших путях ее развития не просто раскачивали корабль большевистской партии, а грозили перевернуть и даже потопить его. С конца 1920 г. при официальном печатном органе ЦК «Известиях ЦК» выходил «Дискуссионный листок», в котором публиковались острые и злободневные статьи, в том числе представителей фракционеров [2, д.124, л.2]. Управление делами планировало создать живую площадку, где бы постоянно звучали дискуссии по партийным вопросам. Руководство большевиков не решилось на такой шаг. В итоге клуб должен был все-таки открыться при Истпарте [4, д.1, л.13]. Но в конечном итоге идея клуба претерпела существенную трансформацию.

И вот холодным январским утром, в конце января 1922 г., в Кремле в столовой Совнаркома состоялось учредительное собрание ОСБ. На нем присутствовали партийцы, совершенно разные по политическому весу и влиянию. На заседание пришли А.А.Дивильковский, который в январе 1922 г. занимал пост помощника управляющего делами СНК, а спустя

несколько месяцев возглавил служебную приемную В.И.Ленина и в итоге оказался одним из немногих приближенных к телу умирающего вождя; В.В.Куйбышев – кандидат в члены ЦК РКП(б), член Президиума ВСНХ РСФСР, избранный в апреле того же года секретарем ЦК; П.И.Лебедев-Полянский – преподаватель русской литературы в Социалистической (позже – Коммунистической) академии, секретарь Международного бюро Всероссийского Пролеткульта, в том же году назначенный заведующим Главным управлением по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлита); П.Н.Лепешинский – член коллегии Истпарта; М.М.Литвинов – заместитель наркома иностранных дел; С.В.Малышев – член коллегии Наркомата труда; Н.Л.Мещеряков – председатель редколлегии газеты «Правда», одновременно заведующий Госиздатом, а также член правления Центросоюза и кооперативной секции ИККИ; В.П.Ногин – председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б); М.С.Ольминский – член коллегии Истпарта; Е.А.Преображенский – председатель финансового комитета ЦК РКП(б), член коллегии Народного комиссариата финансов; М.А.Савельев – член Президиума ВСНХ и коллегии Истпарта, редактор журнала «Народное хозяйство»; В.Н.Соколов – член коллегии Наркомзема; П.Г.Соколов – сотрудник аппарата ЦК партии; И.В.Сталин – член Политбюро ЦК, нарком РКИ и нарком по делам национальностей, избранный спустя несколько месяцев генеральным секретарем ЦК РКП(б).

Председателем собрания единогласно был избран М.С.Ольминский, секретарем – А.А.Дивильковский. С докладом выступил член инициативной группы С.В.Малышев. Обосновывая необходимость образования ОСБ, он заявил, что главной «идеей инициаторов общества была необходимость поддержания крепкой товарищеской спайки в наших рядах, которая особенно характерна для старой, нелегальной организации». «Эту спайку необходимо передать и партийной молодежи», – добавил он [5, д.3, л.2]. С такими целями согласились далеко не все присутствующие. Например, Е.А.Преображенский заявил, что задачи будущей организации должны быть ограничены только материальной поддержкой старых по возрасту членов партии. Он же предложил ввести членские взносы и произвести учет всех «стариков». М.М.Литвинов вообще заявил, что организация должна функционировать в качестве своеобразного клуба при Истпарте, куда бы могли приходиться и делиться воспоминаниями и последними новостями представители «старой гвардии». Эту идею разделял В.П.Ногин. Он считал, что для единения старых большевиков будет достаточно клуба при Истпарте, но со столовой.

Ногин добавил, что деление на «стариков» и молодежь существовало и до революции. «Не в интересах партии увеличивать эту рознь установлением каких-либо привилегий», – заявлял он [5, д.3, л.2 об].

П.И.Лебедев-Полянский, напротив, поддержал основную идею доклада. Он считал, что главная задача будущей организации не только моральная и материальная поддержка старых партийцев, но восстановление былой дореволюционной товарищеской спайки, которая, по его мнению, уже утрачена в партии. Еще дальше в своих рассуждениях пошел П.Г.Соколов. Он заявил: «Данная организация является партийной необходимостью. "Старикам" приходится выдерживать на местах борьбу против них в парторганизациях, как против мнимо "устаревших". Данное общество помогло бы ЦК подкреплять их» [5, д.3, л.3]. Неожиданно эту идею подхватил и В.П.Ногин. Он считал, что если общество все-таки будет создано, то оно должно, в первую очередь, служить опорой для партийных работников. Однако против подобных рассуждений решительно выступил С.В.Мальшев. Он заявил, что инициаторы «ни в коем случае не имели в виду чем-либо осложнять либо затруднять работу партии. Парторганизация остается сама по себе, как и была. Наша задача другая: осуществление недостаточного учета сейчас и связи "стариков" между собой» [5, д.3, л.3].

На собрании обсуждались и другие вопросы. В частности, название будущей организации. Представители инициативной группы предложили назвать организацию «Обществом ревнителей Истпарта». Эту идею отклонил В.В.Куйбышев. Он предложил более простое название – «Общество старых большевиков при Истпарте». Острую дискуссию вызвал вопрос о членстве. Ряд участников собрания выступили за разделение будущей организации на «учредителей», т. е. тех, кто имел партстаж до 1905 г., и остальных «простых членов» с меньшим стажем. Категорически против подобных идей высказался И.В.Сталин: «Не годится расчленять состав общества на "учредителей" и остальных членов: это внесло бы оттенок привилегии. Так же неудобен и выставляемый пункт о взаимопомощи. Расходы должны быть приняты на себя партией. Поэтому следует сказать: забота о материальном положении старых большевиков. Общество нужно для этого, так как партия этим делом заниматься не в силах. Состав общества должен быть исключительно из "стариков", большевиков до 1905 года, притом не отходивших от партии и позже. Общество должно содействовать Истпарту» [5, д.3, л.3 об].

Это небольшое выступление И.В.Сталина (зафиксированное весьма конспективно в отличие от выступлений других участников) подвело

своеобразный итог всем дискуссиям на собрании. После его слов следовала лишь короткая протокольная запись: «Все предложения тов. Сталина принимаются затем новым голосованием единогласно как основа для устава Общества» [5, д.3, л.3 об]. Участие И.В.Сталина в организации ОСБ довольно примечательно – он единственный в глазах многих собравшихся был действительным соратником В.И.Ленина. Однако ход дискуссии подсказывает, что, скорее всего, у И.В.Сталина не было оригинальных взглядов на проблему создания организации. Он дождался конца обсуждений, почувствовал общее мнение зала и подвел итоги, но уже от своего имени. Но чем же была продиктована забота И.В.Сталина о «старых большевиках»? Возможно, ответ стоит искать в решениях XI съезда партии, на котором он был избран генеральным секретарем и возглавил аппарат ЦК РКП(б). Выступление И.В.Сталина мы можем рассматривать как некие «предвыборные обещания», обращенные к «старикам». В дальнейшем ОСБ помогло И.В.Сталину в проведении кадровых перестановок. Организация стало своеобразной амортизационной подушкой для бывших революционеров, которые лишались не без помощи И.В.Сталина мест в государственных и партийных структурах, но сохраняли привилегии, а главное, почет в большевистской среде.

У нас нет точно ответа на вопрос о том, был ли знаком с идеей создания ОСБ В.И.Ленин. Скорее всего, ему уже доложили после январского собрания. По воспоминаниям членов ОСБ, сама идея создания была благоприятно воспринята и поддержана Владимиром Ильичом как объединение всех старых большевиков, «живых и активных» [16, с.53].

На январском учредительном собрании было сформировано временное бюро ОСБ. В него вошли пятеро – А.А.Дивильковский (секретарь), П.Н.Лепешинский, С.В.Малышев, М.С.Ольминский и В.П.Ногин. Временное бюро разработало проект устава организации. Спустя неделю 5 февраля состоялось расширенное собрание «старых большевиков». На этот раз о собрании широко оповестили, и на нем присутствовало несколько десятков «старых» большевиков. Собрание единогласно утвердило и приняло, с единогласного одобрения, устав общества и первый список членов, в который вошли 69 видных партийцев. 29 февраля устав был утвержден Оргбюро ЦК РКП(б). Позднее в устав были внесены небольшие поправки, и он был повторно утвержден Оргбюро ЦК 26 июля 1925 г. и зарегистрирован 28 сентября того же года в Народном комиссариате внутренних дел. Это правовое положение в неизменном виде просуществовало вплоть до реорганизации ОСБ в 1931 г.

**Организационные основы
Общества старых
большевиков**

Согласно уставу 1922 г. главными целями ОСБ были: 1. установление тесного товарищеского общения между старыми большевиками; 2. выявление взглядов старых больше-

виков на вопросы современности с точки зрения их революционного опыта; 3. воспитание молодых товарищей в духе старых большевистских традиций; 4. учет «старых» большевиков; 5. материальная поддержка; 6. содействие Истпарту в собирании живых свидетельств о партийном прошлом [26]. Руководители организации неоднократно подчеркивали, что «наисущественнейшими» задачами являлись «глубокая товарищеская спайка, как закалка против соблазнов нэпа» [28, с.46], а также сохранение и трансляция большевистских традиций молодым партийцам [16, с.54]. «Старые» большевики должны были служить образцами моральной чистоты, принципиальности, честности, стойкости, быть, по выражению секретаря ОСБ П.А.Кобозева, «совестью партии» [5, д.32, л.11].

Впрочем, некоторые члены ОСБ в своих рассуждениях шли еще дальше. Они считали, что должны контролировать соблюдение в ЦК ленинской линии, давать советы членам Политбюро и секретарям ЦК, выступая, таким образом, в роли старейшин. Примечательно, что в проекте устава 1922 г. присутствовала следующая цель ОСБ: «Оказание содействия партии в деле укрепления или, в случае надобности, выпрямления партийной линии» [5, д.1, л.2]. Однако при редактировании устава в Оргбюро ЦК это положение было вычеркнуто.

Со схожими идеями выступали некоторые из членов ОСБ. Так, при обсуждении устава член Верховного суда РСФСР А.М.Стопани подготовил записку, в которой предлагал зафиксировать в качестве центральной задачи организации «всяческую заботу о цельном единстве РКП(б) и недопущении чего-либо похожего на создание партии в партии, группировок и групп» [5, д.1, л.3]. В 1924 г. нарком земледелия Грузии И.Ф.Стуруа заявлял: «Разногласия, могущие возникнуть в ЦК, могут играть на руку нашим врагам, поэтому нужно, чтобы все вопросы, которые ставятся на ЦК, сначала поставили на заседании Общества и мнения, высказанные в Обществе, использовали как материал» [28, с.46]. Н.М.Немцов (член Верховного суда и член коллегии Наркомюста) в 1925 г. предлагал, чтобы секретарь ОСБ присутствовал с совещательным голосом на заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК [5, д.4, л.163 об], а член бюро ОСБ И.К.Михайлов в 1926 г. прямо заявил:

«Мы должны быть политической организацией, но не хотим быть пиквикским клубом» [5, д.4, л.276].

Однако большинство членов ОСБ считали, что организация не должна заниматься политической деятельностью и тем более корректировать деятельность ЦК РКП(б). Например, Н.И.Гурвич, в последующем один из основателей американской компартии, на заседании Бюро ОСБ в октябре 1925 г. говорил: «Являемся ли мы действительно старой гвардией? Да! Но мы нисколько не претендуем на влияние в ЦК» [5, д.4, л.157]. Многие старые большевики считали, что ОСБ необходимо выйти за узкие уставные цели и существенно расширить свою культурно-просветительскую деятельность. Особенно остро этот вопрос обсуждался на заседании Бюро ОСБ в ноябре 1925 г. Тогда П.И.Воеводин прямо заявил: «Нам нужно отказаться от той иллюзии, по которой выходит, что мы будто бы "старая гвардия". Мы должны быть гвардией, на которую партия может опираться, не мобилизуя нас. За последние годы мы выросли, и теперь мы можем поставить узкие, но конкретные рамки, в которых мы можем полностью стоять на своем месте. Требование приравнять нас к членам правительства преувеличено. Прежде всего нам нужно быть поближе к жизни. Сейчас наше положение ненормально. Мы должны вынести свою деятельность из стен Кремля – нас и за стенами Кремля сумеют оценить» [5, д.4, л.88 об]. На том же заседании член ЦКК ВКП(б) П.И.Подвойский делился своими представлениями: «Старая гвардия есть действующая, есть и такая, которая в резерве, а есть и такая, которая в архиве [...] мы с 21 года потеряли свое лицо. Целый коллектив молодой гвардии захватил связи Общества. Мы должны думать об освежении, омоложении Общества. Через несколько лет останутся из нашей братии очень немногие. Нам рамки нужно ломать» [5, д.4, л.162]. С мнением Подвойского соглашался М.С.Мовшович: «Мы в своем клубе являемся своего рода аристократией. Мы в Кремле замкнуты. Мы должны быть шире связаны с массами, и тогда с нами больше будут считаться» [5, д.4, л.162].

По мере роста влияния И.В.Сталина разговоры о каком-то особом политическом статусе ОСБ сходили на нет. Характерно при этом, что согласно новому уставу ОСБ (официально оно теперь стало именоваться Всесоюзное общество старых большевиков при Институте Ленина), утвержденному ВЦИК 10 мая 1931 г., главной целью объявлялось «всемерное использование революционного опыта старых большевиков в помощи партии и ее ленинскому ЦК». Лишь ниже шли такие задачи, как восстановление тесного товарищеского общения между старыми боль-

шевиками, а также учет и материальная поддержка старых большевиков [24, с.2]. Но фактически деятельность ОСБ с начала 1930-х годов свелась не к выправлению, а постоянному восхвалению деятельности сталинского ЦК. Ежегодно в адрес руководства партии и ее нового вождя сыпались многочисленные славословия. Лишь некоторые члены ОСБ отмечали деградацию организации и сужение ее поля деятельности.

Конференция Общества старых большевиков. Кремль, Андреевский зал. 1931 г.

Структура ОСБ на протяжении 1922 – 1935 гг. претерпевала неоднократные изменения. Согласно уставу 1922 г. высшим руководящим органом ОСБ было общее собрание. Сначала оно собиралось дважды в год, а затем один раз в год. На нем утверждался отчет ОСБ и избиралось Бюро, на которое возлагалось руководство в промежутках между общими собраниями. Бюро состояло из пяти постоянных членов и трех кандидатов, но на практике каждый «старый» большевик мог присутствовать на заседании Бюро ОСБ и участвовать в обсуждении любых вопросов. На одного из постоянных членов Бюро возлагались одновременно обязанности секретаря и казначея. В 1922–1923 гг. председателем ОСБ был М.С.Ольминский. Но в 1923 г. должность председателя была упразднена, а руководящие функции переданы секретарю организации. Долгие годы этот пост занимал П.А.Кобозев. Исполнительные функции в ОСБ были возложены на различные комиссии – хозяйственную (наблюдала за строительством и ремонтом домов ОСБ), медицинскую, по

учету старых большевиков, по выявлению нужд старых большевиков, по докладам, воспитательную, техническую, ревизионную и т.д. С 1922 г. стали функционировать филиалы общества в других городах. Первый филиал ОСБ был открыт в Петрограде. Его возглавил В.И.Невский. К 1925 г. функционировало уже 25 филиалов. Однако вплоть до начала 1930-х годов региональные структуры ОСБ были плохо связаны с центром. Некоторые вообще не вели никакой деятельности и числились лишь на бумаге.

Устав 1931 г. внес существенные изменения в структуру ОСБ. Высшим руководящим органом ОСБ теперь объявлялся Всесоюзный съезд – он рассматривал и утверждал отчеты организации, на нем выбирали Совет ОСБ и ревизионную комиссию. Съезд созывался один раз в несколько лет. В Совет входили 39 членов и 15 кандидатов в члены. Совет собирался на ежегодные пленумы, а каждодневной текущей работой занимался Президиум ОСБ, состоявший из девяти членов и пяти кандидатов. В отличие от прежнего Бюро заседания Президиума стали закрытыми, и на них имели право присутствовать только выбранные члены и кандидаты. Нетрудно заметить, что руководящие органы ОСБ копировали схему управления высших органов партии: во главе съезд, в промежутках между съездами пленумы ЦК, а текущая деятельность была возложена на Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Почетным председателем ОСБ был избран И.В.Сталин. Реальные же функции председателя с 1931 по 1935 г. исполнял Ем.Ярославский⁶.

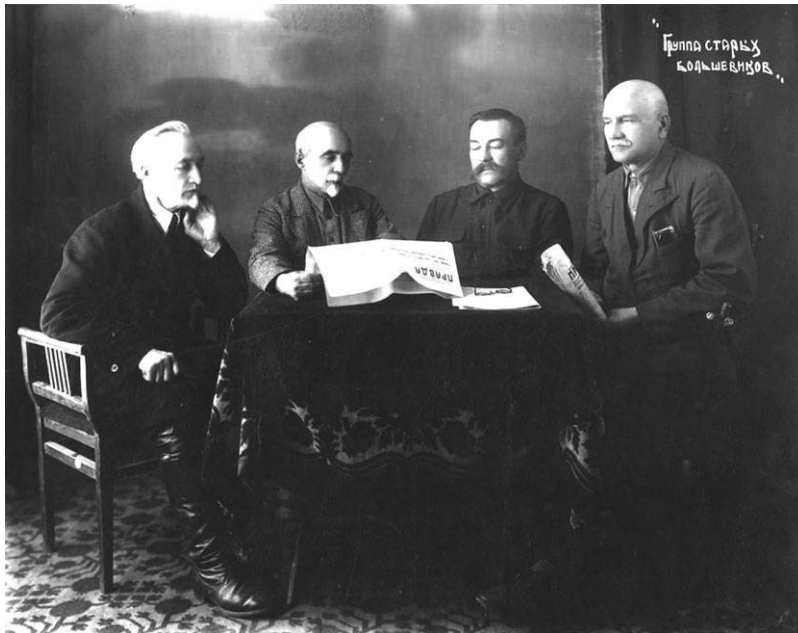
Существенно изменилась исполнительная структура ОСБ. Наряду с комиссиями в Обществе появились такие управленческие подразделения, как сектора, секции, группы. К середине 1930-х годов сложилась следующая структура организации: организационно-правовой сектор с четырьмя секциями (учетно-распределительная, финансово-отчетная, по приему в ОСБ, по связям с филиалами), культурно-просветительский сектор с пятью секциями (редакционно-издательская, библиотечно-клубная, агитационно-массовая, по овладению техникой, по взаимоотношениям с МОПром) и хозяйственный сектор с тремя секциями (строительно-ремонтная, жилищно-квартирная и кооперативно-бытовая). Некоторые секции распались на группы. Например, редак-

---

⁶ Примечательно, что Ем. Ярославский с конца 1931 г. (после публикации письма И.В.Сталина в журнале «Пролетарская революция») был в глубокой опале. Возможно, он использовал пост для собственной реабилитации в глазах вождя. Именно этим стоит объяснить его агрессивную борьбу за «очищение» ОСБ от оппозиционных элементов.

ционно-издательская секция включала три группы – мемуарно-историческую, группу массовой литературы и газетно-журнальную [20, с.10]. Кроме того, при Президиуме ОСБ работали четыре постоянные комиссии – по проверке выполнения поручений (пред. С.Н.Смидович), по перерегистрации и проверке состава (пред. М.Н.Коковихин), по медико-пенсионной взаимопомощи (пред. А.В.Померанцева) и по содействию ЦКК (пред. В.С.Калашников).

Многokrатно возросло число ответственных сотрудников: если в 1931 г. их насчитывалось 103 чел., к 1932 г. это число возросло до 200, а к 1935 г. было почти 350 чел. Наряду с ответственными сотрудниками в аппарате ОСБ работали технические исполнители (машинистки, делопроизводители, курьеры, водители и т.д.). Далеко не все одобряли эти структурные изменения. В 1931 г. член Совета ОСБ Д.И.Шорохов заявлял: «Смета раздута, а работы не видно, платные работники поставлены нецелесообразно. Секторов завелось много, а на деле громкие фразы [...] Как можно из комара слона сделать? Много шума, а мало дела» [20, с.10].

Члены Башкирского отделения Общества старых большевиков. 1930-е годы.

В 1930-е годы заметно активизировалась работа организации в регионах. К 1934 г. в каждой республике, крае и области действовали свои отделения, состоявшие минимум из пяти «старых» большевиков. Руководство ОСБ не скупилось на поддержку работоспособности местных отделений, однако по-прежнему основная жизнь организации протекала в Москве. Поэтому для усиления связи с Москвой с 1934 г. в столице стали формироваться землячества. Главные их задачи состояли в отстаивании интересов региональных отделений, в частности получения соответствующего финансирования, однако некоторые из землячеств занимались самостоятельной культурно-просветительской деятельностью. Самыми многочисленными из землячеств были латвийское, украинское, сибирское. Латвийское землячество активно занималось сбором воспоминаний старых большевиков, сформировав для этих целей семь исследовательских бригад. При поддержке землячества публиковались книги о деятельности латвийских революционеров [9, с.100].

Кто вы, товарищ «старый» большевик?

На протяжении всех лет существования ОСБ, ключевой задачей организации было выявление и учет «старых» большевиков. Но кто был достоин пополнить ряды «стариков»?

Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях руководящих органов ОСБ. В соответствии с уставами 1922 и 1931 г. членами организации могли быть большевики с непрерывным партийным стажем не менее 18 лет. На момент утверждения устава 1922 г. это фактически означало, что членами ОСБ могли быть только большевики, вступившие в партию до 1905 г. Но уже в последующие годы в ОСБ стали принимать и тех, кто вступил в партию позже 1905 г., но сохранял непрерывный партстаж 18 лет. На протяжении 1920-х годов неоднократно обсуждался вопрос об изменении правил приема в члены организации. Например, В.П.Ногин еще в 1922 г. предлагал внести поправку в проект устава о том, что в исключительных случаях в члены могли быть допущены революционеры, состоявшие до 1905 г. в других социалистических партиях. На общем собрании организации в феврале 1922 г. эту поправку одобрили 2/3 собравшихся, но при рассмотрении и утверждении устава в Оргбюро ЦК РКП(б) это положение было вычеркнуто [5, д.1, л.3].

Окончательное решение о приеме в «старые большевики» утверждали руководящие органы ОСБ, тогда как лишение членства в организа-

ции было более сложной процедурой. По уставу 1922 г. для этого требовалось согласие 2/3 участников общего собрания. Поэтому вплоть до 1931 г., когда согласно новому уставу право исключать было передано в руки Президиума ОСБ, каждое лишение членского билета сопровождалось громкими политическими скандалами, чаще всего связанными с борьбой с оппозиционерами.

С конца 1920-х годов растущее число членов ОСБ стало внушать опасения. В 1931 г. член Президиума ОСБ П.М.Никифоров жаловался: «Мы страдаем болезнью роста, поскольку с понижением партстажа ОСБ стало расти и пролетаризироваться» [13, с.12]. Но, главное, членами организации вполне легально оставались многие оппозиционеры. С середины 1920-х годов при приеме в ОСБ стали вводиться всевозможные формальные фильтры. Так, если в 1922 г. для того, чтобы стать «старым» большевиком, нужно было лишь письменное заявление, то с 1925 г. требовались рекомендации от двух других членов Общества. С 1927 г. данные каждого из кандидатов проверялись по бывшим жандармским архивам, а с 1932 г. каждый вступающий должен был заполнить подробный опросник: кем он был по социальному происхождению, какую позицию занимал во время войны, какое участие принимал в Февральской и Октябрьской революциях, состоял ли в Красной гвардии или Красной Армии, чем занимался в советский период [16, с.54]. Необходимо было предоставить развернутую автобиографию, заверенную партийцами-подпольщиками, и три рекомендации от членов ОСБ.

В отдельных случаях, когда даже подобных фильтров было недостаточно, руководство ОСБ просто отказывало кандидату в приеме, мотивируя свое решение разными причинами. Подобная практика стала довольно распространенной с начала 1930-х годов. В этом плане характерен пример, произошедший с героем гражданской войны, советским военачальником и дипломатом В.М.Примаковым. Раздосадованный очередным отказом в приеме в организацию, Примаков в 1933 г., занимавший тогда пост заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом, лично обратился с письмом к И.В.Сталину: «Год тому назад перед отъездом на учения в немецкую военную академию я писал вам, что общество старых большевиков отказало мне в приеме в члены общества, вследствие того что с 1924 по 1928 г. я был троцкистом. Я считаю это неправильным, и, так как мое обращение к т. Ярославскому не привело ни к чему, я написал вам, но, вследствие отъезда за границу, не получил ответа. Я еще раз прошу пересмотреть решение Президиума Общества и принять во внимание следующее: все годы моей партийной

работы, во время мировой войны, в тюрьме и ссылке в Сибири, во все остальные годы гражданской войны и революции я был большевиком-ленинцем. Конечно, мои ошибки как троцкиста – это серьезные партийные ошибки, и хотя меня не исключали из партии, но старые большевики совершенно правильно помнят их и ставят мне в зачет. Однако неправильно отказывать мне в приеме в общество, так как, конечно, я не троцкист, а большевик-ленинец, с полной глубиной осудивший свои партийные ошибки» [1, д.67, л.14]. Ем. Ярославскому была отправлена копия письма Примакова, но и тогда председатель Общества остался невозмутим. В ответной записке, подготовленной для И.В.Сталина и Л.М.Кагановича, он заявлял: «Я получил копию заявления т. В.Примакова по поводу того, что Общество старых большевиков не приняло его до сих пор в свои ряды. Мы не принимали до сих пор тех большевиков, которые от большевистской партии уходили к троцкистам. [...] Правда, Примаков не исключался из партии. Но это не меняет дело. Мнение Президиума ВОСБ таково, что следует воздержаться пока от их приема, вернее – отказать им в приеме» [1, д.67, л.14].

Несмотря на всевозможные фильтры, численность ОСБ ежегодно росла. Если в первый состав организации в начале 1922 г. вошли только 69 членов, то уже к концу того же года членами ОСБ числились 211 человек,

- в 1923 г. – 286,
- в 1924 г. – 318,
- в 1925 г. – 388,
- в 1926 г. – 422,
- в 1927 г. – 503,
- в 1928 г. – 583,
- в 1929 г. – 655,
- в 1930 г. – 752,
- в 1931 г. – 1024,
- в 1932 г. – 1224,
- в 1933 – 1605,
- в 1934 г. – 1907,
- в 1935 г. – 2138 человек [5, д.4, л.91; д.10, л.131, 347; 26, с.19; 27, с.32; 21, с. 4–11; 24, с.3].

Подавляющее число членов Общества проживало в Москве. На протяжении всех 1920-х годов численность «москвичей» составляла до 80% всех членов. Лишь с начала 1930-х годов ситуация стала меняться. Но даже к 1935 г. 1257 (почти 60%) проживали в столице [16, с.55].

На протяжении всех лет существования ОСБ менялась не только его численность, но и социальный облик. Организация «молодела» с каждым годом: если в 1922 г. половина членов была в возрасте свыше 55 лет, то уже к 1932 г. к этой возрастной группе относилось лишь 15 %, тогда как почти 33% были 45 – 55 лет и около 52% были младше 45 лет. Изменилась и социальная занятость членов. Среди членов ОСБ традиционно преобладали служащие, но к 1930-м этот социальный слой стал доминирующим. Так, в 1930-ом году из 752 членов 78,4% относились к служащим (в том числе 66,5% были совслужащими, 10,6% занимали ответственные партийные посты и 1,3% состояли на профсоюзной и комсомольской работе) [5, д.10, л.347]. В 1930-е годы значительную часть членов ОСБ мало что связывало с революционной «старой гвардией». Кроме того, почти пятая часть членов Общества не принимала активно участия в работе организации по состоянию здоровья и находилась на пенсии.

**Жизнь и смерть «старых»
большевиков**

Наряду с учетом старых партийцев не менее важным направлением деятельности ОСБ была материальная поддержка своих членов. Повестка заседаний Бюро или Президиума

ОСБ заполнена различными бытовыми вопросами – от выдачи пенсий и пособий, продуктовых пайков, предоставления командировок в санатории до выделения жилплощади в Москве и мест в дачных поселках. Вот довольно типичная повестка заседания Бюро общества, состоявшегося 17 июня 1926 г. : «Просьба члена О[бщест]ва Морозова М.В. предоставить ему два билета для поездки по Волге; Заявление членов О[бщест]ва т. т. Кармановой А.Г. и Винокуровой А.П. о продлении им срока лечения в Кисловодске на две недели; Просьба члена О-ва Андреева Я.А. о предоставлении ему бесплатного ж[елезнодорожного] билета до Кисловодска и обратно; Заявление жены умершего члена О[бщест]ва Егорова-Кириллова о поддержании ее ходатайства перед НКСО об увеличении размера получаемой ею персональной пенсии; Заявление члена О[бщест]ва Жукова Б.С. о выдаче ему единовременно пособия на лечение; Заявление члена О[бщест]ва Мицкевич О.Н. о предоставлении ей бесплатного билета до Боржома и обратно» [5, д.17, л.52]. Организация занималась даже мельчайшими бытовыми затруднениями своих членов. Так, в том же 1926 г. А.В.Мандельштаму (более известному в революционной среде под кличкой Одиссей) было выпла-

чено 100 руб., т.к. у него в трамвае «подрезали кошелек» [5, д.17, л.97]. Для разрешения бытовых вопросов к помощи ОСБ прибегали достаточно именитые члены. Так, в 1931 г. А.И.Рыков направил руководству организации просьбу о своей дочери: «Я хочу дочь свою Наталью Рыкову, окончившую школу второй ступени, зачислить на рабфак им. Бухарина. По существующим правилам, это зачисление будет очень облегчено, если я предоставлю документ от Общества старых большевиков, членом которого состою. Прошу такой для направления ее на рабфак выдать» [12, с.337]. О том, что бытовые вопросы превалировали на заседаниях Общества, свидетельствует следующая статистика: в 1927 г. Бюро рассмотрело 1127 вопросов, из них 612 касались приема в члены Общества, 185 просьб – об оказании материальной помощи, 135 – назначении пенсий, 66 – оказании медицинской помощи, 59 – содействию в получении жилплощади, 37 – предоставлении бесплатных мест в санатории [5, д.13, л.17].

В отличие от многих других советских общественных организаций, ОСБ находилось в более привилегированном положении. Руководство могло прямо обратиться в ЦК или соответствующие наркоматы и государственные структуры для решения вопроса, и надо признать, мало кто решался отказать им в помощи. Например, Наркомсобес ежемесячно выделял членам Общества, утратившим трудоспособность, пенсию в размере 25 червонцев в месяц. Даже члены семей старых большевиков могли претендовать на получение единовременного пособия для решения социально-бытовых проблем. Члены ОСБ получали дополнительные продуктовые карточки и усиленные продпайки. В 1922 г. «старым» большевикам были переданы 300 продуктовых пайков, предназначавшихся членам Академии наук. Руководство организации так ответило на возмущения академиков: «Пусть протестуют и кричат профессора, что у них отнимают пайки, но наши ветераны и инвалиды революции имеют на них не меньше права, чем ученые» [5, д.13, л.17 об]. С материальной точки зрения члены ОСБ обеспечивались на уровне ответственных работников, при этом не занимали никаких руководящих постов. В 1924 г. член Бюро ОСБ В.П.Орлов сообщал, что некоторые «старые» большевики получали до 50 червонцев в месяц, паек ЦК и, не работая в государственных или партийных органах, занимались литературным трудом, имели соответствующие гонорары [5, д.14, л.5].

Нуждающимся членам организации выделяли квартиры. Первоначально их селили в квартирах в центре Москвы, например, в Доме Советов [5, д.14, л.5]. Но уже с 1927 г. эта практика прекратилась. Некото-

рым из них в обмен на московские квартиры предоставляли подмосковные дачи. Но «старые» большевики, благодаря протекции со стороны высшего партийного начальства, лишь в редких случаях соглашались покинуть столицу. В отчете ОСБ за 1927 г. критиковались действия рядовых членов организации: «Жильцы эти, нигде не работающие и живущие на пенсии, исходатавшие у Общества старых большевиков в свое время квартиры, не хотят понять преступного [...] упорства [...] их отказа, поддерживаемого, кстати сказать, неразумным вмешательством влиятельных лиц, переселиться в Покровское-Стрешнево, чтобы дать возможность вселиться в их комнаты товарищам, работающим в Москве» [5, д.3, л.15].

Запросы ОСБ в новом жилье росли с каждым годом. В 1931 г. члены Политбюро ЦК постановили выделить «старым» большевикам 200 тыс. руб. на строительство дома с клубом [5, д. 3, л. 11], а уже в начале 1932 г. Ем. Ярославский обратился с очередным ходатайством о выделении квартир для членов ОСБ [5, д.3, л.3]. Дома для «старых» большевиков возводились не только в столице. В Харькове в начале 1930-х годов был открыт дом-коммуна для «старых» большевиков и участников революции 1905 г. В 1933 – 1934 гг. в Свердловске и Нижнем Новгороде были построены аналогичные дома. Все эти провинциальные дома заметно отличались от жилищ рядовых горожан. В них находились клубы, столовые, прачечные, детские сады, магазины и амбулатории. Это были настоящие уголки социалистического рая, но только для избранных.

Дом Общества старых большевиков в Свердловске. 1932 г.

Руководство ОСБ выделяло деньги и на строительство дач. Уже к 1926 г. в ведении «старых» большевиков было несколько десятков дачных участков в Подмосковье, Крыму и Черноморском побережье [5, д.19, л.49]. С 1930 г. на деньги ОСБ началось строительство отдельного дачного поселка в 40 км от Москвы. Под эти цели было выделено почти 100 гектаров земли. Уже к 1931 г. здесь были возведены первые жилые дома, проложены улицы с грунтовым покрытием. Сюда планировалось провести отдельную железнодорожную ветку [5, д.19, л.96]. Центральное место в поселке занял дом отдыха – огромное каменное трехэтажное здание. В нем располагались большая столовая, читальня, библиотека, отдельная комната для игры в шахматы, общий зал для отдыхающих. В читальню раз в две недели привозили свежую прессу – не только советскую, но и иностранную, в том числе такие газеты как «L'Humanité», «The Daily Telegraph», «Vorwärts» и другие. Всего в доме было 50 жилых комнат, в каждой из которых была ванна с душем, на каждом этаже располагалась летняя веранда с небольшим баром и солярием. При доме функционировал гараж с тремя легковыми и одной грузовой машиной. К дому отдыха примыкали небольшие одноэтажные четырехквартирные деревянные домики. Все дома в поселке были оснащены канализацией и электричеством [20, с.36].

В ведении Общества находились подшефная сельхозкоммуна им. Старых большевиков и две сельхозартели (им. Ольминского и «Самородок»). В коммуне занимались разведением свиней (здесь содержалось около 200 голов свиней, в том числе племенных), имелись инкубатор емкостью до 20 тыс. яицмест и птичник на одну тысячу голов. В хозяйстве коммуны была мельница с нефтяным двигателем и небольшой кирпичный завод. Артель им. Ольминского специализировалась на мясо-молочной отрасли – тут содержали около 250 голов крупного рогатого скота, а в «Самородке» занимались разведением огородно-семеноводческих и плодово-овощных культур. Вся продукция, заготавливаемая сельхозпредприятиями, полностью распределялась среди членов организации [5, д.18, л.95].

«Старым» большевикам предоставлялась высококвалифицированная бесплатная медицинская помощь. Значение медпомощи, как одной из ведущих форм деятельности, неоднократно отмечалось руководством организации. Так, в отчете ОСБ за 1924 г. говорилось: «Необходимость основательного ремонта "старой гвардии" сама по себе

очевидна, так как в своем подавляющем большинстве эта "гвардия" ведет интенсивную работу в органах республики, расходуя свое сильно подорванное каторгой, ссылкой и тюрьмами здоровье. Потребность в санаторном или курортном лечении старых большевиков необходима» [5, д.3, л.266]. Бесплатные медицинские консультации членам ОСБ оказывала Лечебная комиссия ЦК партии.

В 1929 г. в ходе реорганизации Лечебная комиссия ЦК была упразднена. Вместо нее создавались комиссии при наркомздраве РСФСР. При этом Лечебно-Санаторное управление Кремля при СНК для лечения ответственных работников сохранилось. Но «старые» большевики должны были прикрепляться к учреждениям наркомздрава, а не к Лечсанупру. Это вызвало бурю негодования со стороны представителей старой гвардии. В адрес правительства и ЦК партии посыпались гневные письма. Так, ответственный секретарь ОСБ В.Н.Соколов обратился с письмом к И.В.Сталину. Он заявлял: «До сих пор члены Общества старых большевиков имели возможность пользоваться амбулаторией и лечебницей Санупра Кремля. В дальнейшем, судя по предложениям, эта возможность от них отнимается и они будут переданы в этом отношении на "попечение" Мосздрава на "общих основаниях" со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы прекрасно понимаем необходимость особых забот в отношении профилактики и лечения нужных советской республике ответственных товарищей. Прекрасно также понимаем и необходимость в этом смысле клиентуры кремлевской амбулатории. Но мы полагаем, что это ограничение могло бы пойти не по линии старых большевиков, а по какой-либо иной линии. Члены Общества, за редким исключением, продолжают выполнять ту или иную партийную и советскую работу, и в большинстве случаев достаточно ответственную. И лишение их этой скромной "привилегии" (более внимательного отношения к их здоровью), привилегии, в полной мере ими заслуженной в прошлом, не говоря уже о настоящем, обречение их на "очереди" и второсортную медпомощь Мосздрава было бы несправедливо и нецелесообразно» [1, д.67, л.8]. В итоге решением Политбюро ЦК за «старыми» большевиками было оставлено право пользоваться услугами Лечсанупра наряду с высшим партийным и государственным руководством страны [2, д.723, л.6].

«Старые» большевики за счет средств организации могли совершенно бесплатно отдыхать и лечиться в лучших советских санаториях и курортах, а некоторых из них отправляли на лечение за границу. В по-

следнем случае членам организации выдавалась необходимая сумма в иностранной валюте. Впрочем, протоколы ОСБ фиксируют многочисленные жалобы на плохие условия, особенно на советских курортах. Так, К.М.Норинский в 1924 г. выступил перед Бюро ОСБ с докладом, в котором пожаловался на плохие условия Крымского туберкулезного курорта: «На коммунистов не обращают никакого внимания, пища плоха, все внимание профессуры обращено на удовлетворение богатой публики. Жена т. Норинского, больная спондилитом, не получила за несколько недель ни одной солнечной или морской ванны и была в конце концов вынуждена объявить голодовку» [5, д.21, л.127].

На протяжении 13 лет деятельности ОСБ скончалось по разным причинам около 150 его членов. Поэтому особые расходы организации были связаны с похоронами. На деньги организации проводили торжественные похороны многих видных большевиков, что не становилось поводом для оживленных дискуссий. В 1924 г., в связи с организацией пышных похорон В.М.Лихачева, против подобных непростительных трат выступил М.С.Ольминский. В специальной записке, подготовленной для Бюро ОСБ, он заявлял: «Средства общества должны употребляться на большевиков-инвалидов, больных и сирот, а не на удовлетворение буржуазного тщеславия. Пышные демонстративные похороны коммунистов, членов партии, копируя буржуазные похороны (почетный караул, процессия с музыкой и катафалками, креп, траур, венки, навешивание побрякушек на трупы, вставания на собраниях, поповская фразеология – "лепта", "прах", "почин", "отдать последний долг" и т.д.), являются пережитками буржуазного быта, пережитками фетишистки-идеологического мышления» [5, д.3, л.269]. Ольминский предлагал следующий способ обращения с телом: «Наиболее соответствующим видом похорон признаю: без всяких церемоний отправлять трупы из больницы на утилизационные заводы, где вырабатывать из костей удобрение, а из жира и мозга – мазь для смазки машин и прочих технических целей» [5, д.3, л.271]. Он даже отправил в ЦКК и Истпарт завещание, в котором просил закопать его в землю (если не будет утилизационного завода) без гроба, в одном белье, в присутствии могильщиков и милиции, а само место сравнять с землей [25, с.237]. Идеи Ольминского были встречены в ОСБ с восторгом. Была даже создана комиссия по борьбе с фетишизмом. Для И.В.Сталина был подготовлен проект записки о пересмотре отношения членов партии к мавзолею Ленина. Однако проект так и остался проектом, так же как и практика пышных похорон.

**«Старые» большевики
на фронте культурно-
просветительской работы**

Важным направлением деятельности ОСБ была культурно-просветительская работа. На протяжении 1920 – 1930-х годов визитной карточкой организации стали доклады и лекции. Они были весьма разнообразны по тематике, но в большинстве своем касались политической ситуации в стране и мире.

А.Ф.Иоффе выступает с научно-популярным докладом в ленинградском отделении Общества старых большевиков. 1933 г.

В первой половине 1920-х годов большое число выступлений было посвящено внешней политике. Слушания докладов проходили по «клубным дням» – второе и четвертое воскресенье. На них имели право присутствовать не только члены Общества, но и гости, правда, по специальным приглашениям. Вплоть до 1931 г. доклады можно было послушать в одной из церквей на Соборной площади в Кремле. В свое время сильное впечатление доклады и лекции произвели на будущего

министра иностранных дел А.А.Громыко. В своих воспоминаниях он писал: «На всю жизнь врезались в мою память встречи в Москве с некоторыми выдающимися революционерами во Всесоюзном обществе старых большевиков. [...] Члены общества собирались нечасто, если судить по количеству их собраний, на которых мы, молодые люди, тоже имели возможность присутствовать по пригласительным билетам. С волнением каждый раз мы входили в зал, где проводилось собрание» [10, с.56].

Традиция чтения открытых докладов сложилась не сразу. Первый доклад (это было выступление В.П.Милютина и Е.А.Преображенского о коммунистических партиях на Западе) состоялся лишь в июле 1922 г. Но только с 1923 г. доклады стали регулярными. Докладчиками выступали многие видные партийные деятели. Так, в 1923 г. с докладом выступил И.В.Сталин. К сожалению, текст его речи не сохранился, оста-

лось лишь название – «О положении в партии» [5, д.12, л.22]. Другие партийные лидеры, за неимением времени, проводили беседы. Например, в 1928 г. беседу о делах внутри партии провел Г.К.Орджоникидзе. Иногда доклады становились политическими «смотринами» для тех, кто планировал занять более высокий пост. В мае 1930 г. с докладом о пакте Бриана-Келлога выступал заместитель наркома иностранных дел М.М.Литвинов, спустя месяц занявший пост руководителя наркомата. В сентябре того же 1930 г. перед ОСБ выступал А.И.Микоян с докладом о необходимости создания всесоюзного наркомата снабжения, а уже через два месяца он возглавил общесоюзный наркомат снабжения. Перед Обществом выступали иностранные делегаты, чаще всего члены Коминтерна. Но были и специально приглашенные докладчики. В 1925 г. доклад о ситуации в Китае представил генерал Хунь Мин – один из сподвижников Сунь Ятсена. Некоторые доклады публиковались в журналах «Большевик» и «Пролетарская революция».

Острые политические выступления всегда находились в поле зрения ЦК и СНК. В дебатах иногда выступали члены правительства и партаппарата. Некоторые доклады вызывали прямое недовольство властей. Так, в 1928 г. член ОСБ П.Н.Мостовенко выступил с докладом, в котором осудил хлебозаготовительную политику И.В.Сталина. Он заявил: «Товарищ Сталин как-то сказал: "Ребята, раздавим кулака". Но нужно раздавить с толком, чтобы от этого польза была. Применение 107 статьи сближает кулака со середняком. Надо ли ударять по всей семье? Ударность стоит очень дорого, ударность бьет в другую сторону. Были большие пересолы в ударе» [5, д.8, л.215]. После этого доклада секретарь ЦК ВКП(б) Л.М.Каганович потребовал от руководства ОСБ осудить выступление Мостовенко.

Начиная с 1930-х годов, остро-политические доклады практически исчезают из обсуждений, меняется их тематика. Теперь во всех выступлениях главной фигурой становится И.В.Сталин – мудрый и непобедимый вождь. В докладах в 1930-е годы рассказывается о героическом прошлом партии и ее членов.

В ведении ОСБ находилось собственное издательство, которое специализировалось на публикации воспоминаний своих членов. Эти книги выходили огромными тиражами и распространялись по библиотекам страны. С 1929 г. издавался журнал «Старый большевик» – литературно-художественный орган ОСБ. На его страницах печатались мемуары и воспоминания старых партийцев (особенно много было публикаций о встречах с В.И.Лениным), теоретические статьи по марксизму-

ленинизму, рецензии и отклики на события культурной жизни, а также документы.

В водовороте политических страстей

Власть использовала ОСБ как достаточно эффективный институт для социально-культурной адаптации «старых» большевиков. Но достаточно быстро организация превратилась

в инструмент для политической борьбы с оппозицией. Впервые руководство ОСБ открыто выступило против оппозиции в ноябре 1924 г., поддержав резолюцию пленума ЦК, направленную против Л.Д.Троцкого [5, д.8, л.287]. Одновременно руководство ОСБ выступило против «грузинской оппозиции». В январе 1925 г. из рядов «старой» гвардии исключен Б.Г.Мдивани – один из лидеров грузинской оппозиции [7, с.14]. 27 декабря 1925 г., во время XIV съезда партии, на расширенном заседании Бюро ОСБ, была утверждена резолюция, поддерживавшая И.В.Сталина и его сторонников, а действия ленинградской делегации на съезде были названы угрозой единству партии [7, с.14].

Но далеко не все «старики» поддерживали руководство ОСБ в борьбе с оппозицией. Все еще распространенным оставался взгляд на организацию как центр, который должен консолидировать всех «старых» большевиков, в независимости от их политических взглядов и политических ошибок. Не всем членам ОСБ были понятны нюансы борьбы с оппозицией. Неоднократно для доклада в ОСБ приглашались Н.И.Бухарин, В.М.Молотов, Л.М.Каганович, но их выступления по разным причинам не состоялись. Руководители организации обращались в ЦК и лично к И.В.Сталину с просьбой предоставить копии материалов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК для информации своих членов, т.к. последние «встревожены конфликтами и нынешними разногласиями в нашей партии, о которых они узнают из третьих рук». Возможно, И.В.Сталин дал на это согласие. Выписки из отдельных протоколов Политбюро ЦК зачитывались на закрытом заседании Бюро в феврале 1926 г. Есть косвенные свидетельства, что члены ОСБ были знакомы и с другими материалами [16, с.58]⁷.

Особенно острой ситуация в ОСБ оказалась в конце 1927 г. Незадолго до очередного партийного съезда, в октябре, на заседании Бюро ОСБ

---

⁷ Например, в 1930 г. члены Бюро смогли ознакомиться с выписками из протоколов ЦКК по делу Троцкого [5, д.20, л.2 об].

Ем. Ярославский обрушился с критикой на оппозиционеров и потребовал незамедлительно исключить из состава ОСБ А.К.Воронского, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева, С.И.Канатчикова, В.Д.Каспарова, Н.И.Муралова, Е.А.Преображенского, С.Н.Равича, Л.П.Серебрякова, И.Н.Смирнова, Л.Д.Троцкого, Г.Л.Шкловского и А.Г.Шляпникова. Несмотря на горячее выступление Ярославского, лишь пятеро членов Бюро поддержали резолюцию, один выступил против, а трое воздержались [5, д.6, л.157]. Против резолюции голосовал В.Д.Каспаров. Перед голосованием он заявил: «Факт исключения из рядов партии т. т. Троцкого, Зиновьева, Серебрякова и др. и вывод из ЦК и ЦКК ВКП(б) таких большевиков-ленинцев, как Каменев, Раковский, Смилга, Евдокимов и др., – факт огромного исторического значения. Только политические тупицы и недобросовестные карьеристы могут считать эти факты "эпизодами". Марксисты-ленинцы не могут объяснять иначе эти факты, как логическое следствие разворачивающейся классовой борьбы, ворвавшейся из страны в партию; это давление мелкобуржуазной стихии на нашу партию, давление кулака, нэпмана – этому давлению уступает нынешнее большинство ЦК, исключаящее из партии Троцкого и Зиновьева. Они не только ближайшие соратники Ленина. Их имена – знамя Мировой пролетарской революции. С этими именами связано не только прошлое, но и будущее большевизма – будущее пролетарской революции» [5, д.6, л.157].

Видимо, понимая всю политическую непрочность принятой резолюции, Бюро ОСБ постановило, чтобы в течение месяца ее подписали все члены организации. В адрес Бюро посыпались многочисленные телеграммы с поддержкой резолюции. Из Владивостока писал С.Е.Чуцкаев: «Приветствую десятым октябрем. Присоединяюсь [к] вашему решению [о] внутреннем партийном положении» [5, д.6, л.137]. Аналогичную телеграмму из Крыма выслал В.Д.Бонч-Бруевич. Однако к указанному сроку лишь половина членов подписали резолюцию, поэтому срок сбора подписей продлили до декабря, до открытия партсъезда. Но и к декабрю треть членов отказались подписать резолюцию. Делалось ли это сознательно? Точных данных у нас нет. Однако уже в январе 1928 г. от всех, кто не подписал резолюцию, потребовали дать письменные объяснения. Некоторые смело высказывали свои взгляды. Например, С.С.Бакинский написал, что не верит в построение социализма в одной стране и не разделяет методов борьбы партии с оппозицией [5, д.18, л.7 об]. За такие высказывания Бакинский был исключен из ОСБ. Большинство написали «покаянные» и были оставлены в ОСБ.

С каждым годом истерия борьбы с оппозицией в ОСБ нарастала. Руководители организации теперь боролись «за чистоту ленинизма и против правой опасности, как главной на данном этапе революции, и против "левой", в ее разнообразнейших проявлениях, против двурушничества и против право-левацкого блока и примиренчества к ним» [24, с.6]. С конца 1920-х годов процесс исключения из ОСБ шел параллельно с исключением из партии. В 1931–1935 гг. ОСБ в принудительном порядке покинуло около 60 человек [7, с.15–16]. Для борьбы с неугодными членами были разработаны ежегодные перерегистрации: формально «старого» большевика лишали билета не за политические взгляды, а за неуплату членских взносов или пассивное участие в жизни организации. Для многих сам факт исключения означал не только весомую потерю материальных благ, но и был равнозначен политической смерти. В этом отношении характерно письмо 1934 г. прокурора Республики В.А.Антонова-Овсенко Л.М.Кагановичу: «Вчера президиум Общества старых большевиков решил запросить относительно меня, как бывшего оппозиционера, указаний т. Сталина. По существу, этим ставится вопрос о моем исключении из Общества. Я ведь с 22 года его член, но за границей "оторвался", не платил членских взносов и в 31 году, без уведомления, вычеркнут. Этот вопрос имеет известное политическое значение. Восстановите – подкрепите авторитет прокурора Республики перед членами партии. Откажете – снизите, если не убьете этот авторитет» [1, д.67, л.17]. Письмо не помогло Антонову-Овсенко. В членах ОСБ он уже никогда не был восстановлен.

Финал

С началом форсированной индустриализации и развертывания сплошной коллективизации члены ОСБ активно участвовали в различного рода пропагандистских мероприятиях и кампаниях – выступали перед рабочими на заводах, выезжали в районы проведения сплошной коллективизации. ОСБ даже взяло под свой контроль несколько районов в Нижегородском крае, где планировалось создать образцовые колхозы. Многие считали, что необходимо усилить использование «старой» гвардии для ликвидации различных общественных «гнойников». В 1932 г. А.М.Стопани обратился с письмом к И.В.Сталину: «Дорогой товарищ Коба! Посылаю тебе материалы с мест. Будем и дальше информировать о положении на местах, предлагаем использовать старых большевиков для инспекционных поездок»

[16, с.60]. Но к тому времени И.В.Сталин уже не нуждался в подобной информации, как, впрочем, и в самих старых большевиках. Не он теперь слушал советы старых товарищей, а они должны были прислушиваться и улавливать каждое его слово.

В этом отношении особенно показательное выступление И.В.Сталина на апрельском пленуме 1929 г. В ответ на выступление Н.И.Бухарина, Сталин заявил: «Тов. Бухарин говорил о личной переписке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике. Те же самые нотки сквозили в речах гг. Угланова и Томского. Дескать, как же так, мы – старые большевики, и вдруг расхождения между нами, друг друга уважать не умеем. Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия пролетариата. Нельзя допускать, чтобы интересы личной дружбы ставились выше интересов дела. Если мы потому только называемся старыми большевиками, что мы старые, то плохи наши дела, товарищи. Старые большевики пользуются уважением не потому, что они старые, а потому, что они являются вместе с тем вечно новыми, нестареющими революционерами. Если старый большевик свернул с пути революции или опустился и потускнел политически, пускай ему будет хоть сотня лет, он не имеет права называться старым большевиком, он не имеет права требовать от партии уважения к себе» [14, с.452].

Еще более показательна ситуация с публикацией в 1931 г. письма И.В.Сталина в журнале «Пролетарская революция». Оно вызвало огромный резонанс в политической жизни конца 1931 – начала 1932 г. и оказало непосредственное влияние на жизнь ОСБ. Формально в письме содержалась критика партийных историков, в частности Ем. Ярославского. Это письмо открыло дискуссию о роли и значении ленинской гвардии. Многие «старые» большевики в очередной раз поддержали И.В.Сталина, стали выступать с самокритикой, раскаиваться в ошибках прошлого. Примечательно, что в том же 1931 г. ОСБ переехало из Кремля, на территории которого оно находилось с 1922 г. [21, с.10]. Этот факт, пусть и символически, был одним из показателей менявшегося отношения власти к ОСБ. Руководству ОСБ даже не помогли заискивания перед вождем. В этом отношении характерен случай, когда в 1933 г. И.В.Сталин запретил выставку о нем в клубе ОСБ⁸. «Старые»

---

⁸ На записке руководителя агитационно-массовой группы Центрального архивного управления И.В. Сталин написал: «Я против, т.к. подобные начинания ведут к

большевики прекрасно понимали, что политический вектор в стране меняет направление.

Участники пленума Общества старых большевиков. 1933/1934 годы.

Однако ликвидация ОСБ в 1935 г. стала полной неожиданностью для всех его членов. Формально стремительный рост численности ОСБ и его «омоложение» были использованы как причина ликвидации.

В начале мая 1935 г. Ем. Ярославский направил И.В.Сталину записку, в которой пояснял, почему необходимо ликвидировать организацию: «Дальнейшее развитие ВОСБ означало бы, согласно уставу, включение в ряды Общества около 20 тыс. членов партии, вступивших в 1917 г., а затем в последующие годы, десятков и даже сотен тысяч членов партии, вступивших после 1917 г. Это означало бы искусственное расчленение партии на две части. Такое расчленение было бы политически неправиль-

---

установлению "культы личностей", что вредно и несовместимо с духом нашей партии. И.Сталин. 9/VII-33» [6, д.4572, л.1].

ным и вредным» [1, д.67, л.25]. Вряд ли эта инициатива исходила непосредственно от самого Ем. Ярославского, т.к. спустя две недели после его записки был созван экстренный пленум ОСБ. На нем единогласно было принято постановление о ликвидации организации, а 26 мая в газете «Правда» было опубликовано сообщение о создании центральной и местных ликвидационных комиссий.

ОСБ было ликвидировано быстро, если не сказать поспешно. Так, несмотря на просьбу Ем. Ярославского предоставить хотя бы месяц для работы центральной ликвидационной комиссии, И.В.Сталин лишь сделал на заявлении небольшой росчерк карандашом: «5 дней срок» [1, д.67, л.25]. Протесты в связи с ликвидацией организации были немногочисленны. В мае 1935 г. П.И.Воеводин обратился с письмом к И.В.Сталину, в котором заявил, что «ликвидация Общества старых большевиков в намеченной форме и сроках, это непоправимый удар по нашей партийной совести и незапятнанности, это уничтожение хорошего большевистского начинания, еще нужного нашей молодой смене и нашему советскому строительству» [1, д.67, л.23]. Впрочем, это письмо, как и ряд других писем, И.В.Сталин оставил без внимания.

К внешним причинам ликвидации ОСБ стоит отнести убийство С.М.Кирова, Кремлевское дело и последовавшая эскалация репрессий в отношении членов партии. «Старая» гвардия стала крайне уязвимой в политическом смысле. Но были и причины внутреннего порядка. «Старики» плохо вписывались в сталинский политический ландшафт, они были слишком отягощены ненужным грузом памяти о традициях большевизма, идеалах и теориях, им оставалось либо совсем отойти от дел, либо приспосабливаться к новым обстоятельствам. Можно согласиться с точкой зрения Р.Конквеста и М.Юнге о том, что почти одновременная ликвидация ОСБ, как и Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, была связана с шагами властей по искоренению организаций, «рассадников», прикрывавших бывших фракционеров [15, с.287; 30, с.495–506]⁹.

Очевидно, что ключевым вектором развития ОСБ на протяжении его тринадцатилетней истории была приспособляемость, оправдание реалий сталинской политики и нежелание (а вероятно, и невозможность) сопротивляться ей ради того, чтобы не потерять те многочисленные материальные блага, которые имели члены организации. «Старые» больше-

⁹ Не менее важно и другое замечание М.Юнге о том, что в 1917 – 1939 гг. было закрыто 262 общественные организации, а к 1940 г. существовало лишь 39 из них [30, с.506].

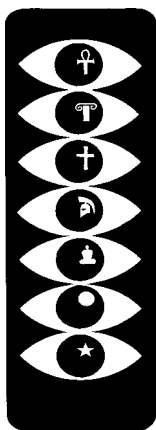
вики неоднократно декларировали необходимость дальнейшей смычки с новыми поколениями, заявляли о высоких большевистских идеалах. Однако на практике абсолютное большинство из них рассматривало ОСБ как аппарат по извлечению материальных благ из государственной казны и своеобразный источник легитимности и престижа по сравнению с остальными членами партии. Заседания руководящих органов ОСБ были заполнены обыкновенными бытовыми вопросами. Редкие споры, неожиданно вспыхивавшие на заседаниях Бюро или Президиума, часто были посвящены бытовым вопросам, например, в какой цвет красить крышу очередного дома или как перестроить сарай. Важным общественным делом, до которых допускались «старые» большевики, изначально претендовавшие на серьезную идеологическую роль в партии, стала, главным образом, организация пышных собраний в честь юбилеев партии или похорон очередного выдающегося революционера, борца за дело мира и социализма. ОСБ и его членам удавалось достаточно успешно адаптироваться к условиям нэпа, но, как только завершилось строительство сталинской государственной системы, стало *очевидно*, что в ней для них нет места.

Библиографический список

1. РГАНИ. Ф.3. Оп.22 (тематические дела Политбюро «Высшие органы партии»).
2. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3 (проколы заседания Политбюро ЦК).
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112 (протоколы заседаний и материалы Оргбюро и Секретариата ЦК).
4. РГАСПИ. Ф.70. Оп.1 (Коллегия, Президиум, научный совет и секретариат Истпарта).
5. РГАСПИ. Ф.124. Оп.3 (стенограммы, протоколы заседаний, планы, отчеты, переписка ВОСБ).
6. РГАСПИ. Ф.558. Оп.1 (Сталин И.В. Авторские документы).
7. Артеменко Л.В. Всесоюзне товариство старих більшовиків. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Дніпропетровськ, 1995. 24 с.
8. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы // Смысл творчества. М., 2002. 688 с.
9. Бирон М. Ветераны партии о своей борьбе // Коммунист советской Латвии. 1978. №6. С.99–109.
10. Громыко А.А. Памятное. Книга 1: Новые горизонты. М., 2015. 540 с.
11. Загоскина И.В. Общество старых большевиков // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т.10. С.413–414.
12. Зенькович А.И. Самые секретные родственники. Энциклопедия биографий. М., 2005. С.337. 512 с.
13. Из работы Президиума ВОСБ // Бюллетень Всесоюзного Общества старых большевиков. 1931. №1–2. С.8–12.

ИЗ ЖИЗНИ «СТАРОЙ ГВАРДИИ»: ОБЩЕСТВО СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

14. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928 – 1929 гг. М., 2000. Т.4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. 655 с.
15. Конквест Р. Большой террор. М., 1991. 432 с.
16. Коржихина Т.П. Общество старых большевиков (1922 – 1935 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1989. №11. С.50–65.
17. Ленин В.И. Задачи Союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Полное собрание сочинений. М., 1980. Изд.5. Т.41. С.298.
18. Невский [В.И.] О деятельности Общества старых большевиков // Старый большевик. 1930. №1. С.171–176.
19. Общество старых большевиков всесоюзное // Большая советская энциклопедия. М., 1974. Издание третье. Т.18. С.250.
20. Отчет о деятельности Общества // Бюллетень Всесоюзного Общества старых большевиков. 1931. №1–2. С.10.
21. Отчет о работе Общества // Бюллетень Всесоюзного Общества старых большевиков. 1931. № 8. С.4 – 11.
22. Павлова И.В. К истории общества старых большевиков в Сибири // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1984. №9. Вып.2. С.64–67.
23. Резолюции и постановления Первой всесоюзной конференции Общества старых большевиков (25 – 28 января 1931 г.) М., 1931. 11 с.
24. Список членов Всесоюзного общества старых большевиков с уставом общества. М., 1933. 12 с.
25. Терещенков Л.Е. Документы из фондов РГАСПИ как источник о взглядах деятелей РКП(б) на проблему репрезентации смерти героев революции // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «СНУ-2012» М., 2012. С.235–238.
26. Устав, инструкция по организации филиальных отделений и список членов Общества старых большевиков при Истпарте. М., б.г. 4 с.
27. Устав, инструкция по организации филиальных отделений и список членов Общества старых большевиков при Истпарте. М., 1928. 43 с.
28. Федоров С.В. Всесоюзное общество старых большевиков. Опыт характеристики тоталитаризма с использованием элементов системного анализа. Историческое познание: традиции и новации. Материалы международной теоретической конференции. Ижевск, 1996. С.42–48.
29. Шишкин В.И., Пивоваров Н.Ю. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2015. Т.14, №8. С.118–150.
30. Junge M. Die Gesellschaft ehemaliger politischer Zwangsarbeiter und Verbannter in der Sowjetunion. Grundung Entwicklung und Liquidierung (1921–1935). Akademie Verlag, Berlin, 2009. 513 s. (перев. на русский: Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935. М., 2015. 640 с.).

Андрей Сушков

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
«ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).084.8

В статье рассматриваются некоторые обвинения, предъявленные основным фигурантам так называемого «ленинградского дела» – одного из крупных политических дел «периода позднего сталинизма». Воплощение в жизнь идеи о создании руководящего партийного органа РСФСР, которую вынашивали «ленинградцы», осознавали они это или нет, повлекло бы за собой значительные подвижки в высшем руководстве СССР, перераспределение полномочий в высших органах власти и появление там одной из самых влиятельных фигур. Фальсификация итогов тайного голосования на ленинградской партконференции 1948 года не только явилась следствием склонности к нарушениям законности и самовозвеличиванию среди ленинградского начальства. Угроза для сталинской системы власти заключалась в том, что «ленинградцы» продемонстрировали способ свести на нет систему тайного голосования в партийных организациях, которая была внедрена Сталиным в 1937 году как один из основных элементов «внутрипартийной демократии».

This article discusses some of the charges against the main persons involved in the so-called "Leningrad affair" – one of the most important political affairs of the "late Stalin period". These "Leningraders" were planning to establish a leading party organ for the RSFSR. Regardless of whether the "Leningraders" were aware of this or not, this would entail significant shifts in the supreme leadership of the USSR, the redistribution of powers in the highest organs of power, and the appearance there of one of the most influential figures. At the Leningrad Party Conference in 1948, the results of the secret ballot were falsified. This was not only a consequence of the propensity to violate the rule of law and the self-aggrandizement of the Leningrad bosses, but also a threat to the Stalinist system of power. It consisted in the fact that the "Leningraders" demonstrated the way to nullify the secret ballot in the party organizations, which was introduced by Stalin in 1937 as one of the main elements of "inner-party democracy".

Ключевые слова: «ленинградское дело»; партийно-государственная система власти; период «позднего сталинизма»; управленческие практики.

Key words: «Leningrad affair»; party and state system of the power; «late stalinism» period; administrative practices.

E-mail: suschkow@mail.ru

В начале 1950-х годов состоялась серия судебных процессов, фигурантами которых выступили высокопоставленные руководители партийно-государственной системы власти. Среди них были те, кто еще совсем недавно занимал высокие кабинеты в Кремле и на Старой площади и числился среди ближайших сподвижников И.В.Сталина. В «центральную группу» обвиняемых входили бывшие члены высшего руководства СССР А.А.Кузнецов – секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б), и Н.А.Вознесенский – член Политбюро ЦК ВКП(б), первый заместитель председателя Совета министров СССР и председатель союзного Госплана. Кроме них, в эту «группу» были включены бывший председатель Совета министров РСФСР М.И.Родионов, а также бывшие ленинградские руководители – первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) П.С.Попков, второй секретарь горкома ВКП(б) Я.Ф.Капустин, председатель горисполкома П.Г.Лазутин. Все они были приговорены к высшей мере наказания. Репрессиям подверглись также другие члены ленинградского руководства и работники аппарата, а также те, кто ранее работал на руководящих постах в Ленинграде, а затем в порядке выдвижения получил ответственные партийно-государственные посты в других регионах СССР либо в Центре.

Следует признать, что в настоящее время отсутствует полноценное научное исследование, в котором бы на основе тщательного, детального, всестороннего и беспристрастного изучения всего имеющегося в архивных учреждениях комплекса документальных материалов были рассмотрены причины и ход «ленинградского дела». Ввиду того, что большие массивы документов по «делу» до сих пор находятся на закрытом хранении в бывших партийных архивах, в архивах госбезопасности и иных ведомственных архивохранилищах и неясно, когда профессиональные историки получат к ним доступ, надеяться на появление в ближайшее время такого исследования не приходится. Исследователям не доступны ни архивно-следственные, ни партийно-следственные дела, доступ к номенклатурным и персональным делам либо также закрыт, либо весьма затруднителен.

Начиная с конца 1980-х годов в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г.М.Маленкова и Л.П.Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», наибольшим влиянием среди которых обладали А.А.Жданов, Н.А.Вознесенский и А.А.Кузнецов, – с другой. Маленков и Берия, воспользовавшиеся ослаблением «ленинградской группы»

после смерти второго секретаря ЦК Жданова, под различными надуманными предложениями (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, – физического. В самом Ленинграде новое начальство во главе с первым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) В.М.Андреановым, ставленником Маленкова, занялось кадровыми чистками в партийно-государственном аппарате, в различных организациях и ведомствах, на промышленных предприятиях, в учреждениях культуры, науки, образования и здравоохранения. С тем, чтобы оправдать высокое доверие и выслужиться перед Москвой, они искусственно раздували масштабы «ленинградского дела». В итоге к «делу» были привлечены сотни ни в чем не повинных людей. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве и, в конечном счете, озабоченный укреплением собственной личной власти.

Такая точка зрения, впервые сформулированная в работах ленинградского историка, доктора исторических наук В.А.Кутузова [14, с.15–21; 15, с.15–23; 18, с.53–67; 10, с.5–174; 16, с.405], с незначительными вариациями по сей день доминирует в исторической литературе [11, с.98–107; 27, с.252–254; 4, с.122–132; 22, с.173–189; 49, с.281–289; 35, с.20; 40, с.98–112; 1, с.168–188; 39, с.384–386]. Сразу необходимо оговориться, что выводы эти построены на анализе имеющейся в распоряжении у исследователей источниковой базы, главная характерная черта которой – это отсутствие основных, ключевых архивных документов по «ленинградскому делу». Доступная исследователям источниковая база не позволяет выдвинуть иную, научно обоснованную, фундированную архивными документами концепцию. Тем не менее она позволяет уже сейчас уточнить отдельные аспекты в истории «ленинградского дела».

**«Мне товарищ Сталин
на Политбюро показал, куда
это ведёт и что это значит»**

На наш взгляд, лишены смысла споры по поводу того, какие именно разговоры вели между собой «ленинградцы»: о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР или о создании

компартии России (Российской компартии, РКП). О том, что подобные разговоры действительно велись в приемных А.А.Жданова и А.А.Кузнецова на Старой площади (а именно – о создании Российской коммунистической партии (РКП) и ее ЦК), и о том, что Сталин лично разъяснял Попкову на заседании Политбюро, «куда это ведет и что это значит», сам Попков в присутствии члена Политбюро Г.М.Маленкова рассказывал на объединенном пленуме ленинградских обкома и горкома в феврале 1949 года, задолго до того, как в госбезопасности принялись выбивать из него нужные показания [10, с.76–77; 47, д.10, л.16]. Следовательно, Сталин, оправданно либо неоправданно, но воспринял содержание этих разговоров всерьез, а не как шутилистую пустопорожную болтовню. Не исключено, что на восприятии им содержания этих разговоров сказался тот факт, что в сентябре 1947 года к нему с подобным предложением официально обратился председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов, которого позже в решении Политбюро назвали одним из «самозванных шефов» Ленинграда. «Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, – писал Родионов Сталину. – Создание бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом министров РСФСР». Автор записки полагал, что организация такой инстанции в ЦК ВКП(б) позволит местным партийным и советским органам лучше использовать «местные возможности» как для выполнения пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, так и для дальнейшего развития городского хозяйства, дорожного строительства, сельского и колхозного строительства, местной промышленности, системы просвещения и культурно-просветительской сферы [24, с.67, 246–247].

Бытует мнение, что якобы М.И.Родионов не предложил «ничего принципиально нового»: аналогичный орган был образован решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1936 года по докладу того же Сталина [24, с.247; 17, с.43]. Однако эти утверждения не соответствуют действительности. Чтобы установить это, достаточно внимательного сопоставления текстов записки М.И.Родионова и принятого в июле 1936 года постановления Политбюро, включенного в протокол под наименованием «О группе ЦК по РСФСР». В последнем говорилось следующее: «Образовать при ЦК ВКП(б) бюро по делам РСФСР в составе тт. Андреева, Ежова, Сулимова, Лебеда, Комарова, Уханова и Бубнова для

предварительного рассмотрения хозяйственных и культурных вопросов, подлежащих обсуждению в СНК или в наркоматах РСФСР. Специального аппарата при бюро не создавать, кроме узкого секретариата, имея в виду, что оно имеет право пользоваться аппаратом Секретариата ЦК ВКП(б)» [30, д.979, л.3–4]. Таким образом, функционал созданного в 1936 году бюро по делам РСФСР ограничивался предварительным рассмотрением исключительно хозяйственных и культурных вопросов, поступающих на рассмотрение в Совнарком РСФСР или в наркоматы РСФСР. Этот функционал не распространялся на остальные, более значимые вопросы, которые адресовались и подлежали рассмотрению на уровне высшего руководства СССР и союзных наркоматов. Особо следует отметить, что бюро по делам РСФСР 1936 года не имело полномочий рассматривать вопросы, которые касались широкого спектра организационно-партийной работы, включая кадровые. Обкомы и крайкомы РСФСР не переходили в непосредственное подчинение этому бюро.

Совершенно иной орган власти, с гораздо более широкими полномочиями, хоть и с созвучным названием, предлагал создать М.И.Родионов. Несмотря на то, что председатель российского Совмина в своей краткой служебной записке лишь в общих чертах описал функционал бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, тем не менее некоторые выводы из этой записки можно сделать. В частности, что означает фраза «для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство»? Речь идет о предварительном рассмотрении и предрешении в бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР с последующим утверждением, вероятнее всего, Политбюро ЦК (по примеру того, как утверждались некоторые постановления Секретариата ЦК ВКП(б)) всех без исключения вопросов, касавшихся РСФСР, которые вносились на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б), Секретариата ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Именно высшие органы власти – Политбюро и Секретариат ЦК партии – подразумевались при формулировке «внести на рассмотрение в ЦК ВКП(б)» (к примеру, такие формулировки содержали некоторые предложения отделов ЦК ВКП(б)). То есть все касающиеся РСФСР вопросы, которые вносились в высшие властные инстанции отделами ЦК ВКП(б), министерствами и ведомствами, обкомами и крайкомами по замыслу М.И.Родионова должны были предварительно рассматриваться бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Фактически тем самым обкомы и крайкомы РСФСР лишались прямого выхода на высшие партийные и правительственные инстанции и по всем, а не исключительно только хозяйственным и культурным вопросам должны были действовать через

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

посредника – бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. По аналогии с тем порядком, который был установлен в других союзных республиках. Секретари обкомов и крайкомов со своими проблемами не обивали бы пороги кабинетов секретарей ЦК и заведующих цеховскими отделами, зампредов Совмина и союзных министров, а пробивались бы на прием к ключевым фигурам из бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, от мнения которых во многом зависела судьба той или иной инициативы.

Насколько были обоснованы аргументы М.И.Родионова, действительно ли появление такого органа позволило бы региональным властям более эффективно использовать местные ресурсы для выполнения хозяйственных задач? Чтобы получить исчерпывающие ответы на эти вопросы требуется дополнительное исследование. Нас же, прежде всего, интересует несколько иной аспект, а именно – место этого руководящего органа в действовавшей системе власти.

Слева направо: М.И.Родионов, А.А.Жданов и председатель президиума Верховного совета СССР Н.М.Шверник в группе депутатов Верховного совета РСФСР. (г. Москва, июнь 1946 г.)

Предложение М.И.Родионова о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР созвучно с теми идеями, которые высказывали «ленинградцы» в приемных А.А.Кузнецова и А.А.Жданова. Независимо от названия и

организационной формы – предполагалось ли создание бюро в структуре аппарата ЦК ВКП(б) или предполагалось учреждение республиканской компартии с ее руководящими органами, – в любом случае речь шла о создании такого высшего партийного (точнее будет сказать – партийно-государственного) органа власти в РСФСР, которому бы непосредственно подчинялись все российские обкомы и крайкомы партии, все республиканские властные структуры, включая Совмин РСФСР. То есть, учитывая масштабы РСФСР, ее экономическое значение, предстояло создать «малое Политбюро», на уровне которого бы решался и предreshался весь спектр республиканских вопросов, включая организационно-партийные, кадровые и хозяйственно-экономические. Вполне очевидно также, что одновременно с учреждением такого органа власти должен был появиться его руководитель.

Каково же должно быть место этого руководителя (неважно, как бы он назывался – заведующий, председатель или первый секретарь) в действующей системе власти? Вполне определенно речь идет об одной из самых влиятельных фигур на вершине власти, если даже первые секретари таких крупнейших парторганизаций РСФСР, как московская и ленинградская обладали весьма сильными позициями и нередко одновременно входили в состав Политбюро, Секретариата или Оргбюро ЦК. Для главы государства на протяжении всего существования СССР было немаловажным, кто возглавляет эти региональные парторганизации и насколько они к нему лояльны. Вполне очевидно, что появление партийного руководителя РСФСР существенно меняло расклад сил в высшем руководстве страны. Можно с большой долей уверенности предполагать, что партийный лидер РСФСР по своему влиянию мог вполне успешно конкурировать, по крайней мере, со вторым секретарем ЦК ВКП(б) – человеком № 2 в партии. Появление столь могущественной фигуры не входило ни в планы Сталина, ни его преемников. Не случайно, создавая в 1956 году бюро ЦК КПСС по РСФСР с подведомственным ему аппаратом, Н.С.Хрущев назначил себя председателем бюро, хотя в действительности им не руководил и управление этим органом возложил на заместителя председателя. Во избежание возможной конкуренции между бюро ЦК КПСС по РСФСР и Президиумом ЦК КПСС, бюро было подчинено непосредственно Президиуму ЦК КПСС, и последний же утверждал его персональный состав, а не пленум ЦК КПСС. Об опасности, которую таило в себе учреждение партийного руководства РСФСР, Н.С.Хрущев прямо заявил на организационном пленуме ЦК 27 февраля 1956 года: «Мы считаем, что такой орган должен утвер-

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

ждать не пленумом ЦК, а Президиумом ЦК. Почему? Мы считаем, это сделать необходимо для того, чтобы не создавать прецедента двоевластия. С этим тоже надо считаться. Российская Федерация очень большая, и надо, чтобы в партии не получилось какого-то раздвоения. Сперва может начаться с мелочей, а потом углубиться и привести к плохим последствиям. Мы должны думать об этом и не дать повода к созданию малейших щелей, которые могли бы породить такие явления» [29, д.187, л.28]. В последующем, учитывая большие властные полномочия зампреда бюро, Хрущев прилагал усилия по созданию в бюро системы властных противовесов. После отставки Н.С.Хрущева в 1964 году должность председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР «по наследству» перешла к Л.И.Брежневу. Иначе говоря, постхрущевское высшее руководство, которое сочло нецелесообразным совмещение обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, признало вполне оправданным совмещение постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР. И такая практика сохранялась вплоть до ликвидации бюро в 1966 году [37, с.32–33, 50–51, 90, 198–200, 240–241; 25, с.1200; 3, с.18].

Следует также отметить, что одних только разговоров среди «ленинградцев» было вполне достаточно для того, чтобы со стороны Сталина последовала резкая реакция и чтобы эта реакция не ограничивалась одними лишь наставлениями Попкову на заседании Политбюро. Отсутствие обвинений в намерении создать Российскую компартию или бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР в проекте закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) или в обвинительном заключении и приговоре «центральной группе» вовсе не означает, что Сталин не воспринимал эти разговоры всерьез. Суть разговоров «ленинградцев» вполне укладывалась в формулировки приговора, что те «...вынашивали и высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе советского правительства и ЦК ВКП(б)» [17, с.43–46; 26, с.60]. Появление в высшем руководстве страны нового руководящего органа, должности партийного руководителя РСФСР как раз и являлось изменениями в составе ЦК ВКП(б), причем изменениями, как уже было сказано, весьма существенными.

На наш взгляд, в настоящее время не столь важны формулировки обвинительного заключения и приговора. Вполне очевидно, что эти формулировки должны были подвести обвиняемых под расстрельную статью. Важнее ответить на вопрос, почему Сталин дал команду на физическое уничтожение «ленинградцев»?

«Вы знаете, что это преступление, граничащее с провокацией?»

Среди обвинений, предъявленных ленинградскому руководству, была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 года. Об этом инциденте стало известно из поступившего в ЦК ВКП(б) анонимного письма, автор которого назвал себя одним из членов счетной комиссии. В письме говорилось, что все участвовавшие в подсчете голосов видели, как во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии первого секретаря обкома и горкома П.С.Попкова, второго секретаря горкома Я.Ф.Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф.Бадаева. Тем не менее председатель счетной комиссии, завотделом горкома А.Я.Тихонов объявил на конференции о единогласном избрании перечисленных руководителей. «Неужели это с ведома Центрального комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов, – возмущался член счетной комиссии. – Как это стало возможным в ленинско-сталинской большевистской партии? Боясь репрессии – не подписываюсь» [46, д.3, л.8].

Среди обвинений, предъявленных ленинградскому руководству, была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 года. Об этом инциденте стало известно из поступившего в ЦК ВКП(б) анонимного письма, автор которого назвал себя одним из членов счетной комиссии. В письме говорилось, что все участвовавшие в подсчете голосов видели, как во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии первого секретаря обкома и горкома П.С.Попкова, второго секретаря горкома Я.Ф.Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф.Бадаева. Тем не менее председатель счетной комиссии, завотделом горкома А.Я.Тихонов объявил на конференции о единогласном избрании перечисленных руководителей. «Неужели это с ведома Центрального комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов, – возмущался член счетной комиссии. – Как это стало возможным в ленинско-сталинской большевистской партии? Боясь репрессии – не подписываюсь» [46, д.3, л.8].

Слева направо: П.Г.Лазутин, Я.Ф.Капустин, П.С.Попков и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А.Михайлов приветствуют делегатов X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной конференции ВЛКСМ. (г. Ленинград, январь 1949 г.)

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

К содержанию письма в Москве отнеслись более чем серьезно. Расследование возглавил лично второй секретарь ЦК ВКП(б) Г.М.Маленков. Согласно воспоминаниям работавшего на тот момент заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского горкома ВКП(б) В.В.Садовина, в начале февраля 1949 года заведующий отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома Александр Яковлевич Тихонов был вызван для объяснений на Старую площадь. Следом в ЦК вызвали приятеля Тихонова, первого секретаря Смольнинского райкома ВКП(б) г. Ленинграда В.В.Никитина. Коллеги Тихонова и Никитина для себя решили, что те были вызваны на предмет повышения по службе как наиболее молодые и перспективные партработники. И были крайне удивлены их состоянием по возвращении из Москвы. «Это были совершенно другие люди, – вспоминал Садовин. – Всегда жизнерадостные и веселые, они стали, как осенняя ночь, мрачными, неразговорчивыми, до неузнаваемости изменившимися в лице, буквально поседевшими за два–три дня пребывания в Москве. <...> Когда они зашли ко мне, то рассказали только, что Маленков оскорблял их самым непозволительным образом, стучал кулаками по столу, топал ногами, то есть обращался с ними как с особо опасными преступниками». Оказалось, что Тихонова вызывали к Маленкову как председателя счетной комиссии на конференции, а Никитина – как его лучшего друга, который должен был знать о фальсификациях при подсчете голосов [33, с.263–264].

Членов счетной комиссии тоже вызвали для объяснений в ЦК, после чего их детально опрашивали в Ленинграде, устраивали очные ставки. Как выяснилось в ходе учиненной проверки, сведения, содержащиеся в анонимном письме, действительно имели место: против П.С.Попкова было подано четыре голоса, Г.Ф.Бадаева – два, Я.Ф.Капустина – 15. Кроме того, оказалось, что счетная комиссия проигнорировала два голоса «против», полученные председателем Ленинградского горисполкома П.Г.Лазутиным. Главное, что пытались установить проверяющие, кто дал санкцию на подделку результатов голосования. П.С.Попков в Секретариате ЦК и потом на пленуме обкома и горкома в Ленинграде отрицал свою осведомленность и какую бы то ни было причастность. По его словам, впервые об этом он услышал от самого А.Я.Тихонова, когда они оба сидели в приемной Маленкова, и был возмущен произошедшим: «Как вы могли это сделать? Вы знаете, что это преступление, граничащее с провокацией?» Попков принялся выяснять у Тихонова подробности, самостоятельно он это сделал или кто-то на него воздействовал, но тот ответил, что самостоятельно, никто ему не подсказывал. «Я со своей стороны и пленуму

говорю, и в ЦК говорил, что моя совесть как коммуниста совершенно чиста», – уверял Попков. Я.Ф.Капустин, продвигавший Тихонова по властной лестнице, зная о его «темных делах» в годы блокады – присвоении продуктовых карточек, которые затем жена Тихонова обменивала на различные вещи, – тоже не признавал, что давал своему протеже либо кому-то еще указания о подделке протоколов голосования. «Я не думал, что такое холуйство со стороны Тихонова», – заявил он с трибуны пленума [46, д.3, л.9–10, 51–53, 122–124].

Обращает на себя внимание отношение профессиональных историков к фальсификации результатов тайного голосования. Историк В.А.Кутузов в своих первых работах, посвященных «ленинградскому делу», рассматривал поступление в ЦК ВКП(б) анонимного письма как начало политической дискредитации ленинградских руководителей, как отправную точку для открытого наступления на «ленинградскую группу». В статье, опубликованной в 1987 году в журнале ленинградских обкома и горкома КПСС «Диалог», историк дал однозначно негативную оценку действиям председателя счетной комиссии: «Несколько лет назад А.Я.Тихонов ушел из жизни. Уже невозможно из первых уст узнать, что заставило его пойти на явный подлог, за который, кстати сказать, он жестоко поплатился. Этот беспринципный поступок А.Я.Тихонова не делал ему чести» [14, с.15–16; 15, с.23; 18, с.55–57]. В вышедшем спустя три года сборнике «Ленинградское дело» историк, хотя и назвал действия Тихонова нелепой авантюрой, вместе с тем существенно сменил оценку факта фальсификации, поставив под сомнение его значимость: «Но ведь это же – более чем из тысячи делегатов. Мизер. И так ли уж виноваты в этом сами руководители?» [10, с.65–66]. В увидевшей свет 20 лет спустя статье «“Ленинградское дело”: мифы и реалии» В.А.Кутузов признает, что из всех предъявленных «ленинградцам» обвинений лишь одно имело под собой реальную почву – это подтасовка результатов голосования на конференции. Но в оценках произошедшего его точка зрения не изменилась: «Напомним, что речь идет буквально о нескольких голосах, поданных против П.С.Попкова, Я.Ф.Капустина, Г.Ф.Бадаева и П.Г.Лазутина». Тем более, что Тихонов всю вину взял на себя, «...объяснив это не столько желанием сделать приятное ленинградским руководителям, сколько продемонстрировать в духе тех лет железное единство тысячи с лишним делегатов» [17, с.48].

Как правило, другие профессиональные историки еще меньше обращают внимания на фальсификации: если не игнорируют их, то просто констатируют произошедшее, либо, в лучшем случае, квалифицируют сей факт как незначительные нарушения и формальный повод для организа-

ции «ленинградского дела» [23, с.65–69; 11, с.104; 27, с.250–254; 40, с.99]. Некоторые петербургские историки даже утверждают, что в Ленинграде ничего особенного не случилось, что фальсификации итогов тайного голосования при проведении выборов партийных комитетов в сталинском СССР были вполне обычным явлением. Так, доктор исторических наук А.З.Ваксер, говоря о допущенных нарушениях при подсчете голосов, приходит к выводу: «Это лишний раз свидетельствует, что антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ему вторит другой петербургский историк, кандидат исторических наук А.А.Амосова: «По всей видимости, объявлять победу на выборах партийных функционеров единогласной было не такой уж редкой практикой, даже если она таковой не являлась» [4, с.125; 1, с.179]. Позже А.А.Амосова и ее соавтор доктор наук, американский профессор Д.Бранденбергер делают еще более категоричное заявление: «Отметим, что объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов» [2, с.97]. Но можно ли признать эти утверждения научно аргументированными? Тем более что историки не подкрепляют их ссылками на какие-либо архивные документы либо на результаты проведенных научных исследований. А.А.Амосова и Д.Бранденбергер ссылаются на сборник «Ленинградское дело», где речь действительно идет про «мухлеж» с итогами голосования на ленинградской конференции, однако там ни слова не говорится об этой «распространенной партийной практике в сталинское время» [10, с.65].

Воздержимся от заявлений, что подобных прецедентов в региональных парторганизациях не было и ленинградский случай был уникальным в своем роде: для любых подобных утверждений необходимо иметь на руках результаты тайного голосования абсолютно по всем областным, крайевым и республиканским партийным организациям СССР. Сразу отметим лишь следующее: учитывая, что постоянные призывы советской пропаганды к «большевистской бдительности» и «большевистской принципиальности» находили непосредственный отклик среди коммунистов и беспартийных и те активно отправляли «сигналы» о различных нарушениях и недостатках «наверх» (чтобы убедиться в этом, достаточно открыть в РГАСПИ перечни вопросов, рассмотренных Секретариатом ЦК ВКП(б) в конце 1940-х годов), то сохранение в секрете манипуляций с результатами тайного голосования при «позднем Сталине» становилось весьма проблематичным. Тем более круг «посвященных» оказывался достаточно широким, что неизбежно повышало риск утечки информации. Ведь в том же

Ленинграде о подтасовках в ходе голосования сообщил один из членов счетной комиссии, а мог это сделать любой из делегатов конференции, кто проголосовал против кого-то из ленинградского начальства, а потом при объявлении результатов узнал, что тот не получил ни одного голоса «против». Сам факт фальсификации, который автоматически квалифицировался как грубое нарушение «внутрипартийной демократии», вполне мог представлять в то время гораздо более серьезную опасность для карьеры того или иного чиновника, пожелавшего получить «красивые цифры» на тайном голосовании, нежели реальные результаты пусть даже с высоким процентом «черных шаров». Сомнительно, чтобы цель в данном случае оправдывала средства.

Результаты голосования по выборам членов обкомов (крайкомов) партии не составляют ни государственную, ни персональную тайну и, как правило, для исследователей доступны без каких-либо ограничений (если, конечно, архивисты прилагали усилия, стремились к рассекречиванию документов, чего, к примеру, нельзя сказать о бывшем московском партархиве). Проблема заключается лишь в получении этих документов для научного анализа, а также в их сохранности. Дело в том, что протоколы заседаний счетных комиссий, как правило, находятся на хранении в региональных архивных учреждениях, а не сосредоточены в одном месте в каком-либо федеральном архиве (во всяком случае, о таком нам ничего не известно). К тому же бывает, что эти протоколы не отложились в материалах конференций, а были в свое время уничтожены. В некоторых случаях заменить их могут стенограммы конференций, ведь председатели счетных комиссий зачитывали протоколы комиссий перед делегатами. Однако сделать это возможно, разумеется, только в том случае, если содержание этих протоколов в деталях (с указанием количества голосов, поданных «за» и «против» каждого кандидата) было зафиксировано в стенограмме конференции. Хотя и нечасто, но имеют место ситуации, когда не сохранилось ни самих протоколов счетных комиссий, ни их достаточно полного воспроизведения в стенограммах. С сожалением приходится констатировать, что в число таких попали партконференции в достаточно крупных, экономически значимых регионах: к примеру, это VI Ярославская областная конференция ВКП(б) 1945 года, VI Саратовская областная конференция ВКП(б) 1948 года, результаты тайного голосования на которых представляли бы значительный интерес.

Рассмотрим итоги работы счетных комиссий по выборам региональных партийных комитетов (членов обкомов и крайкомов ВКП(б)) на некоторых областных и краевых партконференциях, проходивших в РСФСР.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

Выберем лишь те конференции второй половины 1940-х годов, которые состоялись до того, как фальсификация итогов тайного голосования на ленинградской конференции стала одним из пунктов обвинений против ленинградских руководителей, то есть до 1948 года включительно. Дело в том, что мы не можем полностью исключить вероятность распространения информации о произошедшем в Ленинграде, гарантировать, что печальный опыт ленинградцев не стал достоянием областных и краевых первых секретарей. Последние, в свою очередь, имели возможность предпринять конкретные шаги, чтобы не допустить нулевого голосования и тем самым избежать каких-либо подозрений в свой адрес. Тем более, что это не составляло никакого труда, в отличие от сокрытия полученных голосов «против».

Прежде всего, нас интересуют результаты голосования по главным лицам регионального руководства: первый секретарь обкома (крайкома) и горкома ВКП(б), второй секретарь обкома (крайкома) ВКП(б), председатель облисполкома (крайисполкома). Рассмотрим также результаты по второму секретарю горкома ВКП(б) областного (краевого) центра, хотя, следует признать, эта должность не имела столь же высокий вес в системе региональной власти, как это было в Ленинграде второй половины 1940-х годов.

Начнем с Дальнего Востока. На III Хабаровской краевой партийной конференции, состоявшейся в апреле 1948 года, в ходе тайного голосования по выборам членов крайкома ВКП(б) первый секретарь крайкома и горкома Р.К.Назаров получил 70 голосов «против», второй секретарь крайкома Т.Г.Калинников – 10, председатель крайисполкома Ф.А.Мамонов – 56 голосов, второй секретарь Хабаровского горкома ВКП(б) П.В.Решетников – 14. Всего в голосовании приняли участие 465 делегатов. Назаров и Мамонов стали абсолютными рекордсменами по числу голосов «против» на этой конференции. Особенно их «достижения» бросались в глаза на фоне показателей остальных претендентов на места в крайкоме, среди которых самое большое количество «черных шаров» – 15 – набрал главнокомандующий войсками Дальнего Востока, маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский – будущий министр обороны СССР [8, д.16, л.3–6].

В Сибири делегаты конференций, прошедших в марте 1948 года, по-разному оценивали руководителей «своих» регионов. Наиболее лояльными оказались делегаты VI Красноярской краевой партийной конференции. В голосовании приняли участие 392 делегата, из которых лишь трое проголосовали против первого секретаря крайкома и горкома А.Б.Аристова –

будущего секретаря ЦК и члена Президиума ЦК КПСС, семеро – против второго секретаря крайкома С.М.Бутузова, восемь голосов «против» получил председатель крайисполкома Е.П.Колущинский, и только один делегат проголосовал против второго секретаря Красноярского горкома ВКП(б) А.П.Глазкова. Нужно особо отметить, что делегаты проявили лояльность ко всем кандидатам в члены крайкома, а не исключительно к первым лицам. Самый большой результат был у заведующего краевым отделом торговли Е.Н.Лотошника – 26 «черных шаров», подавляющее большинство остальных получили один–два голоса «против», а три десятка человек были избраны единогласно. Но среди этих трех десятков не было главных лиц края: секретарь крайкома по пропаганде и агитации В.Л.Черненко получил два голоса «против», секретарь крайкома по кадрам Н.Г.Фалалеев – пять, первый заместитель председателя крайисполкома М.И.Генер – 10 голосов [6, д.20, л.354–356].

Еще один будущий член Президиума ЦК КПСС, Н.И.Беляев, в то время возглавлявший Алтайский крайком и Барнаульский горком, авторитету соседнего секретаря Аристова мог только позавидовать. На IV Алтайской краевой партийной конференции из 395 делегатов его фамилию в ходе голосования вычеркнули 23 человека. Против второго секретаря Алтайского крайкома И.П.Скулкова проголосовали два делегата, против председателя крайисполкома А.М.Батамирова – 16, против второго секретаря Барнаульского горкома ВКП(б) Н.О.Игнатика – пятеро. Отметим, что первого секретаря значительно опередили два других секретаря крайкома ВКП(б): секретарь по пропаганде и агитации М.Д.Корабельников (30 голосов «против») и третий секретарь В.В.Митюшкин (36 голосов «против»). Результаты голосования у главных краевых начальников резко контрастировали с показателями у остальных кандидатов в члены крайкома, набравших по несколько голосов «против» или вообще ни одного [5, д.2, л.287–288].

Н.И.Беляев еще неплохо смотрелся на фоне своего северного соседа, первого секретаря Новосибирского обкома и Новосибирского горкома М.В.Кулагина. На IV Новосибирской областной партийной конференции фамилию М.В.Кулагина вычеркнули 42 делегата из 481, принявшего участие в голосовании. Второй секретарь обкома В.В.Косов набрал еще больше – 57 голосов «против», а вот председатель Новосибирского облисполкома Л.И.Соколов напротив – всего 10. Против второго секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) М.Н.Никитина проголосовали 35 делегатов. Однако рекордсменом стал не Косов, а председатель Новосибирского

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

горисполкома В.И.Благирев, которого не захотели видеть в составе членов обкома ВКП(б) 83 делегата конференции [7, д.1046, л.107–110].

Все отрицательные результаты у А.Б.Аристова, Н.И.Беляева и М.В.Кулагина меркли на фоне показателей омского секретаря С.С.Румянцева. 102 делегата V Омской областной партийной конференции из 396 принявших участие в голосовании вычеркнули фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б). Румянцев лидировал с огромным отрывом от других кандидатов на места в обкоме партии. Кандидатура второго секретаря обкома П.П.Елисеева вызывала значительно больше симпатий: лишь 18 делегатов не захотели видеть его в новом составе обкома. Против председателя облисполкома Л.И.Кузика проголосовали 32 делегата. Только что назначенный вторым секретарем Омского горкома ВКП(б) Д.Ф.Ситнянский получил 11 голосов «против», но он для омичей был человеком совершенно новым. Поэтому обратим внимание на результаты, полученные другими секретарями обкома ВКП(б). У третьего секретаря Я.Н.Заробяна они были такими же, как и у второго секретаря – 18 голосов «против», у секретаря по кадрам С.И.Циркина они совпали с количеством голосов, поданных против председателя облисполкома – 32. А секретарь по пропаганде и агитации П.А.Шуркин получил только семь «черных шаров» [12, д.5017, л.151–153]. Как показало время, в ЦК партии учли итоги голосования в Омске и отреагировали кадровыми перестановками.

На Урале делегаты областных конференций ВКП(б), состоявшихся в том же марте 1948 года, в ходе голосования весьма критически подошли к оценке местного начальства. На VI Челябинской областной партконференции первый секретарь обкома и горкома А.А.Белобородов получил 24 голоса «против» из 563 проголосовавших. Его, на первый взгляд, немалые показатели стали незаметны на фоне результатов у остальных первых лиц области. Второй секретарь Челябинского обкома Ф.Н.Дадонов получил 85 голосов «против», а председатель облисполкома И.В.Заикин – 131. И только ко второму секретарю Челябинского горкома А.В.Лескову делегаты были более лояльны – против него было подано лишь 12 голосов. Остальным секретарям обкома ВКП(б), а не только вышеупомянутым уйти «чистыми» с конференции тоже не удалось: третьего секретаря Г.А.Бездомова из списка вычеркнули 22 делегата, секретаря по кадрам П.И.Матвейцева – 57, секретаря по пропаганде и агитации А.Г.Лашина – 93 делегата. По несколько десятков «черных шаров» получили и другие руководящие работники областного масштаба, но ни они, ни другие пре-

тенденты на членство в обкоме партии превзойти председателя облисполкома не смогли [20, д.1, л.121–124].

У северных соседей челябинцев, свердловчан, эти показатели тоже были немалыми. На VI Свердловской областной партконференции, где в тайном голосовании приняли участие 647 делегатов, первый секретарь обкома и горкома В.И.Недосекин получил 42 голоса «против», председатель облисполкома Г.С.Ситников – 57, второй секретарь Свердловского горкома П.А.Жуков – 34 голоса. Второго секретаря обкома А.П.Панина во время конференции отозвали на работу в ЦК ВКП(б), поэтому его кандидатура на выборах в новый состав обкома не выдвигалась. Взамен можно привести результаты голосования по остальным секретарям обкома: против третьего секретаря обкома И.С.Цыганова проголосовали 25 делегатов, секретаря по пропаганде и агитации И.С.Пустовалова – восемь, секретаря по кадрам Н.М.Кокосова – 102 делегата. Последний стал рекордсменом, у его ближайшего «преследователя» – заведующего организационно-инструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) П.Е.Бармасова – было 63 голоса «против» [44, д.1, л.58–59].

В голосовании на III Молотовской областной партийной конференции приняли участие 649 делегатов. Фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) К.М.Хмелевского вычеркнули 34 делегата, против второго секретаря обкома П.Ф.Пигалева было подано 6 голосов, против председателя облисполкома К.Г.Пысина – 16, второй секретарь Молотовского горкома П.А.Лошкарев получил 23 голоса. Цифры показывают, что молотовская партноменклатура куда лояльнее относилась к своему начальству, нежели свердловская и челябинская. Больше всех голосов «против» набрал прокурор Молотовской области Д.Н.Куляпин – его фамилию вычеркнули 54 делегата [21, д.4, л.185–186].

Благожелательно была настроена ростовская партноменклатура по отношению к главным лицам области. IV Ростовская областная партийная конференция прошла за несколько месяцев до окончания войны, в январе 1945 года. В тайном голосовании приняли участие 456 делегатов, из них только семеро проголосовали против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) П.И.Александрюка, девять голосов «против» получил второй секретарь обкома ВКП(б) О.С.Шпаков. Против председателя облисполкома И.П.Кипаренко проголосовали 12 делегатов, а второй секретарь Ростовского горкома ВКП(б) П.Н.Пастушенко получил лишь три голоса «против». Итоги голосования по первым лицам области не вызывают особых подозрений, так как своими низкими цифрами они не выделялись на общем фоне. Только шесть претендентов на места в обкоме партии набра-

ли более десятка голосов «против», а многие вообще не получили ни одного, поэтому показатель председателя Ростовского облисполкома И.П.Кипаренко можно даже рассматривать как достаточно высокий [42, д.547, л.270–271].

Совершенно иная картина складывалась у их северо-восточных соседей. В тайном голосовании на VI Сталинградской областной партийной конференции, состоявшейся тремя годами позднее, в марте 1948 года, приняли участие 438 делегатов с правом решающего голоса. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) В.Т.Прохвятилова проголосовали 46 делегатов – это был второй результат по итогам голосования. Самое же большое количество голосов «против» оказалось у председателя облисполкома Я.В.Ларина – 104 делегата вычеркнули его фамилию из бюллетеней. Второй секретарь Сталинградского горкома ВКП(б) А.А.Вдовин получил 27 голосов. Второго секретаря обкома партии сменили во время конференции: на эту должность из Москвы был командирован И.Т.Гришин – бывший слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, ранее занимавший руководящие посты в Новосибирске. Поэтому рассмотрим результаты голосования по остальным секретарям обкома ВКП(б), хорошо знакомым сталинградской номенклатуре. Третий секретарь М.И.Сухов получил 36 голосов «против», секретарь по пропаганде и агитации М.А.Водолагин – 16, секретарь по кадрам М.Н.Сомова – 32. Все действовавшие руководители Сталинградской области вошли в десятку самых непопулярных кандидатов в члены обкома партии (всего кандидатов было 75 человек). При том, что 46 кандидатов не набрали более десяти голосов «против», а еще 16 – прошли единогласно (в их числе были И.В.Сталин, А.А.Жданов и Г.М.Маленков) [41, д.1, л.99–105]. Иначе говоря, свое руководство сталинградский управленческий корпус оценивал весьма критически.

IX Куйбышевская областная партийная конференция проходила почти одновременно со сталинградской. В тайном голосовании на конференции приняли участие 610 делегатов. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А.М.Пузанова проголосовал 21 делегат, против второго секретаря обкома Ф.Р.Козлова – 33, председатель облисполкома А.П.Бочкарев получил лишь четыре голоса «против». Фамилию второго секретаря Куйбышевского горкома Л.Н.Ефремова из бюллетеней для голосования вычеркнули восемь делегатов. Данные по остальным секретарям обкома ВКП(б) весьма разнились между собой. Если третий секретарь Г.А.Малехоньков получил чуть не самый высокий результат на конференции – 54 голоса «против», то у секретаря по пропаганде и агитации

А.Я.Буровиной было 24, а у секретаря по кадрам Г.Ф.Худобина – всего лишь пять. Следует сказать, что делегаты не проявили лояльности к областному руководству: большинство, а именно более полусотни кандидатов, либо не получили ни одного, либо от одного до пяти голосов «против», а тех, у кого этот показатель был выше, насчитывалось всего 18 человек. В числе этих 18-ти оказались все вышеперечисленные областные начальники, за исключением секретаря обкома по кадрам [34, д.154, л.1–6].

В том же марте 1948 года состоялась IX Горьковская областная партийная конференция, где в тайном голосовании приняли участие 422 делегата. Первый секретарь обкома и горкома С.Я.Киреев, второй секретарь обкома В.В.Тихомиров и председатель облисполкома Н.В.Жильцов набрали одинаковое количество голосов «против» – по 20. Второй секретарь Горьковского горкома ВКП(б) А.Н.Курятников получил значительно больше – 41 голос. Но не ему, а третьему секретарю обкома А.П.Смолину довелось набрать самое большое количество голосов «против» – его фамилию вычеркнули 76 делегатов. Секретарь обкома по кадрам А.Д.Проскурин получил только 12 голосов (секретаря обкома по пропаганде и агитации на конференции сменили на другого). Эти цифры выглядели достаточно внушительными на фоне общего благосклонного отношения делегатов к кандидатам. Главным горьковским начальникам – первому, второму и третьему секретарям обкома ВКП(б), второму секретарю горкома и председателю облисполкома – довелось собрать наибольшее количество голосов «против» [9, д.6491, л.234–237].

Таким образом, для анализа мы отобрали достаточно крупные региональные партийные организации РСФСР и не выявили ни одного результата тайного голосования, подобного тому, что был получен на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции касательно первых лиц областного руководства. Повторим: вполне возможно, что ленинградский инцидент не был уникальным и где-то на территории СССР подобное вполне могло иметь место. Тем не менее проведенное исследование показывает отсутствие каких-либо оснований для утверждений, что «...объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов». Нет никаких оснований рассматривать фальсификации на ленинградской конференции как вполне обыденный случай и типичный пример тому, что «...антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ученые делают столь однозначные, категоричные заявления о «распростра-

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

ненных партийных практиках», «антидемократических порядках», не имея при этом ни одного доказательства, что подобное имело место где-то за пределами Ленинграда. Симпатии к погибшим в ходе «ленинградского дела» руководителям и стремление показать негативные стороны действовавшей в то время системы власти не дают профессиональным историкам права прибегать к домыслам. На то, чтобы сочинить миф, достаточно нескольких минут. Чтобы разоблачить этот миф, требуются немалые усилия на сбор доказательной базы.

«Конечно, нет оправдания этому политическому жульничеству»

Систему тайного голосования по выборам партийных комитетов И.В.Сталин ввел в управленческую практику в 1937 году. На региональном уровне она показывала, насколько

тот или иной руководящий работник пользуется поддержкой местного управленческого корпуса. Сталин полагал, что тайное голосование является своеобразной проверкой руководящих кадров, осуществляемой «снизу» [19, с.15]. Действительно, крайне непопулярный работник мог «завалиться» на выборах. Но даже в случае, если кандидат проходил и притом набирал высокий процент голосов «против», это обстоятельство учитывалось в ходе проверки на предмет его соответствия занимаемой должности. Если к этому работнику имелись какие-либо иные крупные претензии, шансы потерять должность существенно возрастали.

В подтверждение, что эта система не являлась ширмой, прикрывавшей «антидемократические порядки», а реально функционировала, можно привести случай на Свердловской областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1940 года. В ходе тайного голосования в состав членов обкома действующий секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам, андриановский выдвиженец Г.Г.Попов получил критическое количество голосов «против» – 108 из 380 делегатов вычеркнули его фамилию (претендентов было чуть больше, чем мест). Вместе со статусом члена обкома ВКП(б) он автоматически потерял рабочее место – кресло секретаря обкома по кадрам и заведующего отделом кадров. Для первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианова такой исход тайного голосования явился полной неожиданностью, и ему в экстренном порядке пришлось подбирать новую кандидатуру. А для Г.Г.Попова пришлось подыскивать новую работу: сначала его пристроили заместителем начальника политотдела железной дороги по кадрам, затем назначили

первым секретарем Камышловского райкома ВКП(б) Свердловской области [43, д.5, л.62, 67–72; 45, д.2847, л.24–24 об.].

Некоторые рекордсмены по числу голосов «против», выявившиеся в ходе отчетно-выборной кампании 1948 года, вскоре лишились своих постов. Ранее уже говорилось, что четверть делегатов с правом решающего голоса Омской областной партконференции выразили недоверие первому секретарю обкома и горкома С.С.Румянцеву. Большинство голосов он прошел в состав обкома, а после вновь был утвержден первым секретарем Омского обкома ВКП(б). Но не истекло и года, как Румянцева освободили и назначили слушателем курсов переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик при ЦК ВКП(б). В июне 1951 года ему предоставили работу, как тогда говорилось, «меньшего объема» – первого секретаря Великолукского обкома ВКП(б) [48, с.392, 398]. Секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам Н.М.Кокосов, набравший на областной партконференции рекордные 102 голоса «против», через полгода перешел с руководящей партийной на научную работу – старшим научным сотрудником отдела экономических исследований Уральского филиала АН СССР. Председатель Челябинского облисполкома И.В.Заикин, против которого проголосовал 131 делегат, вскоре был отозван с Южного Урала и направлен в Пензенский облисполком, где получил лишь кресло заместителя председателя [45, д.1558, л.10–11; 13, с.364].

Разумеется, основанием для должностных перемещений этих руководителей могли быть не только результаты тайного голосования. Но случилось и так, что именно от них напрямую зависели карьерные перспективы того или иного начальника.

Так, итоги тайного голосования сорвали планы свердловского руководства, когда в начале 1950 года в СССР проходило разделение постов первых секретарей обкомов и горкомов ВКП(б). Можно сказать, что работавший до того момента вторым секретарем Свердловского горкома ВКП(б) И.Ф.Красноженов, которого обком партии наметил на место первого секретаря горкома, пал жертвой «внутрипартийной демократии». Всего за год работы в этой должности он успел настроить против себя свердловский управленческий корпус. На состоявшейся в феврале 1950 года IX Свердловской городской партконференции делегаты подвергли его резкой критике за слабое руководство и грубость, а при тайном голосовании по выборам нового состава горкома 204 делегата из 593-х проголосовали против его кандидатуры. И хотя он прошел в состав горкома, как набравший больше половины «за», бюро Свердловского обкома ВКП(б)

приняло решение не только не выдвигать его первым секретарем горкома, но и не оставлять вторым. Исходя из сложившейся ситуации, когда иной готовой, согласованной с ЦК кандидатуры не было, представитель обкома партии обратился к членам пленума горкома с просьбой воздержаться от избрания первого секретаря, и следующие полтора месяца кресло руководителя горкома оставалось вакантным. Самого И.Ф.Красноженова через полгода вынужденного отдыха трудоустроили в облисполком заведовать отделом местной промышленности [38, с.19–20, 116–117].

Результаты голосования использовались не только для оценки деятельности партийного и исполкомовского начальства. Когда в середине 1949 года в Москве решалась судьба директора Челябинского Кировского завода, Героя соцтруда, генерал-майора, депутата Верховного совета СССР И.М.Зальцмана (обвиняемого в коррупции, растратах государственных средств, недостатках в руководстве предприятием, вызывающе хамском и оскорбительном отношении к работникам и в расправе над теми заводскими коммунистами, кто смел его критиковать, т.е. в «зажиме критики», нарушении «внутрипартийной демократии»), то специально созданная межведомственная комиссия докладывала Г.М.Маленкову о результатах тайного голосования по кандидатуре Зальцмана при выборах партийных органов и депутатов Верховного совета СССР. Комиссия использовала эти результаты для оценки деловых и личных качеств директора: «При выборах заводского партийного комитета в 1946 году против т. Зальцмана голосовало 65 человек, или 18,2 %, и он прошел в состав парткома предпоследним. При наличии еще одного–двух голосов против т. Зальцман оказался бы неизбранным. При выборах обкома ВКП(б) в 1948 году против т. Зальцмана голосовало 65 человек, или 11,5 %. Эти факты говорят о том, что, вследствие неправильного отношения т. Зальцмана к людям, его авторитет среди части коммунистов и трудящихся завода был подорван». По итогам разбирательств И.М.Зальцман был снят с работы и исключен из партии [32, д.448, л.168; 36, с.162–191, 202–217].

Ленинградскому начальству на партконференции 1948 года было далеко не безразлично, какие цифры они получат по результатам тайного голосования. «Я позволю напомнить товарищам следующее, – говорил на пленуме обкома и горкома в феврале 1949 года первый секретарь Смольнинского райкома В.В.Никитин. – Известно, что на конференции из секретарей городского комитета партии больше всех голосов “против” получили Николаев и Левин. Товарищи помнят, как волновались эти товарищи. Видимо, это волнение было тоже не случайно. Видимо, товарищи предполагали, что полученное количество голосов против них могло сказаться на

окончательном решении – избрании их как секретарей». На вопрос Г.М.Маленкова – если бы Капустин по количеству полученных голосов «против» прошел бы в члены пленума последним или предпоследним, могло ли это обстоятельство отразиться на его избрании секретарем горкома – Никитин отвечал: «Если бы товарищ Капустин получил большое количество голосов “против” – этот вопрос мог быть поставлен» [47, д.10, л.45–46]. Отсюда понятно, почему результаты тайного голосования были столь болезненны для ленинградского начальства: это был вопрос их авторитета, престижа и карьерных перспектив. Не случайно секретарь горкома Н.А.Николаев, услышав высокую цифру голосов «против», залился краской, что не осталось незамеченным среди участников конференции [10, с.60]. Секретарю горкома было от чего краснеть, ведь его показатели особенно бросались в глаза на фоне нулей, полученных первыми лицами города и области.

«Свои нули» ленинградские вожди восприняли как должное [47, д.10, л.5–6, 123–124]. Председатель счетной комиссии Тихонов сделал все от него зависящее, чтобы им не пришлось краснеть перед делегатами.

В независимости от того, как оценивать фигуру И.В.Сталина, – считать его жестоким тираном, с прогрессирующей подозрительностью на фоне естественных возрастных изменений в психике, озабоченным исключительно упрочнением личной власти, или выдающимся государственным деятелем, все усилия которого были направлены на укрепление могущества государства, – нетрудно догадаться, как воспринял он информацию о том, что внедренную им систему тайного голосования – неотъемлемую составляющую всех проходящих в стране партийных отчетно-выборных кампаний – оказывается можно без особого труда свести на нет, что с успехом продемонстрировали на ленинградской партийной конференции. Не будет удивительным, если в последующем, после рассекречивания и введения в научный оборот всего комплекса документов по «делу», выяснится, что реакция вождя была исключительно острой, и даже болезненной.

Не столь важно, что счетная комиссия обнулила лишь по несколько голосов «против», которые набрали ленинградские начальники и что ей не пришлось скрывать десятки и сотни голосов. Главное здесь – сам факт фальсификации. И то, что этот факт имел место в Ленинграде, в независимости от того, получил ли Тихонов указания свыше или это была его собственная инициатива, сам этот свершившийся факт свидетельствует о склонности ленинградской партноменклатуры к различным фальсификациям и иным нарушениям законности, о нарастающей атмосфере парадно-

сти в ущерб деловитости и о самовозвеличивании ленинградского начальства.

Дополнительные тому подтверждения прозвучали в докладе первого секретаря горкома Ф.Р.Козлова на IX Ленинградской городской партийной конференции в 1950 году. Когда докладчик стал говорить о том, что «пробравшаяся к руководству ленинградской партийной организации антипартийная группа Кузнецова, Попкова и других причинила большой вред Ленинграду», первое, на чем он конкретно остановился, были не пьянство, растраты партийных и государственных средств и самоснабжение, а все та же фальсификация протокола счетной комиссии на областной и городской партконференции. Что лишним раз подчеркивает тяжесть содеянного ленинградским начальством по действовавшей в то время оценочной шкале партийных проступков. К тому же, как стало известно из доклада Ф.Р.Козлова, этот случай с фальсификацией был далеко не единичным в ленинградских властных структурах. Как показала проверка, результаты голосования были нужным образом «исправлены» на Ленинской и Фрунзенской районных партконференциях, в некоторых первичных парторганизациях Василеостровского района и даже на комсомольских собраниях. На IX Ленинской районной партконференции по указанию секретаря райкома Л.С.Ананьева были скрыты голоса против избрания П.С.Попкова делегатом на городскую партконференцию [31, д.1360, л.62, 223]. Иначе говоря, Тихонов не «совершил революции» в технологии подсчета голосов, а это уже была исподволь складывающаяся практика в функционировании ленинградских властных структур.

Именно фальсификацию результатов голосования на областной и городской конференции считал очень серьезным обвинением работавший в то время секретарем партбюро одного из ленинградских НИИ Николай Николаевич Родионов, впоследствии занимавший должности первого секретаря Ленинградского горкома КПСС, затем – Челябинского обкома. Будучи делегатом скандальной конференции, он запомнил, как Тихонов под бурные аплодисменты зала вещал с трибуны о единогласном и единодушном избрании Попкова. Нужно сказать, что Н.Н.Родионов не скрывал симпатий к жертвам «ленинградского дела», тем не менее о фальсификации в воспоминаниях высказался недвусмысленно: «Конечно, нет оправдания этому политическому жульничеству» [28, с.13–14].

Как воплощение в жизнь идеи о создании руководящего партийного органа РСФСР, так и подтасовка результатов тайного голосования на партийной конференции таили в себе не надуманные, а вполне реальные угрозы сталинской системе власти. В итоге и то, и другое стало предметом

тщательных разбирательств, получило резкую оценку со стороны высшего руководства и вполне могло повлиять на решение Сталина подвергнуть основных фигурантов «ленинградского дела» жесткому наказанию.

Библиографический список

1. Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014. 262 с.
2. Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 94–112.
3. Бюро ЦК КПСС по РСФСР // Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1965. М., 1965. С. 18.
4. Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. 436 с.
5. Государственный архив Алтайского края. Ф.П-1. Оп.80.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф.П-26. Оп.20.
7. Государственный архив Новосибирской области. Ф.П-4. Оп.33.
8. Государственный архив Хабаровского края. Ф.П-35. Оп.22.
9. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф.Р-3. Оп.1.
10. Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело» / сост. В.И.Демидов, В.А.Кутузов. Л., 1990. С. 5–174.
11. Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949–1953) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 96–110.
12. Исторический архив Омской области. Ф.17. Оп.1.
13. Кибиткина Г.Н. Заикин Иван Васильевич // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 364.
14. Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 15–21.
15. Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Декабрь. С. 15–23.
16. Кутузов В. Грязная кухня Абакумова // «Ленинградское дело» / сост. В.И.Демидов, В.А.Кутузов. Л., 1990. С. 400–412.
17. Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М.Кулегин, сост. А.П.Смирнов. СПб., 2009. С. 43–49.
18. Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67.
19. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 3–23.
20. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф.П-288. Оп.12.
21. Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф.105. Оп.14.
22. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007. 716 с.
23. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. 736 с.
24. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О.В.Хлевнюк, Й.Горлицкий, Л.П.Кошелева, А.И.Минюк, М.Ю.Прозуменщиков, Л.А.Роговая, С.В.Сомонова. М., 2002. 656 с.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПРАВИЛ ИЛИ ВЫЗОВ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ?

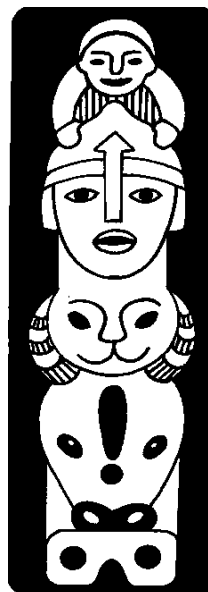
25. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А.Фурсенко; отв. сост. В.Ю.Афиани; сост.: З.К.Водопомянова, А.М.Орехов, А.Л.Панина, М.Ю.Прокуменщиков, А.С.Сыкалин. 3-е изд., испр. и доп. М., 2015. 1374 с.
26. Приговор // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М.Кулегин, сост. А.П.Смирнов. СПб., 2009. С. 59–61.
27. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. 319 с.
28. Родионов Н.Н. Жизнь, посвященная людям. М., 2002. 200 с.
29. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.2. Оп.1.
30. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.3.
31. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.50.
32. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.118.
33. Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело» / сост. В.И.Демидов, В.А.Кутузов. Л., 1990. С. 263–272.
34. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф.656. Оп.13.
35. Смирнов А.П. «Ленинградское дело»: портрет поколения // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М.Кулегин, сост. А.П.Смирнов. СПб., 2009. С. 10–22.
36. Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016. 300 с.
37. Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009. 386 с.
38. Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007. 168 с.
39. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. 464 с.
40. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. 231 с.
41. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф.113. Оп.25.
42. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.Р-9. Оп.1.
43. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. Оп.35.
44. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. Оп.44.
45. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. Оп.66.
46. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф.24. Оп.49.
47. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф.25. Оп.28.
48. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост.: В.В.Денисов, А.В.Квашонкин, Л.Н.Малашенко, А.И.Минюк, М.Ю.Прокуменщиков, О.В.Хлевнюк. М., 2004. 496 с.
49. Шульгина Н.И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Жизнь. Безопасность. Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289.

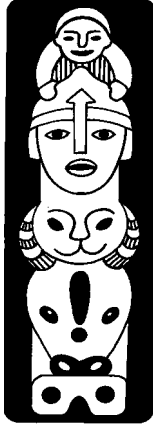
В таких обстоятельствах племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, пошли они за море к варягам, к руси, и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родичами своими, взяли с собой всю русь и пришли.

С.М. Соловьев

Государство становится возможно,
когда среди населения,
разбитого на бессвязные части
с разобщёнными или даже враждебными
стремлениями, является либо
вооружённая сила,
способная принудительно сплотить
эти бессвязные части, либо общий
интерес, достаточно сильный,
чтобы добровольно подчинить себе
эти разобщённые или враждебные
стремления. В образовании Русского
государства принимали участие
оба указанных фактора,
общий интерес и вооружённая сила.

В.О. Ключевский

Александр Королев

**«СКАЗАНИЕ
О ПРИЗВАНИИ
ВАРЯГОВ»**

**В ПОИСКАХ
«ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА»**

УДК
94(47).02

В статье исследуется знаменитая летописная легенда о призвании варяжских князей. Автор оспаривает вывод ряда исследователей о том, что летописное сказание основывается на юридическом акте (договоре). Приводятся аргументы в пользу положения об исключительно фольклорном происхождении сказания.

This article examines the famous annalistic legend of calling of the Varangian princes. The author challenges the conclusion of some researchers that Chronicles the tale is based on a legal act (treaty). Arguments are given in favor of the provision on the exclusively folklore origin of the legend.

Ключевые слова: Русь; варяги; Рюрик; варяжская легенда; Повесть временных лет; ряд (договор).

Keywords: Rus'; Varangians; Rjurik; Varangian legend; Povest' Vremennykh Let; rjad (treaty).

E-mail: koryuz@mail.ru

Знаменитое летописное «Сказание о призвании варягов» («Сказание»), повествующее о прибытии к чуди, словенам, кривичам и веси братьев Рюрика, Синеуса и Трувора, довольно долго оценивалось отечественными историками как поздняя вставка в летопись, возникшая в результате соединения новгородских преданий с фантазиями летописцев. Это мнение довольно убедительно аргументировал А.А.Шахматов, остроумно изобразивший то, как народные предания о Рюрике, Олеге, Синеусе и Труворе, изначально привязанные к нескольким северо-западным русским городам, сложились в Новгороде (в 1-й половине XI в.) в летописную запись о призвании братьев-варягов. К концу XI в. «Сказание» о Рюрике проникло в киевское летописание, и тогда составитель «Повести временных лет» (ПВЛ) «должен был задуматься над отношениями к этому родоначальнику позднейших князей, Игоря и Олега», предания о которых были известны на юге Руси [35, с.223–224, 229].

Выводы А.А.Шахматова о характере «Сказания» долгие годы считались общепринятыми, на их основе советскими исследователями воздвигались новые научные построения, еще более подрывавшие доверие к летописной истории призвания варягов. Так, Д.С.Лихачев писал о том, что «у киевских летописцев никаких письменных новгородских источников не было», «легенда о призвании трех братьев-варягов... весьма искусственного происхождения», она «была на руку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство всех русских князей», поскольку «утверждала династическую унификацию: все князья – члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых

А.А.Шахматов

и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры – такова мысль киевских летописцев, постоянно проводимая ими в своих летописях. Понятие "братство" в представлениях летописца имело, прежде всего, политическое значение. Это политическое значение понятия "братство" могло постепенно перейти в летописной традиции в значение братства кровного. Таким образом, историческое зерно легенды о призвании трех брать-

ев-варягов невелико». Это и не «народная легенда» вовсе, поскольку была создана летописцами, благодаря «устным рассказам двух представителей старинного новгородского посадничьего рода – Вышаты Остромировича и его сына Яна Вышатича», переселившихся в Киев [20, с.399–400]. Б.А.Рыбаков пытался возвести имена младших братьев Рюрика к оборотам “*sine use*” и “*tru war*”, т.е. со «своими родичами» и «верной дружиной». Появление их в летописном тексте исследователь считал следствием недоразумения: «В летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев» [24, с.298]. Подобно Д.С.Лихачеву, Б.А.Рыбаков отказывал «Сказанию» в народности, считая его появление в тексте ПВЛ результатом деятельности в 1-й четверти XII в. одного редактора-норманиста, к тому же безграмотного. При этом историчность некоего князя Рюрика допускалась всеми исследователями, не углублявшимися в анализ преданий о нем, послуживших материалом для построения «Сказания».

На этом фоне сочинения исследователей, пытавшихся отстаивать достоверность «Сказания», казались не более чем исключениями из правил. Так, А.Г.Кузьмин, построивший свои выводы по истории начального русского летописания на полемике с А.А.Шахматовым, поначалу, как бы подкрепляя построение Б.А.Рыбакова, доказывал прямо противоположное схеме А.А.Шахматова: «в Новгородскую летопись Сказание о призвании варягов попало все из той же третьей редакции "Повести временных лет" (1118 года), куда впервые было включено редактором-норманистом, "близким князю Мстиславу Владимировичу"». И конечно, появившееся в Ладоге и «отстоящее на два с половиной столетия от описываемых событий Сказание... не могло быть чем-либо иным, кроме как легендой», а «отождествление варягов и Руси лишь позднейшая попытка (позднее начала XII в.) подкрепить шаткую династическую легенду» [5, с.52, 53]. Однако спустя еще некоторое время, исходя из убеждения, что летописание «вовсе не сводилось к последовательному осложнению предшествовавшего текста», а «сюжеты, исключенные одним летописцем, могли сохраняться в других традициях» [4, с.76], и на этом основании продолжая полемику с выводами А.А.Шахматова и его последователей, А.Г.Кузьмин скорректировал свой взгляд на происхождение имени и народа русов вообще, а на «Сказание» в частности. Получалось, что «Сказанию» нужно было отказать в достоверности, исходя из его позднего внесения в летописи, что, с точки зрения исследователя, было нелогично и непоследовательно. Ведь «варяжская легенда» в

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». В ПОИСКАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА»

любом случае является отражением некоей летописной традиции и имеет право на существование, а отказ от нее означает ни много ни мало «уступку» летописи норманистам, что для такого активного антинорманиста, каким являлся А.Г.Кузьмин, было неприемлемо. Выход он нашел в трудах антинорманистов XIX века, в советское время практически забытых. Признав варягов славянами Поморья, А.Г.Кузьмин признал и достоверность информации, содержащейся в «Сказании» [3, с.28–55]. Однако точка зрения исследователя не только не нашла «авторитетных» сторонников, но и сам он оказался на положении изгоя.

Как было открыто историческое (или юридическое) «ядро»

варягов не балтийскими славянами, а норманнами. Исследователи обнаружили в «Сказании» некое «историческое ядро», а именно «ряд» (соглашение) между знатью, приглашавшей варягов стороны, и пришлым предводителем отряда викингов Рюриком. Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин привлекли рассказ о приходе Рюрика с братьями к призвавшим их племенам в составе ПВЛ (в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) и Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ). В тексте «Сказания» в

Спустя два десятилетия после издания статей А.Г.Кузьмина Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин взялись доказать достоверность информации «Сказания», правда, признав летописных

Лаврентьевская летопись

составе Лаврентьевской летописи рассорившиеся было после изгнания варягов племени «рѣша сами в себѣ: "Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣль нами и судилѣ по праву"». Затем «русь, чюдъ, словѣни, и кривичи и вси» убеждают братьев-варягов: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами» [20, с.13]. В рассказе НПЛ в этом месте отличий мало: «князя поищемъ, иже бы владѣль нами и рядилъ ны по праву», и далее: «наряда у нас нѣту, да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами» [10, с.106]. В Ипатьевской летописи (отразившей другую редакцию ПВЛ) появляются новые детали. Приглашающая сторона решает: «поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣль нами и рядилъ, по ряду по праву». Варягам они сообщают о своей земле: «наряда в ней нѣтъ, да поидете княжит и володѣть нами» [2, стб.14]. После этого к ним и являются Рюрик, Синеус и Трувор.

Словосочетанием «по ряду по праву» в Ипатьевской летописи и заинтересовались Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин. В традициях советского времени они уравнивали скептическое мнение А.А.Шахматова и Д.С.Лихачева мнением В.Т.Пашуто, якобы признавшего «исторически достоверным по крайней мере ядро повествования» и обратившего «внимание на то, что варяжские князья были призваны "володеть", "судить" ("рядить") по праву, по "ряду", который определял условия приглашения князя занять престол» [9, с.190]. На самом деле в работе, на которую опирались авторы, В.Т.Пашуто писал несколько иное. Он лишь отмечал, что хотя «нет данных ни о завоевании, ни о колонизации Руси норманнами», но «есть немало фактов, свидетельствующих о древних и разнообразных связях Руси с народами Северной Европы, чьи выходцы надолго нашли в нашей стране свою вторую родину». Только и всего. А на странице, на которую сослались Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, ни о каком «исторически достоверном ядре» речь не идет. В.Т.Пашуто пишет только, что «специально изучал термины "ряд" – "наряд" – "поряд" в наших летописях и убедился, что он всегда определял условия, на которых правящая знать отдельных русских центров приглашала князя занять престол. Значит, варяжские князья, если вообще верить летописным преданиям, были подчинены воле славянской знати». Ключевой здесь является фраза «если вообще верить», а вот как раз верить-то летописному преданию В.Т.Пашуто не был готов. Вполне в духе советской исторической традиции он признал его «внесенным из славянского или скандинавского эпоса в летопись XII в.», «сомнительным во многих

своих компонентах», «лишенным прочных исторических корней» [15, с.53, 56, 57].

Но ссылкой на авторитет В.Т.Пашуто начало было положено. Далее, условно согласившись с неудобным мнением Д.С.Лихачева о том, что «на оформление легенды о призвании повлияло завещание, которым «нарядил» («урядил») своих сыновей Ярослав Мудрый»¹, Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, вроде бы признав «термин "ряд" принадлежащим относительно позднему княжому праву», все-таки пробираются к следующему тезису: «введение в легенду этого термина придает летописному повествованию вполне определенный смысл: вместо находников, творивших насилие, призываются князья, рядящие по праву, – их правление представлено законным». Затем совершена новая натяжка: «Термин "ряд" в тексте легенды указывает, что, по крайней мере, в восприятии летописца начала XII в., призвание варяжских князей осуществлялось в соответствии с некими установленными нормами. Это дает основание рассматривать содержание легенды с точки зрения дипломатической практики участвовавших в "ряде" сторон – славянской и скандинавской, чтобы попытаться определить его содержание и выяснить, в какой степени сведения легенды согласуются (или противоречат) с традициями договорных отношений IX–X вв.». Сторонами при заключении «ряда» (договора) выступили «племена новгородской конфедерации», искавшей себе князя, и «предводитель (предводители) военного отряда «варягов», т.е. скандинавов» [9, с.190–191, 193].

Тут же напоминает, что «вся русь», прибывшая с князьями, – это дружина, военный отряд (другая гипотеза, высказанная Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухиным) [7, с.148–151]. Конечно, от имени конфедерации выступали племенные старейшины, которыми «едва ли... двигало осознанное стремление к консолидации всех земель». Они про-

Марка «1140 лет российской государственности» (выпущена в 2002 г.)

¹ Отмечу, что корректной ссылки на работу Д.С.Лихачева нет. Как показано выше, главным в его аргументации было совсем другое.

сто не могли не считаться с тем, что норманны «были реальной силой на севере Восточной Европы, и знать славянских и финских племен, образовавших новгородскую конфедерацию, должна была регулировать отношения с ними и иметь защиту от внешней опасности». Племенную знать тянуло к сильной власти князя, ведь на самом деле «местная племенная верхушка» в союзе с варягами стремилась к «эксплуатации населения Новгородской земли» [9, с.194].

Все это чистая фантазия, начиная с определения сторон переговоров и заканчивая двигавшими ими мотивами. Ничего подобного в летописях, на которые ссылаются Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, не сообщается. В связи с этим любопытно и замечание, сделанное авторами о том, что «скандинавская традиция не знает договоров-рядов». Ссылка же на то, что «существует и широко используется практика заключения соглашений между предводителями отрядов викингов и местными правителями нескандинавских стран, нанимающими их на службу» в X–XI вв. [9, с.197, 198], положение не спасает, поскольку в ПВЛ, по их мнению, подразумевается несколько иная ситуация.

Затем авторы приходят к выводу о наличии «лексических параллелей» между текстом «Сказания» и русско-византийскими договорами. Речь идет о сходстве между словосочетаниями «вся русь», которую призванные князья берут с собой, и упоминаемыми в договорах «всех иже суть под рукою его сущих руси» (911 г.), «боляр и руси всей» (971 г.), от имени которых заключаются соглашения с «греками». При этом возможное предположение о том, что летописец, «поместивший в ПВЛ тексты договоров, использовал их лексику при составлении варяжской легенды»², отмечается, исходя все из той же гипотезы о «всей руси», как о «дружине киевского князя, собирающей полюдье и кормящейся у своих данников-славян» [9, с.195–196]. Таким образом, одна гипотеза подставляется под другую. Однако это исследователей не смущает. Главное, что «структура» летописного рассказа («конфликт-разрешение») показала Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухину «традиционной для славянского, в том числе древнерусского, и для обычного права других народов, одной из особенностей которого является казуальность» [9, с.193]. Вероятно, под «казуальностью» обычного права авторы подразумевали, что в его основе лежат конкретные казусы (события), ссылаясь на уже имеющийся опыт разрешения которых судья

² Что не исключено, поскольку, согласно выводам А.А.Шахматова, речь идет об одном времени.

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». В ПОИСКАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА»

(или правитель) выносит решения. На самом деле, обычное право в основном – это комплекс общепринятых правил поведения, проверенных временем, но никак не конкретных казусов. Да и о какой «казуальности» можно говорить применительно к варяжской легенде? Какие в летописном рассказе казусы?

Далее – еще интереснее: «Описание конфликта – первого нарушения нормы (в легенде: насилия варягов, изгнание их за море, отсутствие "правды" у изгнавших их) и последующее ее восстановление на основе права – является основным способом построения нормативных статей в обычном праве». Что имеется в виду? Можно подумать, что предполагаемому «ряду», заключенному между Рюриком и рассорившимися племенами, предшествовал еще какой-то договор с изгнанными затем варягами. И что это за варяги? Поскольку, «как показывает западноевропейский материал, подобные договоры заключались с уже закрепившейся на данной территории группой норманнов»³, «есть основания полагать, что и племена новгородской конфедерации заключали ряд с уже известной им "русью", осевшей на севере Восточной Европы до середины IX в.» [9, с.193, 200]. Но в таком случае и уже изгнанные варяги, с которыми ранее был также заключен договор, должны были успеть осесть где-то поблизости. Куда же они потом пропали? Наконец, какие могут быть «нормативные статьи» в «обычном праве»?

Рерих Н.К. Гонец

³ Имеются в виду договоры с норманнами (об уплате дани), преследующими цель оградить территории Англии и Франции от их набегов.

Решив, что читателя уже удалось убедить в том, будто текст «Сказания» – это вольное переложение нормы права, Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин делят летописный текст на предполагаемые параграфы и впоследствии оперируют уже их номерами. Производится расшифровка понятий: «Терминами "княжить" и "володеть" определяется совокупность обязанностей и прав будущего князя новгородской конфедерации, вытекающих из тех задач, которые надеялась решить с помощью "призвания" местная племенная верхушка» [9, с.194]. При этом делается любопытное примечание: «По мнению А.С.Львова, термин "княжить" возник не ранее второй половины XI в. и был внесен в ПВЛ лишь в XII в.» [9, с.194, прим.10]. Кстати, с признания этого авторы начинали свое исследование. А ведь слово «княжить» относится к терминологии предполагаемого авторами «ряда». Как же оно могло оказаться в договоре 2-й половины IX в.?

Термин «судить» («рядить»), отразившийся в предполагаемом §5, по мнению Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, означает «руководствоваться существующими в Новгородской земле правовыми нормами». А «перечни городов, где сели приглашенные князья и куда посадил своих мужей Рюрик по смерти братьев» (§ 10 и 12, соответственно), – это «еще два положения ряда», которые «возможно определяют и территориальные пределы распространения власти приглашенного князя», позволяющие еще «предположить, что за краткой констатацией того, где именно сидят варяжские князья и их мужи, стоит статья ряда об условиях содержания князя, его мужей и дружины» [9, с.194–195].

В тексте работы вообще много слов «возможно» и «предположить». Однако смелым предположениям не мешает и тут же помещенное замечание, что «перечень "розданных градов" Рюриком (§12) отсутствует в НПЛ и, по мнению А.А.Шахматова, не содержался и в Начальном своде». Но и этот вывод А.А.Шахматова исследователи обходят, заглушив возникшие было сомнения сообщением о том, что и Новгороде (точнее, на Городище, ведь в Новгороде древнейшие слои относятся лишь к началу X в.), Ладоге, в Белоозере (где слои IX в. также не открыты) и Изборске обнаружены «явные следы пребывания норманнов» [9, с.195].

К чему же сводится основное содержание реконструируемого исследователями «ряда»? «А) "ряд" заключается представителями (знатью) нескольких славянских и финских племен (верхушкой новгородской межплеменной конфедерации) с представителями военного отряда; Б) "ряд" предусматривает передачу им верховной власти ("владения") на территории, занимаемой этими племенами; В) "владение" приглашаемых кня-

зей ограничивается условием "судить по праву", т.е. руководствоваться сложившимися в местном обществе правовыми нормами; Г) по условиям "ряда" варяжские князья первоначально садятся в городах – центрах славянской колонизации на Северо-Западе (Ладога, Новгород, Изборск, Белоозеро)» [8, с.9–10]. Но этого мало, и авторы привлекают на помощь практику, сложившуюся в Англии и Франции, где договоры с норманнами содержали статьи, «определяющие: а) прекращение военных действий; б) границы территории расселения норманнов (Денло в Англии, Нормандия во Франции); в) принятие христианства скандинавами; г) права скандинавского правителя и правовое регулирование отношений англо-саксонского и датского населения в Денло» [8, с.11].

В результате «ряд» варяжской легенды оказывается дополненным еще несколькими пунктами. Выяснилось вдруг, что «ряд» должен был включать условия содержания и обеспечения варягов, князя и его дружины. Поэтому в нем, «возможно, была оговорена территория, на которую распространялась власть князя, а также центры, с которых он мог собирать дань». И «не исключено, что указания легенды о городах, где "сидели" Рюрик и его братья, и городах, которые он раздал своим мужам, передают – уже в интерпретации летописца начала XII в. – условия "кормления" князя и его дружины, т.е. установление мест сбора князем дани с определенных территорий». Кроме того, «важнейшим моментом в регулировании отношений с варяжскими дружинами был вопрос об их содержании и вознаграждении. Впервые о плате варягам сообщается в ПВЛ в связи с утверждением следующего после Рюрика скандинавского по происхождению князя, Олега, в новой столице Киеве (882 г.). Этот текст очевидным образом связан с легендой о призвании: дань установлена тем самым племенам, которые призвали варягов в Новгород, с Новгорода и взимается плата варягам» [9, с.197, 200]. Наконец, «все договоры преследуют задачи установления мирных отношений с скандинавами, с одной стороны, и защиты от набегов и грабежей иных групп скандинавов, – с другой. Хотя вторая задача не нашла прямого отражения в ряде легенд, свидетельством ее решения, видимо, является то, что после 860-х гг. мы не имеем сведений о нападениях скандинавов на Ладогу (кроме одного в 980-х гг.) и Новгородскую землю» вплоть до конца XII в. [9, с.200; 8, с.11]. Логика странная. Получается, если источники (довольно неполные за этот период) не дают нам информации о нападениях скандинавов, следует полностью исключить возможность таких нападений и на этом основании делать новые выводы. Таким способом можно предположить и то, что, поскольку до 860-х гг. у нас нет инфор-

мации о контактах славян со скандинавами на Севере Восточной Европы, то их и не было. Впрочем, здесь у Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина имеются хоть какие-то основания для выводов. Остальные реконструируемые ими «дополнительные» пункты «ряда» вообще ни на чем не основаны.

Опираясь на предположение о наличии в «Сказании» некоего «исторического ядра» – «ряда» (соглашения) «между местной знатью и пришлым предводителем викингского отряда», Е.А.Мельникова пытается обойти заключение А.А.Шахматова о недостоверности «Сказания», считая, что вокруг «обстоятельств заключения "ряда"» и «складывалась "сага о Рюрике", повествование о деяниях удачливого вождя, обосновавшегося в новых землях». В результате исследовательница даже в «Синеусе» и «Труворе» видит исторические личные имена, широко распространенные в Скандинавии: «Это могли быть имена действительных братьев Рюрика: из рунических надписей и саг мы знаем, что нередко в викингских походах участвовало несколько родичей: братьев, двоюродных братьев и т.д. Это могли быть и имена членов дружины Рюрика, которые по закону эпической концентрации персонажей и под влиянием фольклорного мотива были переосмыслены как его братья» [6, с.149]. Кажется, будто информация «Сказания», вроде бы опирающегося на юридический документ, должна вызывать большее доверие, нежели летописное повествование о прочих событиях IX–X вв., информация о которых была получена из фольклора.

Васнецов В.М. Призвание варягов

Зачем же все-таки пригласили варягов?

Обратимся к тексту «Сказания». Для чего зовут варягов? Они приглашаются «княжить» и «владѣть» («володѣть»). Современный академический «Словарь древнерусского

языка (XI–XIV вв.)» дает «княжити» следующие значения: господствовать; управлять; быть владельцем, правителем области, страны, города [28, с.361]. Значение, в общем, не особенно отличающееся от древнерусского аналога. Словарь И.И.Срезневского вообще оставляет это слово без перевода, предлагая читателям просто примеры его употребления в источниках. «Володѣти» / «владѣти» по существу признается синонимом «княжити». У И.И.Срезневского: владеть, иметь в своей власти, в подчинении; управляться (получается «сами собой») и пример: славяне после изгнания варягов [32, стб.291]. В академическом Словаре отличия незначительны: обладать, владеть, иметь власть, управлять [27, с.442]. Смысл употребления рядом «княжить» и «владеть» может быть только один – усиление эффекта от рассказа, т.е. эстетический. В связи с этим вспоминаются былины, где каждое слово певец как бы стремился пропеть не по одному разу, если не буквально, то дополняя его синонимами: «на тую пору, на то времечко», «без бою, без драки великие», «пенье-коренье» и пр. Конечно, летописное предание мало напоминает былинку, но, судя по всему, к записанному фольклорному тексту оно ближе, нежели к тексту юридическому.

Потребность в приглашенных князьях возникла, поскольку в земле, куда им предстоит явиться, нет «наряда», т.е. порядка, устройства [33, стб.327; 29, с.187]. Что имеется в виду? Вероятно, начавшиеся у чуди, словен, кривичей и др. сложности после того, как они начали «сами в собѣ володѣти»: «не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Что есть «правда»? И.И.Срезневский, конечно, дает и такие варианты перевода слова правьда», как постановление, правило; свод правил, законы; договор, условия договора; право. Однако на первые места он ставит: «правда, истина» и «справедливость». Причем в качестве примера употребления слова «правьда» в последнем значении он приводит фрагмент, повествующий о приглашении варягов [33, стб.1355–1358]. Академический словарь в целом не противоречит этому пониманию, ставя на первое место: «То, что соответствует действительности, истина, правда»; на второе: «Справедливость; порядок, основанный на справедливости; правосудие»; лишь на седьмое: «Договор; условия договора», а на вось-

мое: «Закон, правило, установление; свод постановлений, законов, правил» [30, с. 448–454]. И именно во втором значении понимается составителями Словаря текст Лаврентьевской летописи о призвании варягов [30, с.450]. Итак, под установлением «наряда» подразумевается торжество справедливости, которое должно положить предел усобицам. Как видим, приглашающая сторона не ждет от Рюрика и его братьев установления буквальных юридических норм («правосудие» в академическом Словаре следует понимать как одно из проявлений справедливости, то, что должно рассудить рассорившиеся племена). В этом предложении также нет и намек на юридическую терминологию и договор.

Князь должен «рядить» «по праву» (или «по ряду по праву»). «Рядити» понимается И.И.Срезневским как править, управлять; начальствовать; распоряжаться [34, стб.229]. Академический словарь следует за И.И.Срезневским, предлагая в подходящих по смыслу случаях варианты: «распоряжаться, решать, вершить» и «править, управлять» (в качестве примера приводится варяжская легенда, с пояснением: «рядил» – «судил») [31, с.538]. Итак, князь правит и распоряжается (или судит) «по праву». Для понимания, что такое «право», переводчиками предлагаются две группы значений. Одни, более ранние: «верно, правильно» (примеры из XI в.); «действительно, в самом деле» (так предлагается понимать слова Ольги, обещавшей древлянам выйти замуж за их князя), «справедливо» (XI в.); «по истине, право» (XII–XIII вв.) (И.И.Срезневский); «прямо, без отклонения в сторону, ровно» (конец XIII в.); «истинно; воистину; в самом деле» (XII–XIII вв.); «искренне, без обмана»; «как надлежит, правильно, верно» (XII–XIII вв.); «справедливо» (XII–XIII вв.) (академический Словарь) [33, стб.1348; 30, с.437–438].

Итак, в домонгольской Руси словосочетание «рядить по праву» означало «распоряжаться (или править) по справедливости (правильно, без обмана)». Получается, варяжская легенда повествует о том, что в ходе начавшихся усобиц была утеряна справедливость (правда); князя приглашаются для того, чтобы ее восстановить, а для этого они должны править (решать дела, в том числе и судить) по справедливости. Довольно логичная программа, хотя и несложная – в духе народных идеалов и фольклора. Попытка перевести «право» в юридическую плоскость является модернизацией. Это значение слово приобрело много позднее – лишь во 2-й половине XIV в. [33, стб.1348; 30, с.437]. Не спасает и пресловутый «ряд», добавленный во второй редакции ПВЛ, по которому (как и по «праву») предлагается «рядить». Действительно, это слово

можно перевести как «договор», «соглашение», «установление» и «распоряжение». Существует еще значение «суд, судебное разбирательство» («ряды правити, ряды рядити») [34, стб.233, 234; 31, с.541, 542, 543]. Если принять эти варианты, то получается, что князья должны управлять «по договору, по справедливости» или судить «по суду, по справедливости». Последнее – бессмыслица, а управлять по некоему договору и справедливости вряд ли возможно. Отмечу, что для слова «ряд» встречается еще одно значение – «порядок» (в варианте И.И.Срезневского), уточненное как «порядок, лад, согласие» (академический словарь) [34, стб.232; 31, с.541]. С учетом того, что «по ряду» появилось как позднее добавление к уже имеющемуся «по праву», можно перевести все это словосочетание: «управлять ко всеобщему удовольствию, по справедливости». Этим, естественно, окончательно устаревает факт существования некоего юридического акта, договора, являющегося «ядром» варяжской легенды, зато подкрепляется понимание этой легенды как произведения, составленного летописцем на основе традиционных фольклорных формул.

Фольклор и действительность Вряд ли можно считать формулу «княжить» и «владеть» «по ряду, по праву» чем-то недоступным для народного понимания, способным появиться в летописном тексте лишь в результате использования некоего правового акта. Выше уже указывалось на ассоциации, возникающие при разборе текста «Сказания» с былинным текстом. Е.А.Рыдзевская в 1930-х годах обратила внимание на замечательное сходство некоторых деталей «Сказания» с былинной, в которой Илья Муромец в ходе своей «первой поездки» к Киеву спасает от неприятельского войска⁴ некий осажденный русский город⁵ [25, с.166–167]. Когда Илья Муромец прекращает «погуливать» по вражеской силе, делая в ней «улицы» и «часты площади», истребив ее таким образом полностью, горожане, поняв, что спасены, стараются отблагодарить героя. Если в былинном тексте, полученном П.В.Киреевским из села Павлово Нижегородской губернии, черниговский воевода и местные «князи-бояря» всего лишь посылают Илье

⁴ *Татар или литовцев – национальность чистая условность, зачастую вообще не определяемая.*

⁵ *Варианты его именованья также разнятся, чаще всего, это Чернигов.*

приглашение «хлеба-соли кушати» [16, (№4), с.35–36], то в тексте, который поступил к собирателю из Архангельской губернии, жители спасенного города Крякова выносят Илье «золоты ключи», отпирают «ворота городовыя», заявляя:

*Поклоняемся тебе, богатырь честной,
Нашим городом:
Приходи к нам в становьё,
Вот тебе город наш, будь набольшим* [17, (№1), с.4].

В тексте, записанном П.Н.Рыбниковым в начале 1860-х годов от знаменитого сказителя Трофима Рябинина (деревня Серёдки, Кижской волости), мужики-черниговцы зовут Илью к себе воеводою [18, (№4), с.15]. В варианте, который П.Н.Рыбников записал от крестьянина деревни Бураковой Купецкой волости Пудожского уезда Никифора Прохорова, поясняется, в чем выгода для Ильи стать воеводою (город здесь именуется Бекетовцем):

*Будем мы тебя поить-кормить,
Вином-то поить будем допьяна,
Хлебом-солью кормить тебя досыта,
А денег давать тебе до любви* [19, (№116), с.83].

В изложении крестьянина деревни Пирзаковской, Колодозерской волости, Пудожского уезда Трофима Романова Илью в спасенном городе ждут иные выгоды:

*Ты бери-ко у нас золото, серебро,
И бери у нас скатный жемчуг,
И живи у нас в городе Бежегове,
Слыви ты у нас воеводою* [19, (№139), с.294].

Однако на Илью как на воеводу будут возложены и определенные обязанности. В тексте, который П.Н.Рыбников записал от Анфима Савинова, крестьянина деревни Раниной Горы, Филимоновской волости, Пудожского уезда «мужики» города Тургова выносят Илье «ключи на том блюде на золоте», просят богатыря их принять, уговаривая его:

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». В ПОИСКАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА»

---

*Будь-ко ты у нас воеводою,
Береги нас от поганых от Татаровей* [19, (№170), с.477].

Еще более интересно, в контексте данной работы, определяются обязанности Ильи в качестве правителя города Бежегова в былине Николая Дутикова (Федотова), крестьянина деревни Конды Сенногубской волости:

*Стань-ко к нам суды судить,
Суды судить да ряды рядить* [18, (№61), с.349].

А в спасенном городе Смолягине (в варианте, записанном от крестьянина деревни Новинки на Сумозере Андрея Сорокина) будущего воеводу Илью Муромца просят:

*Суды суди все правильно,
Мы все будем тебя слушати* [19, (№127), с.152].

Приглашение спасителя Ильи Муромца в воеводы в текстах северных сказителей зафиксировал и А.Ф.Гильфердинг, проехавший в 1871 г. по местам, в которых ранее собирал старины П.Н.Рыбников [12, (№56), с.517; 13, (№74), с.12].

Как известно, все эти соблазнительные предложения богатырь неизменно отклоняет. Его интересует только «прямая дороженька» на Киев. Но что означает предлагаемое ему воеводство? В.Я.Пропп, анализируя «черниговское приключение» Ильи, отметил: «Черниговцы оказались беспомощными перед лицом врага не потому, что они не обладали храбростью... Они были бездеятельны потому, что не было той власти, которая могла бы возглавить народное движение. Поэтому черниговские мужики предлагают Илье воеводство, то есть власть». И тут снова возникает устойчивая ассоциация с варяжской легендой: у народа есть все для достойной жизни, кроме власти (порядка), отсюда все напасти, и для их преодоления необходимо эту власть заполучить откуда-то извне. «В былине черниговцы подчиняются только своему воеводе, в руках которого власть мыслится неограниченной», а «Чернигов представляется в песне политически независимым, самостоятельным государством, наподобие монархии» [22, с.250, 251].

Для одних сказителей предложение, которое делали Илье Муромцу жители спасенного им города, означало свободу быть кем угодно и при этом жить в свое удовольствие. Так, во времена А.Ф.Гильфердинга крестьянин Савелий Панов с Кугнаволока на Водлозере вкладывал в уста благодарных черниговцев следующие слова:

*А й хоть у нас ты в гради Чернигови
А й хоть князём живи, хоть королём живи,
А хоть барином, а хоть крестьянином [14, (№210), с.70].*

В варианте, записанном А.В.Марковым (1899) от Гаврилы Крюкова в деревне Нижняя Зимняя Золотица на Зимнем берегу, черниговские мужики, среди которых кое-кто изначально принял Илью Муромца за «ангела», завлекают к себе богатыря следующими возможностями:

*А приди ты к нам хошь князём живи в Черни-городи,
хошь боярином,
Хошь купцём у нас слови, гостем торговыма.
Мы ведь много даим тебе золотой казны несчётныя [1, (№68), с.347].*

Однако в основном все-таки подразумевается именно получение богатырем государственной власти. Тому же А.В.Маркову крестьянин Иван Прыгунов из Верхней Зимней Золотицы, с Зимнего берега, пропел следующее:

*Говорят мужици да мало-чиженци:
...Уж ты хошь ли у нас да царём царить,
Уж ты хошь ли у нас да седоком сидеть [1, (№107), с.532].*

Еще более конкретно формулировали предложение спасенного города сказители, с которыми довелось пообщаться участникам экспедиции братьев Б.М. и Ю.М.Соколовых 1926–1928 гг. Например, крестьянин Никифор Антонов из деревни Кевосалмы на Водлозере довольно четко определил суть предложения «мужиков» из «Смолянинья»:

*Ай же ты, старой казак да Илья Муромець,
Ты живи у нас да царьствуй-ко,
Мы да станем повиноватисе,
Мы да станем поклонятисе [11, (№184), с.678].*

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». В ПОИСКАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА»

В варианте крестьянина Тимофея Прокина из деревни Рагнозеро жители «града Черниговьского» давали Илье:

*...да селы-то с присёлками,
Ай давали города да с пригородками,
А и становили тут царем его на царствие* [11, (№193), с.706].

Александра Зуева, односельчанка Прокина, также вкладывает в уста спасенных жителей (правда, «града Бекешовского») предложение: «А стань-ко к нам царем на царсьвиё!» [11, (№196), с.712]. Или вот опять, совсем знакомое, от крестьянина Дмитрия Лукина из того же Рагнозера:

*Выходят мужики да черниговски:
Ай не ангела ли нам бог дал?
Аль не архангела ли нам бог дал?
А пожалуй да к нам на широкий двор,
А судом суди да рядом ряди* [11, (№199), с.718–719].

Если применить методику Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, то можно и в былине о поездке Ильи Муромца в Киев разглядеть признаки договора, который пытались заключить с богатырем жители спасенного им города; наметить параграфы; предположить, что черновик этого несостоявшегося акта где-то хранился, вокруг него возникло предание, которое затем перешло в былинку и т.д.

С Е.А.Рыдзевской, кстати, так и случилось, она, в духе учения довольно популярной в ее время «исторической школы» в фольклористике, предположила, а не является ли былина о спасении Ильей Муромцем города «каким-то отголоском подлинных исторических условий». А далее, учтя сходство деталей, исследовательница заметила: «Отнюдь не подразумевая при этом, что самый образ былинного Ильи должен непременно расшифровываться как образ варяга-викинга, я считала бы возможным предполагать в этих былинах какое-то отражение исторической действительности. Между прочим, они сходятся с летописью в одном весьма существенном анахронизме: варяжских князей Повесть временных лет изображает как лиц, призванных "володети и судити (с вариантом "рядити") по праву", а по былинам спасенный Ильей город предлагает ему быть воеводой (или князем) и "суды судить да ряды рядить" (или "суды судить все правильно"»). И в том и в другом случаях перед

нами – модернизация в духе того времени, когда в руках князя или воеводы были сосредоточены широкие судебные-административные функции». Избавляться от «модернизации» она начинает методом все той же «исторической школы» – снимая предполагаемые наслоения эпох и отодвигая «историческую основу» былины об Илье к «той эпохе, на исторических условиях которой построено летописное сказание о призывании князей» [25, с.166–167].

Как известно, положение «исторической школы» о том, что былины – это некая «устная летопись», что они обязательно содержат в своей основе конкретные исторические события, а у былинных героев есть реальные прототипы, покоится на довольно шатком фундаменте. Если народ пытался таким способом сохранить память о реальных событиях прошлого, то цель явно не была достигнута. Былины даже для специалистов, стоящих на позициях «исторической школы», представляют собой «своеобразный (и по-разному решаемый) ребус» (остроумное определение Б.Н.Путилова) [23, с.110]. И уж тем более никак не оправдывает себя метода разложения былин на исторические слои. Как писал В.Я.Пропп, «эпос подобен таким слоям земли, в которых имеются отложения различных геологических эпох» [21, с.194].

Поверив в то, что в основе «черниговского приключения» Ильи Муромца лежит какое-то историческое событие, необходимо придется поверить и в историческую достоверность всего былинного материала, включая существование Соловья-разбойника, с которым Илья встретился, отъехав от спасенного города. Разделить их невозможно. Любопытно, что история со спасением города от врагов по пути к Киеву встречается не во всех былинах о первой поездке Ильи Муромца, а вот история его победы над Соловьем-разбойником обязательно в них входит. Сам по себе «черниговский эпизод» для сказителей неважен, зато он необходим «для понимания психологии Ильи Муромца». Богатырь «стремится не в любой русский город, а только в Киев, как город стольно-киевский», а потому, отклонив предложение черниговцев, он «спрашивает дорогу на Киев» [22, с.250, 251]. Его просто ничего более не интересует, главное – добраться до Киева. Все то, что может задержать его движение в этом направлении – от поединка с Соловьем, до переговоров с «мужиками» о воеводстве – досадные помехи, мешающие достижению главной цели. Ф.М.Селиванов обратил внимание на один парадокс. Кажется, главное содержание былины о первой поездке богатыря в Киев заключается в победах Ильи Муромца над полчищами врагов под Черниговом и над Соловьем-разбойником. Но если обратить внимание «на количе-

ственную сторону отдельных частей былины»⁶, то будет заметно, «что описание этих подвигов и пути до Киева составляет только половину текста (135 строк из 272). Другая половина текста посвящена пребыванию муромского богатыря в Киеве. Певцу видны только общие очертания начала событий. И чем ближе к концу, тем эпизоды получают большую четкость, становятся заметнее отдельные детали» [26, с.62]. Только после появления Ильи в Киеве и начинается былинное действо – все происходящее до этого как бы интересует сказителей меньше. Лишь когда Илья утверждается в окружении киевского князя Владимира, былина подходит к завершению. Следовательно, все описанные в ней «приключения» Ильи являются неотъемлемой частью произведения, и вырвать из него «черниговский эпизод», посчитав его отражением какой-то реальной истории, невозможно.

Возвращаясь к «Сказанию», следует заметить, что бытование в былинах языковых оборотов, сходных с теми, что встречаются в «Сказании», позволяет утверждать, что и в значительно более ранние времена, когда варяжская легенда попала в состав ПВЛ, составители летописи вряд ли испытывали затруднения, описывая предполагаемые события середины IX в. Никаких специфических юридических формул, которые бы позволяли утверждать, будто в основе «Сказания» лежит некий специально оформленный договор, в летописных источниках нет. В обоих случаях (при изучении как «Сказания», так и былин) мы имеем дело с фольклорными произведениями.

Список сокращений

- Гильфердинг.** – Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Древняя Русь и Скандинавия.** – Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. труды. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке; Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011.
- ПСРЛ.** – Полное собрание русских летописей.
- Рыбников.** – Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. В трех томах. М.: Сотрудник школ.
- Словарь.** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).
- Срезневский.** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Знак, 2003. Т.1–3.

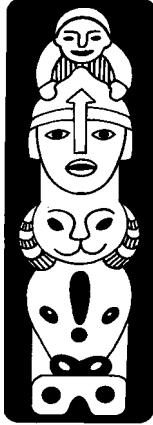
⁶ Исследователь опирается на вариант, записанный А.Ф.Гильфердингом от знаменитого сказителя Т.Г.Рябинина.

Библиографический список

1. Беломорские былины, записанные А.Марковым. М.: Поставщик Двора Его В-ва Т-во Скоропечатни А.А.Левенсон, 1901. 619 с.
2. Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т.2). М.: Языки рус. культуры, 1998. 648 с.
3. Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №10. С.28–55.
4. Кузьмин А.Г. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // Вопросы истории. 1971. №10. С.55–76.
5. Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1967. С.42–53.
6. Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: Изд. фирма «Восточ. лит.» РАН, 2000. С.143–159.
7. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Древняя Русь и Скандинавия. С.133–152.
8. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М.: Глав. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1989. С.9–11.
9. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // Древняя Русь и Скандинавия. С.190–200.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПСРЛ. Т.3). М.: Языки рус. культуры, 2000. 720 с.
11. Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М.Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В.Чичерова (Летописи Гос. лит. музея. Кн.13). М.: Изд-во. Гос. лит. музея, 1948. 938 с.
12. Гильфердинг. 1949. Т.1. 736 с.
13. Гильфердинг. 1938. Т.2. 712 с.
14. Гильфердинг. 1940. Т.3. 616 с.
15. Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1970. Вып.15. С.51–61.
16. Песни, собранные П.В.Киреевским. М.: В Тип. П.Бахметева, на Малой Дмитровке, №14, 1868. Вып.1. 94, XXXVI с.
17. Песни, собранные П.В.Киреевским. М.: В Университет. тип. (В.Катков), на Страстном бульваре, 1879. Вып.4. 344 с.
18. Рыбников. 1909. Т.1. 512 с.
19. Рыбников. 1910. Т.2. 727 с.
20. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С.Лихачева; Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 669 с.
21. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В.Я.Проппа). М.: Лабиринт, 1998. С.185–208.
22. Пропп В.Я. Русский героический эпос. (Собрание трудов В.Я.Проппа). М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
23. Путилов Б. Концепция, с которой нельзя согласиться // Вопросы литературы. 1962. №11. С.98–111.

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». В ПОИСКАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА»

24. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993. 592 с.
25. Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М.: Наука, 1978. С.159–236.
26. Селиванов Ф. Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике // Фольклор как искусство слова. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1966. С.50–73.
27. Словарь. М.: Русский язык, 1988. Т.1. 526 с.
28. Словарь. М.: Русский язык, 1991. Т.4. 559 с.
29. Словарь. М.: Азбуковник, 2002. Т.5. 647 с.
30. Словарь. М.: Ин-т рус. языка им. В.В.Виноградова РАН, 2004. Т.7. 505 с.
31. Словарь. М.: Азбуковник, 2013. Т.10. 656 с.
32. Срезневский. Т.1. 776 с.
33. Срезневский. Т.2. 920 с.
34. Срезневский. Т.3. 1000 с.
35. Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб.: Наука, 2003. Т.1. Кн.2. С.185–231.

Андрей Ранчин

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ»:

ФАКТЫ. ГИПОТЕЗЫ. ДОМЫСЛЫ

УДК
94(47).02

В статье рассматриваются различные интерпретации летописного сказания о призвании варягов, в частности концепция Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, доказывающих, что в сказании сохранились сведения о договоре, заключенном Рюриком с призвавшими его народами. Также анализируется критика «договорной» гипотезы различными исследователями. Показано, что «договорная» гипотеза опирается на ряд весомых аргументов, однако не лишена некоторых уязвимых мест. Бесспорное признание реальности договора Рюрика с местным населением или отрицание его существования затруднительно из-за отсутствия необходимых данных.

The author considers various interpretations of the Chronicle's legend of calling of the Varangians, in particular, the concept suggested by E.A.Mel'nikova and V.Ya.Petrukhin who argue the legend retained information on a treaty Rurik concluded with peoples who summoned him. The author also analyzes critics of the "contractual" hypothesis by various researchers. It is demonstrated that this hypothesis relies on a number of cogent arguments but has some vulnerabilities. Due to the lack of necessary evidence it is difficult either to recognize the treaty indisputable or reject the very existence of the treaty.

Ключевые слова: сказание о призвании варягов; летопись; сага; фольклор; Рюрик; договор («ряд»).

Key words: the legend of calling of the Varangians; the chronicle; saga; folklore; Rurik; treaty.

E-mail: aranchin@mail.ru

Сказание о призвании варягов, одна из редакций которого содержится в Новгородской Первой летописи младшего извода (далее – НПЛмл), а другая — в Повести временных лет (далее – ПВЛ) под 6370 (862) годом, – повествование, являющееся одним из ключевых как для российской национальной мифологии, так и для отечественной историографии. Как справедливо заметил П.С.Стефанович, автор одного из наиболее обстоятельных исследований Сказания, «значение этого относительно небольшого текста для исторического самосознания народов России, Украины и Белоруссии трудно переоценить. Ему принадлежит одно из центральных мест в исторических построениях и представлениях о зарождении Древнерусского государства».

Вместе с тем Сказание является и одним из самых спорных текстов в историографии, посвященной истории Руси. В литературе обсуждались самые разные аспекты истории этого произведения и исторической информации, в нем заключенной, но едва ли можно найти хотя бы один, даже самый незначительный, вопрос, в трактовке которого в науке достигнуто единство» [38, с.514].

Ученые споры велись и ведутся в основном в двух аспектах: первый из них – это история текста Сказания, второй, отчасти с первым связанный, – его историческая основа. Полемика А.С.Королева с Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухиным – один из случаев второго рода: Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин полагают, что в Сказании отразилась память о реальном договоре («ряде»), действительно заключенном скандинавским правителем-конунгом (названном в Сказании Рюриком) или несколькими правителями с пригласившими их славянскими и финно-угорскими племенами (народами), и пытаются реконструировать пункты (условия) этого ряда; А.С.Королев считает, что Сказание не имеет такой реальной исторической основы и никаких следов «ряда» Рюрика с якобы призвавшими его народами в летописном тексте нет.

Место «договорной» гипотезы в современной исторической науке

В своей полемике с приверженцами концепции об отражении в Сказании действительно заключенного договора автор статьи «"Сказание о призвании варягов": в поисках "исторического ядра"» опирается на текстологическую гипотезу А.А.Шахматова: «Знаменитое летописное "Сказание о призвании варягов" ("Сказание"), повествующее о прибытии к чуди, словенам, кривичам

и веси братьев Рюрика, Синеуса и Трувора, довольно долго оценивалось отечественными историками как поздняя вставка в летопись, возникшая в результате соединения новгородских преданий с фантазиями летописцев. Это мнение довольно убедительно аргументировал А.А.Шахматов, остроумно изобразивший то, как народные предания о Рюрике, Олеге, Синеусе и Труворе, изначально привязанные к нескольким северо-западным русским городам, сложились в Новгороде (в 1-й половине XI в.) в летописную запись о призвании братьев-варягов» (с. 111). Из точки зрения А.А.Шахматова следовало, что историческая основа Сказания ничтожна: по крайней мере, его сюжет, если также и не отдельные мотивы или персонажи-актанты, исторически абсолютно недостоверен и фантастичен. Надо, однако, признать, что, несмотря на научный авторитет и замечательные открытия А.А.Шахматова-текстолога, результаты проделанного им анализа Сказания не являются общепризнанными.

Авторитетной гипотезе замечательного текстолога, заложившего основы отечественного летописеведения, А.С.Королев и противопоставляет трактовку Сказания Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, причем их истолкование в его интерпретации подается как весьма странный и маргинальный феномен: все другие ученые, им упоминаемые, оказываются либо последователями А.А.Шахматова (Д.С.Лихачев и Б.А.Рыбаков), либо приверженцами иной, особенной позиции (А.Г.Кузьмин). Между тем нарисованная А.С.Королевым картина весьма далека от реальности. Вот что писал в одной из своих книг Б.А.Рыбаков: «Было ли призвание князей или, точнее, князя Рюрика? Ответы могут быть только предположительными. Норманские набеги в конце IX и в начале X в. не подлежат сомнению. Самолюбивый новгородский патриот мог изобразить реальные набеги "находников" как добровольное призвание варягов северными жителями для установления порядка. Такое освещение варяжских походов за данью было менее обидно для самолюбия новгородцев, чем признание своей беспомощности.

Могло быть и иначе: желая защитить себя от ничем не регламентированных варяжских набегов, население северных земель могло пригласить одного из конунгов на правах князя с тем, чтобы он охранял его от других варяжских отрядов. Приглашенный князь должен был "рядить по праву", т. е. мыслилось в духе событий 1015 г., что он, подобно Ярославу Мудрому, оградит подданных какой-либо грамотой» [34, с.298–299]. Сомневаясь в том, что приглашенный князь в середине IX века мог дать пригласившим договорную грамоту, так как в то время само право было

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ДОМЫСЛЫ

еще устным, известный историк (между прочим, в противоположность Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухину, ярый антинорманист!) в принципе не отрицает возможность и призвания, и заключения договора.

Сказание о призвании варягов (slavyanskaya-kultura.ru)

Как полагает В.Л.Янин, ряд с Рюриком мог лечь в основу традиции заключения договоров Новгорода с князьями в позднейшее время [1, с.61–62].

Примерно о том же еще в середине XIX века писал С.М.Соловьев, ссылавшийся на позднейший новгородский обычай приглашать к себе князей: словене и окрестные народы «должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного – одним словом, *третьего судью*, а таким мог быть только князь из чужого рода. Установление наряда, нарушенного усобицами родов, было главною, единственною целию призвания князей, на нее летописец прямо и ясно указывает, не упоминая ни о каких других побуждениях, и это указание летописца совершенно согласно со всеми обстоятельствами, так что мы не имеем никакого права делать свои предположения» [37, с.128] (ср. [37, с.129 и с.303, прим. 159])¹. Идея, что

¹ Здесь и далее выделения курсивом в цитатах принадлежат авторам цитируемых ра-

Сказание достаточно адекватно отражает реальные факты и что вокняжение Рюрика было результатом призвания и «было, скорее всего, связано с желанием местной знати иметь в лице располагавшего сильной дружиной правителя противовес шведским викингам, пытавшимся привести Поволховье и Приильмень в данническую зависимость» [3, с.38–39]², выражена в исследованиях целого ряда современных авторов. Историк Е.В.Пчелов, недавно издавший биографическую книгу о Рюрике, признает, что «в летописном рассказе сохранились следы древнего славянского права, представленные в соответствующих терминах. <...> Терминология летописи показывает, что между местным населением и пришлыми варяжскими предводителями было заключено устное соглашение, "ряд", который определял права и обязанности князя и положение призванных варягов на Руси. <...> Именно "ряд", заключенный местными племенами с варягами, как уже отмечалось историками, и послужил, по всей видимости, основой для дальнейшей новгородской традиции приглашения князя на престол и заключения с ним соглашения, "ряда"» [32, с.230–231]. Известный историк М.Б.Свердлов, обобщая опыт изучения Сказания, заметил, что «теория» призвания Рюрика «была широко распространена в литературе середины XIX–XX вв. после теории завоевания славян варягами и создания ими Русского государства» [36, с.108]³. И эта характеристика вполне обоснованна. «Договорную» гипотезу надо признать не маргинальным феноменом в современной историографии, как ее трактует А.С.Королев, а явлением научного «мейнстрима».

Что касается позиции Д.С.Лихачева, то она была намного более сложной. Выражения, сходные с теми, в которых критикуемые А.С.Королевым ученые усматривали правовую терминологию, он также истолковывал как элементы юридического языка⁴. «Рядить суды» или

бот.

² Автор, А.А.Горский, ссылается на работу: [5, с.193–194].

³ Сам М.Б.Свердлов, в отличие от Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, склонен считать, что это было, «вероятно, не призвание союзом словен, кривичей и мери варягов <...> или договор с ними, а избрание князя, которое восходило к древнейшей традиции славянских и других народов на последней стадии племенного строя» [37, с.108]; однако он не отрицает допустимости «договорной» интерпретации сюжета о призвании варягов.

⁴ А.С.Королев упрекает Е.А.Мельникову и В.Я.Петрухина, заявляя: «Отмечу, что корректной ссылки на работу Д.С.Лихачева нет. Как показано выше, главным в его аргумен-

"суды править" – одно из главных княжеских дел», – констатировал ученый, ссылаясь на характеристику Ярослава Осмомысла в «Слове о полку Игореве», на известие Лаврентьевской летописи под 1206 г. о приходе Константина Всеволодовича на княжение и на сообщения Ипатьевской летописи под 1151 г. о разделении власти престарелым князем Вячеславом с племянником Изяславом Мстиславичем и о призыве Вячеслава к племяннику Ростиславу там же под 1154 г. [8, с.139]. В Сказании о призвании варягов он обнаруживал также следы правовой терминологии, только полагал, что на терминологию Сказания повлияло завещание Ярослава Мудрого детям 1054 года [44]. В.Т.Пашуто, цитируемый А.С.Королевым, также может быть лишь очень условно причислен к его союзникам в полемике о «ряде» Рюрика (как, впрочем, надо признаться, его – здесь автор статьи «"Сказание о призвании варягов": в поисках "исторического ядра"» прав – нельзя отнести и к единомышленникам Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина). «Я специально изучал термин "ряд", "наряд" в наших летописях и убедился, что он всегда определял условия, на которых правящая знать отдельных центров приглашала князя занять престол. Значит, князья, если вообще верить летописному преданию, были подчинены славянской знати», – размышляет В.Т.Пашуто [26, с.53]. Да, он сомневается в наличии у Сказания «исторического ядра», однако, как и Д.С.Лихачев и в противоположность «примкнувшему» к нему А.С.Королеву, ни в коей мере не отрицает наличия в этом летописном тексте правовой, договорной терминологии.

Что же касается трактовки Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухиным Сказания как текста, сохранившего припоминание о реальном договоре варягов с народами Приильменя и Приладожья и окрестных земель, то современный ученый – специалист по раннесредневековым сказаниям о происхождении власти у славян – считает, что двум приверженцам «договорной» интерпретации сюжета о призвании варягов по крайней мере

тации было совсем другое» (с. 115, сноска 1). Действительно, в цитируемом им фрагменте статьи этих авторов нет ссылки на конкретную работу Д.С.Лихачева [22, с.190]. Однако для специалиста совершенно очевидно, какое именно лихачевское исследование подразумевают авторы статьи, а содержание этого исследования они передают совершенно корректно. Неясно, в чем заключается суть упрека их оппонента и при чем здесь соображения Д.С.Лихачева из совершенно иного текста, который цитирует А.С.Королев, – впервые изданного за двадцать лет до лихачевской статьи (в 1950 году) послесловия к изданию ПВЛ.

«удалось опровергнуть преобладавшее в историографии мнение А.А.Шахматова, считавшего повествование о призвании варягов книжной контаминацией из нескольких "топонимических преданий", и подтвердить цельность сюжета сказания, на котором основывался летописец» [40, с.81].

Таким образом, в контексте современной исторической науки концепция Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина выглядит отнюдь не странным казусом, каковым ее хочет представить А.С.Королев, но одной из наиболее авторитетных и влиятельных трактовок Сказания о призвании варягов.

Призвание варягов. Ф.А.Бруни, 1839

«Ряд» Рюрика: аргументы «за» В чем прав оппонент авторов этой трактовки – это в том, что договорная терминология в Сказании может отражать систему юридических понятий летописца конца XI века (если считать, что в известной нам редакции НПЛ мл достаточно адекватно сохранен текст Сказания из состава гипотетического Начального свода, датированного А.А.Шахматовым 1093–1095 гг.) или даже начала XII

века (если полагать, что в НПЛ мл. текст Сказания несет следы влияния более поздней версии этого рассказа, чем та, которая содержится в составленной в 1110-х гг. ПВЛ). Однако, во-первых, этот критический выпад не нов: об этом, как уже было сказано, писал Д.С.Лихачев в статье 1970 г., на которую А.С.Королев не ссылается. Во-вторых (и это самое главное), такой возможности ни в коей мере не исключают и сами Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин⁵. Они лишь считают, что летописец мог верно передать основное содержание договора-ряда между варягами и призвавшими их племенами. Обнаруживаемое ими совпадение правовой или якобы правовой лексики в Сказании и в договорах с греками, относящихся к X веку, в целом не может быть сильным аргументом. Во-первых, эти договоры были, очевидно, впервые включены только в состав ПВЛ, то есть в начале XII века, а до этого не были известны летописцам, юридические термины могли задним числом вводиться в описание книжниками событий значительно более ранних. Во-вторых, в этих договорах сами славянские лексемы, связанные с представлением о власти, в отдельных случаях, видимо, являются новациями, характерными для языка второй половины XI, а отнюдь не X века, как в случае со словом князь, вероятно заменившим исконное каган. Но один из авторов «договорной» интерпретации Сказания об этом обстоятельстве прямо пишет: «Признание того, что сохранившиеся тексты (договоров. – А.Р.) являются переводами конца XI в., с греческого языка (Я.Малингуди, С.М.Каштанов), лишает статуса аутентичности, прежде всего, их терминологию» [15, с.125].

При этом, однако, Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин указывают на пример возможного отражения в Сказании правовой терминологии, относящейся пусть не ко времени гипотетического «ряда» Рюрика с призвавшими его племенами, но к периоду, значительно более раннему, чем конец XI или начало XII века: к середине X столетия. Это словосочетание «вся русь» в высказывании «и избрашася 3 брѣтя с роды своими [и] пояша по собѣ всю Русь», которое читается в редакции Сказания в ПВЛ⁶. Как указывают Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, «вся русь» фигурирует как одна из сторон в договорах с греками, а об аутен-

⁵ См. цитаты из их исследования [22] в статье А.С.Королева (с. 115)

⁶ Цитирую текст по Лаврентьевскому списку [29, стб.20, л.7]. В квадратных скобках – приведенное в издании Лаврентьевского списка – чтение ряда близких к нему списков. В редакции Ипатьевской летописи это чтение идентично: [30, стб.14, л.8 об.].

тичности и древности этого выражения свидетельствует трактат византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», автор которого упоминает об ежегодном полюдье «всех росов» [14, с.140, ср. с.144–145; 21, с.187; 22, с.195–196].

А.С.Королев отводит это наблюдение, ограничившись замечанием: «Таким образом, одна гипотеза подставляется под другую» (с. 116), между тем оно заслуживает большего внимания. Правда, формульный, терминологический характер этого выражения в трактате византийского императора не может быть доказан. Тем более не доказана Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухиным первичность чтения «пояша всю русь» в сравнении с чтением редакции Сказания в НПЛ мл «и пояша со собою дружину многу и предивну <...>» [31, с.106, л.29 об.] (чтение Комиссионного списка)⁷. На это обстоятельство указал П.С.Стефанович, статья которого А.С.Королевым не учтена. По мнению П.С.Стефановича, представлением составителя ПВЛ о происхождении названия «русь» из Скандинавии от народа русь «надо объяснять исправление "пояша с собою дружину многу и предивну" (Нпл мл.) в "пояша по собѣ всю русь" в сообщении о приходе Рюрика и братьев. Современные критики А.А.Шахматова считают, что вариант ПВЛ первичен, т. к. они находят выражение "вся русь" в независимых источниках, а именно в русско-византийских договорах и рассказе Константина Багрянородного о полюдье "росов" в сочинении "Об управлении империей". Однако это словосочетание не представляет собой какой-то идиомы или специфической формулы, которая не могла бы появиться под пером разных авторов независимо друг от друга и от их источников. И даже если допустить формульность этих слов, то непонятно, почему их употребление в договорах и у Константина (в греческих текстах, независимых от летописи) должно свидетельствовать в пользу первичности чтения ПВЛ перед

⁷ Между прочим, предположению Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина о первичности чтения «всю русь» в сравнении с чтением «дружину многу и предивну» противоречит трактовка ими же в ряде работ выражения «многу и предивну» как фольклоризма, восходящего к скандинавской песенной традиции: получается, что летописцы дважды обращались к устной дружинной традиции – сначала заимствуя из нее сюжет о призвании варягов, а затем оформляя его с помощью фольклорной формулы: такое двойное использование фольклорного источника выглядит сомнительным. По мнению А.А.Гиппиуса, первичное чтение было либо «многу», либо «многу и храбру» [2, с.271, прим.23].

НПЛ мл.? Если уж делать такие (вообще-то натянутые) допущения, то вопрос вообще надо решать способом, ровно противоположным тому, который предлагают Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин: надо как раз думать, что введение в летопись переводов договоров и подтолкнуло составителя ПВЛ к фразе "по яша по собѣ всю русь"» [38, с.532–543]. Как он замечает, «из работ Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, собственно, и неясно, что вообще заставило их сопоставить трактат с ПВЛ» [38, с.543].

Точку зрения П.С.Стефановича можно признать предпочтительной, однако интересно, что выражение «вся Ирландия», аналогичное словосочетанию «вся русь» (правда, бесспорно в значении топонимическом, а не как обозначение дружины, которая, по мнению Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, подразумевается под «всей русью» в редакции Сказания в ПВЛ), встречается в хронике «История и топография Ирландии» Гаральда Камбрийского, повествующей о призвании ирландцами норманнов⁸. В обоих случаях подразумевается заключение некоего договора, только «вся Ирландия», в отличие от «всей руси», – не призываемая, а призывающая сторона.

А.С.Королев, отказываясь видеть в Сказании юридический терминологический пласт, считает, что лексика, которую Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин трактуют как договорную, правовую, в действительности не более чем набор формул фольклорного происхождения. Сопоставляя Сказание с вариантами былины об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, в которых содержится призыв горожан к богатырю «Стань-ко к нам суды судить, / Суды судить, да ряды рядить» и «Суды суди все правильно, Мы все будем тебя слушати» (с.125), он приходит к выводу: «<...> Следует заметить, что бытование в былинах языковых оборотов, сходных с теми, что встречаются в "Сказании", позволяет утверждать, что и в значительно более ранние времена, когда варяжская легенда попала в состав ПВЛ, составители летописи вряд ли испытывали затруднения, описывая предполагаемые события середины IX в. Никаких специфических юридических формул, которые бы позволяли утверждать, будто в основе "Сказания" лежит некий специально оформленный договор, в летописных источниках нет. В обоих случаях (при изучении как "Сказания", так и былины) мы имеем дело с фольклорными произведениями» (с.129).

---

⁸ См. об этом сюжете: [38, с.568–569].

Процитированное заключение статьи выглядит довольно странно, так как в ее начале автор безусловно присоединился к идее А.А.Шахматова, считавшего Сказание искусственным, книжным конструктом, созданным летописцем с помощью свободного, авторского комбинирования и «переписывания» целого ряда преданий. Теперь же оказывается, что Сказание не более чем «фольклорное произведение» наподобие былины. Метаморфоза удивительная! Но главное: вывод критика «договорной» концепции никак нельзя признать обоснованным. Параллели с былинами действительно есть. Но о чем они свидетельствуют? Былины в известной нам форме – произведения отнюдь не современные летописям XI–XII веков. Конечно, этот жанр в отдельных своих элементах восходит к глубокой древности, однако записи, с которыми А.С.Королев сопоставляет Сказание, относятся к XIX столетию. Сказание, как признают почти все ученые, – записанное и, скорее всего, переработанное летописцем предание, а не былина. Предание, в отличие от былины, является припоминанием о реальных исторических событиях и личностях, хотя, конечно, ни в коей мере не обладает «протокольной» достоверностью. Это два принципиально разных жанра устной словесности.

Как известно, в былинах есть рудиментарные элементы весьма архаичной или специфичной лексики: вспомним хотя бы об обращении «ох ты гой еси», сохранившем форму древнерусского глагола «гоити» – 'быть здоровым, здравствовать'. Почему же былине не сохранить правовую или квазиправовую терминологию? Предложение горожан богатырю – это и есть своего рода призвание на условиях «ряда». Как заметила известная исследовательница русского фольклора, «<...> с сожалением приходится отметить, что <...> на сегодняшний день эпический мир его и язык изучен еще недостаточно» [4, с.279]. Естественно, из былины нельзя извлечь свидетельства о реальном «ряде» Ильи Муромца с черниговцами, потому что такового ряда попросту не только не было, но и быть не могло, ибо сам Илья (независимо от того, был ли у него прототип в истории) – фигура не историческая, как не являются историческим и время действия, и хронотоп в былине. Рюрик же, как считают практически все историки, личность историческая, а мифологических персонажей наподобие Соловья Разбойника в Сказании о призвании варягов нет.

Самое любопытное, что Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин как раз и строят свою интерпретацию на предположении о фольклорной основе

Сказания; но обнаружение такой основы служит для ученых доказательством не легендарности, а историчности сюжета призвания варягов. Поэтому критика их концепции А.С.Королевым выглядит несколько забавно. Только эта основа, конечно же, не былинная: это предание или некая героическая песнь о Рюрике, возникшая в дружинной среде. «Не исключено, что сказание о Рюрике изначально имело поэтическую форму или включало поэтический текст – хвалебную песнь (драпу), – замечает Е.А.Мельникова. – На это, как кажется, указывают стилистические особенности текста НПЛ. В нем присутствуют многочисленные пары формульного типа, образованные существительными ("рать велика и усобица"), глаголами ("владети и рядити", "княжити и владети") и прилагательными ("дружина многа и предивна", "земля велика и обилна", "муж мудр и храбор"). Ни одно из этих парных выражений не является устойчивым для летописных текстов словосочетанием <...> Парные формулы и хвалебные эпитеты – характерные приметы эпического стиля (ср. летописную характеристику Святослава, которая, по общему мнению, основанному на тех же показателях, восходит к хвалебной песне). Таким образом, стилистические особенности Сказания в НПЛ свидетельствуют о вероятности того, что за записанным в ней пересказом стоит поэтический текст. Он мог представлять собой как цельную эпическую поэму, так и – что более вероятно, исходя из скандинавских аналогий, – прозаический текст с включенной в него хвалебной песнью» [17, с.229]. Е.А.Мельникова отмечает: «К числу эпических мотивов, следы которых могут быть обнаружены в сказании, принадлежит <...> упоминание о приходе Рюрика в Ладогу (Новгород): "Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну" <...> в котором содержится хвалебная парная формула» [17, с.229].

Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, доказывая существование древнего устного источника Сказания, напоминают и о совпадении характеристики земли, где обитают призывающие народы, в древнерусском тексте и в предании о призвании бриттами саксов в латинской хронике Видукинда Корвейского «Деяния саксов»: в обоих случаях говорится о земле как о просторной. «Если обратиться к лексике легенды, то обращает внимание наличие в ней пласта славянской правовой терминологии, имеющей архаичные истоки (в обычном праве): "правда", "володеть и судить по праву", "владеть и рядить по праву", "наряд", "володеть и рядить по ряду, по праву", "княжить и володеть". Формульность языка, сохранившаяся в легенде в целом, давно продемонстрирована при по-

мощи англо-саксонской параллели призыванию варягов ("земля наша велика и обильна" – "terra lata et spatiosa")» [22, с.195]. О древности ядра Сказания свидетельствуют и данные антропономастики: «Последнее исследование ономастикона легенды показало, что имена призванных князей – Рюрик, Синеус и Трувор – восходят к архаичным скандинавским формам» [22, с.195]⁹.

Стоит в связи с этим заметить, что лексика, с помощью которой описаны в Сказании полномочия и обязанности Рюрика и его братьев, характерна как для древнерусской, так и для западной традиции. Так, в хронике Адама Бременского (Lib. II, cap. LVII (55)) сказано о норвежском конунге Олаве Святом: «Si quando autem tempus a bellorum motibus quietum erat, idem Olaph iudicio et iusticia regnum gubernavit» [43, p.117]¹⁰. Эта устойчивость лексики свидетельствует, очевидно, о ее терминологической традиционности.

При этом, вопреки заявлению А.С.Королева, «исследовательница даже в "Синеусе" и "Труворе" видит исторические личные имена, широко распространенные в Скандинавии» (с.120), Е.А.Мельникова полагает: вопрос об историчности Синеуса и Трувора «принадлежит, видимо, к числу неразрешимых на твердой основе источников и потому всегда будет оставаться спорным» [18, с.205]. Она, конечно же, признает: «Действительно, мотив трех братьев является одним из наиболее распространенных в индоевропейском фольклоре. Он находит широкое отражение в сюжетах, связанных с основанием государства/династии: триада братьев-переселенцев – характерная черта переселенческого сказания: два или три брата, как правило, приходят к власти в сказаниях о приглашении правителей. Фольклорно-мифологический характер носит и мотив быстрой и бездетной смерти двух из трех братьев, типичный для этой группы сказаний. Поэтому сама по себе троичность братьев заставляет сомневаться в исторической реальности по крайней мере двух из них. Не исключено, хотя и недоказуемо (впрочем, как и недоказуемо и обратное), что образы братьев появились в сказании о Рюрике под влиянием устойчивого фольклорного мотива. Другой вопрос – на чем основаны эти образы» [18, с.205]. Исследовательница лишь делает различные допущения: «Это могли быть имена действительных братьев Рюрика; из

⁹ Ученые ссылаются на разыскания Г.Шрамма [46, с.330–333].

¹⁰ Перевод: «Когда же выпадало время, свободное от военных действий, этот Олаф вершил правду и суд в королевстве».

рунических записей и саг мы знаем, что нередко в викингских походах участвовало несколько родичей: братьев, двоюродных братьев и т. д. Это могли быть и имена членов дружины Рюрика, которые по закону эпической концентрации персонажей и под влиянием фольклорного мотива были переосмыслены как его братья» [18, с.207].

Для Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина очевиден не просто фольклорный, а мифоэпический субстрат Сказания, однако, как считают ученые, наличие этого пласта отнюдь не свидетельствует о легендарном характере сюжета. По их мнению, Сказание – один из примеров трансформации мифоэпического сюжета в так называемое раннеисторическое описание: «<...> [П]орубежным событием, соединяющим миф и историю, становится происхождение действительно правившей во времена хрониста династии, а герой мифоэпической традиции предстает как ее основатель. Обстоятельства же основания династии оказываются звеном, связующим мифоэпическую и историческую традиции» [21, с.179].

Е.А.Мельникова вслед за А.Стендер-Петерсеном [47, s.42–76] предполагает, что существовала некая сага о Рюрике, отразившаяся в Сказании [17, с.228, прим.49]. Устное ядро Сказания, как утверждают Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, бытовало в дружинной скандинаво-славянской среде, характеризовавшейся билингвизмом. Поэтому оправданным было бы в первую очередь сопоставление словесных формул Сказания не с былинами, но именно со скандинавской устной словесностью, которая, как свидетельствуют саги, передавала события прошлого с высокой степенью фактической точности¹¹. При этом не исключено, что Сказание было составлено или записано древнерусским книжником не в конце XI века, а значительно раньше – в начале столетия. А значит, между временем призвания варягов и временем письменной фиксации этого сюжета прошло не столь уж много времени и какие-то исторические факты Сказание могло сохранить. Раннюю датировку Сказания предлагает, например, С.М.Михеев, книгу которого А.С.Королев даже

¹¹ *Свидетельство вероятного бытования в варяжской дружинной среде на Руси преданий (саг) как в славянской, так и в скандинавской языковых версиях – это сюжет о смерти правителя от укуса змеи, выползающей из конского черепа, известный как в скандинавской словесности («Сага об Одде Стреле»), так и в древнерусской (сказание о смерти Вещего Олега в ПВЛ под 912 годом). См. убедительное объяснение возникновения и бытования этого сюжета в статьях Е.А.Мельниковой: [45; 10].*

не упоминает. Автор книги «Кто писал "Повесть временных лет"» считает Сказание в версии НПЛ относящимся к своду начала XI века – Древнему сказанию, видимо, историографическому памятнику 1016–1017 годов [24, с.120–121] (реконструированный им текст со Сказанием: [24, с.213–214]). Правда, можно признать основания (а это прежде всего лингвистические данные) для ранней датировки Сказания небесспорными, однако игнорировать эту датировку и эти соображения недопустимо. Е.В.Пчелов доказывает, что Сказание могло возникнуть при Ольге или в начале княжения Владимира, когда правящая династия особенно нуждалась в легитимации [33, с.430]. Мне такое объяснение представляется излишне рационалистическим, однако А.С.Королев должен был его как-то оценить.

По мнению Е.А.Мельниковой, «[в]ключение Сказания о Рюрике в летопись – редчайший случай – имеет *terminus ante quem*: в конце 1050-х или начале 1060-х гг. именем Рюрик называется старший сын Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого, родившегося около 1040 г. (в 1038 г.?). К этому времени сказание о Рюрике должно было быть не только включено в летопись, которая отражала представления об истории восточного славянства, но и прочно закрепиться в династическом сознании древнерусского княжеского клана <...>» [17, с.236]. Мне соображения относительно времени включения Сказания в летопись не представляются убедительными: князья при именовании ориентировались на устные родовые предания, а не на летописание, причем расхождение двух традиций могло быть разительным. (Показательный пример: превращение имени Святополк по крайней мере к концу XI века, а скорее всего, значительно раньше в летописной традиции в одиозное по причине его принадлежности Святополку Окаянному – убийце святых Бориса и Глеба – длительное время никак не сказывается на традиции наречения княжеских и боярских детей; вплоть до середины XII столетия князей и бояр продолжали нарекать при рождении этим именем.) Е.А.Мельникова считает, что представление о Рюрике как прародителе правящей династии сформировалось на Руси относительно поздно (в середине XI века). Доказательство этому она видит в «Слове о Законе и Благодати» Илариона (написанном не позднее 1050 года), где среди представителей восходящей линии названы только отец Владимира Святого Святослав и дед Игорь. Однако в Древней Руси в то время существовал обычай указывать в родословии князя только отца и ино-

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ДОМЫСЛЫ

гда деда¹², но не прадеда. Кроме того, Иларион прославляет киевских князей, а первым киевским князем в прямой восходящей генеалогической линии Владимира был Игорь, а не Рюрик. Но, так или иначе, формирование Сказания, по крайней мере в устной версии, задолго до создания Начального свода и тем более ПВЛ весьма вероятно.

Таким образом, Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин в отличие от их критика реконструируют механизм возникновения, бытования и фиксации предания о призвании Рюрика. Их оппонент этого не делает.

Призвание варягов. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век (radzivilovskaya-letopis.ru)

Уязвимые места «договорной» гипотезы Из сказанного выше отнюдь не следует, что концепция Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина совершенно неуязвима и в ней нет ничего спорного. А.С.Королев отчасти прав в

¹² Ср. известие ПВЛ под 6587 (1079) годом о гибели Романа Святославича: «Суть кости его и досель. [лежаче тамо]. с(ы)на С(вя)тослава. внука Ярослава» [29, стб.204, л.68 об.] (в квадратных скобках – чтение Радзивилловского и Московско-Академического списков, утраченное в Лаврентьевском) и запись о кончине Всеволода Ярославича: «В лѣто 6601 [1093] <...> преставися великий князь Всеволодъ. с(ы)нь Ярославль. внукъ Володимерь <...>» [29, стб. 215–216, л.72].

одном: действительно, иногда в вариациях этой концепции одно гипотетическое утверждение становится основанием для другого, которое в свой черед оказывается фундаментом для первого. Когда, например, один из исследователей выдвигает вывод: «вокруг заключения "ряда" складывалась "сага о Рюрике", повествование о деяниях удачливого вождя, обосновавшегося в новых землях» [18, с.207], то получается, что с помощью гипотезы о заключении Рюриком «ряда» с призвавшими его племенами обосновывается идея о бытовании «саги о Рюрике», при том что само предположение о заключении договора ранее доказывалось благодаря выявлению в тексте Сказания следов устной традиции. Однако в этом нет какого-то особенного, свойственного именно этим двум исследователям «методологического» изъяна: в конечном счете причина таких многоуровневых гипотез – в почти полном отсутствии исторических источников. А.А.Шахматов, концепцию которого безоговорочно принимает А.С.Королев, строил свои гипотезы ровно таким же образом.

Призвание варягов на Русь (rufact.org)

В концепции Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина действительно есть уязвимые места, А.С.Королевым не замеченные. На одно из них указал П.С.Стефанович. Сопоставляя Сказание с рассказами о призвании иноземных правителей, запечатленными в западноевропейских латинских хрониках (помимо «Деяний саксов» Видукинда Корвейского, это сочинения насельников монастыря Монтекассино Абат из Монтекассино и

Льва Остийского и хроника «История и топография Ирландии» Гаральда Камбрийского¹³), он отметил, что сюжет во всех случаях одинаков: это «добровольное приглашение норманнов местными жителями (горожанами Салерно под предводительством Гвемара III или ирландцами, соответственно)», из этих повествований «[р]ассказ Гаральда более всего похож на древнерусское Сказание (Ирландия у него оказывается "прекрасной страной" (*terram optimam*), названы три брата и три города, ими основанные и др.)» [38, с.568]. Это сходство позволяет ученому сделать вывод: «Таким образом, древнерусское Сказание излагает мотив переселения в такой версии, в какой находятся аналогии у германских народов Севера Европы и в среде норманнов, осевших в разных местах Европы (переселение народа во главе с несколькими, как правило, тремя, братьями по приглашению другого народа). По-видимому, эта версия общераспространенного мотива возникла в Северной Европе (первую ее фиксацию в письменности можно возводить к середине VI в.), а затем с экспансией норманнов распространилась там, где были значительными их присутствие и влияние. <...> Одна яркая аналогия, собственно текстуальное совпадение – указание на обширность и плодородность земли в Сказании и в "Деяниях саксов" – заставляет предполагать, что автор Сказания использовал то предание, какое отразилось у Видукинда, или очень близкое ему. Возможно, это было то же предание об англосаксах, но, может быть, и какое-то другое, где речь шла о приглашении и переселении другого народа, которое сначала Видукинд приспособил к своему рассказу, а затем и древнерусский автор (или кто-то в его среде) к своему. Но факт состоит в том, что в обоих произведениях явно просматривается одна фольклорно-нарративная модель и что эта модель "северо-германского" происхождения» [38, с.569–570]. Это сходство, служившее для Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина одним из доказательств историчности Сказания о призвании варягов, П.С.Стефанович интерпретирует противоположным образом – как аргумент в пользу его легендарности: «Видеть в нем (Сказании. – *А.Р.*) отражение реальных событий было бы, по меньшей мере, наивно – ведь никто же не воспринимает всерьез, например, решение "всего королевства" Ирландии пригласить "остманнов" для торговли и строительства городов. Да и о какой реальности может идти речь, если просто вдуматься в слова об "обилии" земли словен и вспомнить природно-климатические условия Новгород-

---

¹³ См.: [38, с.568–569].

ской земли, всегда страдавшей от недостатка хлеба и находившейся под угрозой голода – воспринятые буквально, эти слова звучат едва ли не насмешкой. Разумеется, *легендарность сюжета* не исключает достоверность отдельных фактов, изложенных с его помощью или рядом, но вне прямой связи с ним, – но совершенно неоправданно было бы выстраивать с опорой на текст Сказания теорию некоего договора между туземцами и пришельцами, как это делают некоторые современные ученые <...>» [38, с.570].

Сходные выражения в Сказании и у Видукинда, позволяющие П.С.Стефановичу сделать вывод о влиянии германского предания в какой-то его версии на древнерусскую историографию: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами» [31, с.106, л.29 об.] и «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*» [48, p.9] (lib. I; VIII)¹⁴. Разительное сходство, однако, по-моему, не может быть свидетельством влияния какой-то версии предания о призвании саксов на Сказание. Во-первых, нет никаких данных, кроме самого этого совпадения, о знакомстве летописца с северогерманским преданием¹⁵. Проще предположить, что единая основа была у этого северогерманского предания и у устного источника Сказания. Однако сходство может объясняться обращением и германского хрониста, и древнерусского летописца не к одному и тому же конкретному сюжету, а к общей матрице, парадигме, объясняющей происхождение власти. Во-вторых, неясно, зачем летописец прибегает к такому заимствованию: П.С.Стефанович не описывает механизм этой трансформации. В-третьих, стилистическое сходство может объясняться не влиянием одного предания на другое, а единством топики, описывающей призвание иноземного правителя: призывающий народ, желая расположить и привлечь иноземца, расхваливает простор и плодородие родной земли – при этом соответствие или несоответствие этой харак-

¹⁴ В пер. Г.Э.Санчука: «обширную и бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти» [1, с.68].

¹⁵ Как заметил Е.В.Пчелов, в ряде деталей (упоминание имен призванных вождей, три корабля саксов, соответствующие трем варяжским предводителям в Сказании) Сказание ближе к версии предания о призвании саксов, зафиксированной в «Церковной истории народа англвов» Беда Достопочтенного: «Если говорить о влиянии, то летописец должен был быть знаком не только с текстом Видукинда (или преданием, стоящим за ним), но и с легендой, отразившейся в «Истории» Беда» [32, с.229].

теристики реальному климату и свойствам почв упоминаемой местности не имеет для гипотетической эпической традиции никакого значения. Так или иначе, если и предполагать возможность заимствования северогерманского сюжета на Руси, оно было возможно только в том случае, если матрица этого сюжета и ее семантика не были чуждыми и неизвестными. Вряд ли стоит, как это поспешно делает П.С.Стефанович, отбрасывать замечание Е.А.Рыдзевской, допуская, что сходные «политические условия» породили сходные литературные формы [35, с.166]. По мнению же В.Я.Петрухина, похожие сюжеты о призвании правителей происходят из «общего эпического фонда "переселенческих сказаний", который сформировался в эпоху Великого переселения народов» [28, с.104]. П.С.Стефанович отнесся к этому предположению с иронией, по-моему, неуместной: «Что это за "эпический фонд" и почему и как из него "выдергиваются" только определенные сюжеты и мотивы, автор никак не разъясняет» [38, с.566, прим.123].

Но является ли формульность Сказания и преданий о призвании правителей, сохраненных западноевропейскими хрониками, фольклорной по своему происхождению? Для характеристики своей земли бриттами в хронике Видукинда Д.С.Николаев недавно указал библейский источник: выражение «terra lata et spatiosa» встречается в Книге пророка Исаии (22: 18), откуда оно и могло быть заимствовано хронистом [25, 188–189]¹⁶. Парные выражения, в которых Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин усматривают след фольклорной скандинавской традиции, встречаются и в Священном Писании, и в византийских хрониках – текстах, на которые ориентировались древнерусские летописцы. Ср. в начале первой библейской книги – Книги Бытия: «Земля же бѣ невидима и неукрашена» (Быт. 1: 2)¹⁷. В компилятивной переводной хронике – Летописце Еллинском и Римском – с помощью серии парных эпитетов охарактеризован Магомет: «Сии убо омрачны и богостудныи, к сим всему благому и злomu Бога виновата суза чудотворил есть», «безумна и скотинообразнаго», «тверду вѣру и божествену», «омрачени и неразумнии», «богоподательных и спасеных словесь» [7, с.403]. Конечно, если учитывать сходство мотивов Сказания с фольклорными предания-

¹⁶ В славянской Библии – страна «велика и безъ мѣры» [42 с.1128]. Допустимо предположить, что формула в Сказании тоже может восходить к Ис. 22: 18. Впрочем, об обилии, богатстве земли в Книге Исаии в отличие от известий Сказания не сообщается.

¹⁷ Цитируется текст по Острожской Библии [42, с.25].

ми и вероятную связь сюжета с варяжской дружинной средой, сопоставление стилистических формул этого летописного текста с фольклорной эпической традицией представляется предпочтительным в сравнении с поиском книжного генезиса этих приемов, однако одного простого указания на похожесть формул (и тем более формального принципа парности!) с формулами и с принципом парных эпитетов в скандинавской и иных традициях все-таки недостаточно: необходим более детальный анализ. Любопытно было бы также задаться вопросом, почему парные определения встречаются лишь в нескольких сказаниях раннего русского летописания (так называемого Начального свода и ПВЛ), но их нет в целом ряде рассказов явно фольклорного происхождения, как, например, в повествованиях об осаде Вещим Олегом Царьграда, о смерти Вещего Олега, о мести княгини Ольги древлянам.

Слабое место концепции Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина заключается также в том, что положение о реальности призвания и «ряда» Рюрика не подтверждается свидетельствами о существовании таких договоров в раннесредневековой истории: таких свидетельств попросту нет. Е.А.Мельникова замечает, что и на западе, и на востоке Европы в раннесредневековый период «вставал вопрос о формах взаимодействия пришельцев с местным населением и их регламентации. Путь решения этого вопроса оказался общим для обоих регионов – это был путь установления договорных отношений между предводителями викингских отрядов и местными правителями» [12, с.40], ссылаясь на договоры с норманнами королей Уэссекса и Франкского государства [12, с.40–41; 11, с.22–23; 22, с.198–199]. Однако в этих случаях соглашения заключаются не между призывающими народами и иноземными властителями, а между местными властителями и вторгшимися на их земли агрессорами, причем речь идет о признании пришельцами вассалитета и о разграничении ими полномочий с местной властью. «В Европе норманны сталкивались с уже сложившимися государственными структурами. <...> На севере же Руси все было иначе» [32, с.232]. Так же спорны параллели между призванием Рюрика и договорами, заключавшимися в Скандинавии между правителями и народом в X – начале XI века¹⁸. Во-первых, в Скандинавии договоры заключались уже в условиях государственного строя; во-вторых – в моноэтнической среде.

---

¹⁸ См.: [19, с.252–256].

Гипотеза Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина об историческом ядре Сказания опирается на концепцию, согласно которой накануне призвания варягов в Приильмень, Приладожье и Поволховье сложилась так называемая северная конфедерация племен, или северный племенной союз¹⁹, возможно объединявший новгородских словен, кривичей, мерю, чудь и весь²⁰. Между тем возможность формирования такого устойчивого межплеменного союза в догосударственный период далеко не очевидна; отнюдь не бесспорно утверждение, что эти племена (точнее, их вожди или старейшины) могли выступать в роли субъекта права так же, как и франкский король, при заключении «ряда». Е.А.Мельникова развивает гипотезу В.Т.Пашуто и И.П.Шаскольского: «Согласно существующей историографической традиции, основанной по преимуществу на летописном описании ситуации в Северо-Западной Руси в середине – второй половине IX в. в так называемой легенде (а точнее – сказании) о призвании варягов, здесь в середине IX в. имеется межплеменное объединение, включающее словен, кривичей, чудь, мерю и, возможно, весь. Это объединение получило условное наименование "северной конфедерации племен" или "северного союза племен". В.Т.Пашуто и И.П.Шаскольский характеризовали его как территориально-политическое предгосударственное образование ("союз племен" или "союз племенных княжений"), возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен; оно возникло в борьбе с "северной опасностью" – набегам скандинавов, викингов» [13, с.26]²¹.

Однако в концепции В.Т.Пашуто политическое устройство Руси выглядит довольно фантастично: историк утверждает, что на Руси в раннеисторический период были уже политические, а не племенные образования, причем союз объединял все восточнославянские племена в «конфедерацию 14 княжений» [26, с.52–53]. При этом, однако, он опирается на летописные свидетельства о местных, племенных князьях, относящиеся к значительно более позднему времени: X (древлянский князь Мал) и даже XI векам (вятичский князь Ходота). К тому же это свидетельства о князьях, возглавлявших отдельные племенные союзы. Дан-

¹⁹ См., например: [16, с.101–102; 21, с.174; 23, с.283].

²⁰ В тексте Сказания по спискам НПЛ мл чудь отсутствует в начальном перечне, весь не упоминается, следы ее упоминания есть в тексте ПВЛ. Я не касаюсь вопроса о числе призываемых народов в исконной версии Сказания.

²¹ См.: [27; 39].

ных же о существовании некоей конфедерации нет никаких. Свидетельства арабских путешественников и географов, на которые ссылается Е.А.Мельникова, доказывая существование правовой традиции на Руси в середине IX века, содержат, как признает сама исследовательница, фантастичную информацию и носят вторичный характер. Археологические данные, на которые опираются она и В.Я.Петрухин, указывают на торговые связи между Скандинавией и Русью и разными регионами Руси, но не могут обосновывать гипотезу о северной конфедерации²². Наконец, сам перечень призвавших Рюрика народов, возможно, не более чем искусственная конструкция, измышленная летописцем, как полагал еще А.А.Шахматов.

Реконструкция Е.А.Мельниковой саги о Рюрике, которую якобы использовал древнерусский летописец при составлении Сказания, не подкрепляет, а скорее подрывает гипотезу о «ряде» Рюрика с призвавшими его народами. Как отмечает исследовательница, в сагах, подобных гипотетическому повествованию о Рюрике, описывалось не заключение договоров, а завоевание чужих земель. Она полагает, что об этом же сообщалось и в саге о Рюрике, и находит «отголосок рассказов о каких-то воинских деяниях Рюрика (о борьбе с другими отрядами викингов или местными племенами)» в летописном Сказании [17, с.230–231]. Однако из вывода: «Таким образом, представляется, что новгородское сказание о Рюрике, возникшее в конце IX – начале X в., в период его устного бытования в Новгороде на протяжении X в. было переосмыслено в сказание о призвании, и акцент был перенесен с деяний Рюрика на заключенный им ряд, который воспринимался как прецедент в политической системе Новгорода» [17, с.240] – можно сделать заключение, что эта новая версия устного сказания, повествовавшая о призвании и договоре с варягами, в отличие от исконной саги, уже не соответствовала реальным историческим фактам. Кроме того, напрашивается предположение, что весь сюжет призвания измышлен уже самим книжником и его историческая достоверность ничтожна. Таким образом, допустимо согласиться

---

²² В связи с этим любопытно мнение С.М.Михеева, считающего, что в первоначальной версии Сказания упоминались в качестве приглашающей стороны только новгородские словене [24, с.213–214]. Заключение «ряда» Рюрика с одними лишь словенами выглядит более реалистично, чем установление договорных отношений с конфедерацией народов. Впрочем, ученый, на мой взгляд, недостаточно обосновал свою текстологическую реконструкцию.

с мыслью В.О.Ключевского, высказанной в <«Набросках по варяжскому вопросу»>: летописец «скандал княжеской [под строкой: пиратской] узурпации покрыл политической проблемой народного договора с князем» [6, с.121]. Нельзя, впрочем, отрицать и возможности того, что сага о завоевании трансформировалась в предание о призвании еще на стадии бытования в устной форме, как склонна считать Е.А.Мельникова.

Наконец, серьезной критике гипотезу Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина подверг Д.С.Николаев²³, чья статья даже не упомянута А.С.Королевым. По мнению Д.С.Николаева, сомнительна в принципе сама идея о возможности отслоения в Сказании «исторического» пласта, содержащего припоминание о договоре Рюрика с призвавшими его народами, от пласта «мифологического», ибо сюжет Сказания представляет собой целостный нарратив, построенный по модели: нарушение запрета (изгнание правителей) → недостача (безвластие и хаос) → восполнение недостачи (призвание новых правителей). Разительную по своей схожести параллель он обнаруживает в ирландском раннесредневековом «Поучении Морана», считая, что совпадение всей структуры сюжетов не может быть случайным и должно объясняться воздействием, видимо опосредованным, ирландского предания на Сказание. Сходство ирландского и древнерусского повествований мне представляется далеко не столь глубоким: в «Поучении Морана» первые иноземные властители не изгоняются, как варяги-предшественники Рюрика, а истребляются; после периода безвластия и смуты на правление приглашаются не новые властители, как это происходит в случае с Рюриком, а уцелевшие представители прежнего рода. Кроме того, целостность сюжета Сказания признается не всеми учеными. Как полагает Н.В.Лопатин, Сказание формировалось в три этапа: «1) рассказ о варяжской дани; 2) включение в перечень данников чуди; 3) включение рассказа о призвании» [9, с.291]. Что касается исторических фактов, то они могут сохраняться и в сказаниях мифопоэтической природы, причем действительность порой сама словно подражает мифу: никто не отрицает, например, ни достоверности похода Олега на Царьград, ни реальности отмищения Ольги древлянам за убийство мужа, ни подлинности истории Владимира Святославича и его сводных братьев, хотя во всех этих случаях используются фольклорные матрицы, присущие эпическим сказаниям и волшебным сказкам. Тем не менее критика

---

²³ См.: [25].

Д.С.Николаева указала на слабо защищенные места в «договорной» концепции призвания варягов.

* * *

Таким образом, гипотезу Е.А.Мельниковой и В.Я.Петрухина, по моему мнению, можно признать заслуживающей самого пристального внимания, хотя и далеко не бесспорной. Полемика же с ними А.С.Королева носит поверхностный характер: серьезные аргументы против этой гипотезы были высказаны не им. Остается лишь признать, что обретение достоверного знания об исторических событиях, связанных с закреплением варягов на северо-западе Руси в середине IX столетия, едва ли возможно по причине практически полного отсутствия достоверной информации. Этот предмет порождает, порождает и будет порождать разнообразные предположения и гипотезы, различающиеся степенью интерпретационной убедительности, но неспособные превратиться в исторические истины. Необходимо, чтобы эти гипотезы соотносились друг с другом, а их авторы учитывали критику оппонентов, когда она отличается серьезностью и весомостью, и не занимались избирательной, субъективной подборкой исторических данных для аргументации собственной позиции.

Список сокращений

Мельникова. – Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под ред. Г.В.Глазыриной и Т.Н.Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского, 2011.

ПСРЛ. – Полное собрание русских летописей.

Библиографический список

1. Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Вступит. ст., пер. и коммент. Г.Э.Санчука, М.: Наука, 1975. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»). 272 с.
2. Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы... – 3. Ответ О.Б.Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи // *Paleoslavica*. 2009. Vol. XVII. No 2. С. 248–287.
3. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
4. Еремина В.И. Специфика структуры фольклорного текста (песня, сказка, былина) // Еремина В.И. Художественный мир народной поэзии. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С.185–279.

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ДОМЫСЛЫ

5. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы / Пер. с нем. Г.С.Лебедева; Общ. ред. Е.А.Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С.189–297.
6. Ключевский В.О. <Наброски по варяжскому вопросу> // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / Отв. ред. М.В. Нечкина; сост. А.А.Зимин, Р.А. Киреева. М.: Наука, 1983. С.113–123.
7. Летописец Еллинский и Римский. Т.1: Текст / Основ. список подг. О.В.Твороговым и С.А.Давыдовой; Вступ. ст., археографич. обзор и критич. аппарат изд. подг. О.В.Твороговым. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 530 с.
8. Лихачев Д.С. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература; Ленинград. отд., 1978. С.75–149.
9. Лопатин Н.В. К этногеографии Сказания о призвании варягов // Города и веси средневековой Руси: Археология. История. Культура: К 60-летию Николая Алексеевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С.286–292.
10. Мельникова Е.А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к Новой России: Юбилейный, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н.Щапову. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. С.95–108.
11. Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. №2 (32). С.12–26.
12. Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Мельникова. С.35–48.
13. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Мельникова. С.15–34.
14. Мельникова Е.А. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Мельникова. С.133–152.
15. Мельникова Е.А. Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // Мельникова. С.123–130.
16. Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // Мельникова, С.101–102.
17. Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Мельникова. С.217–240.
18. Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Мельникова. С.201–216.
19. Мельникова Е.А. Ряд в Сказании о призвании варягов и его европейские и скандинавские параллели // Мельникова. С.249–256.
21. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Мельникова. С.172–189.
22. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Мельникова. С.190–200.

23. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // Мельникова. С.279–298.
24. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. (Славяно-германские исследования. Т.6). 280 стр.
25. Николаев Д.С. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов: история языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б.Успенский. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. (Труды Центра славяно-германских исследований. [Вып.] 2). С.183–198.
26. Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Вып.15. Таллин: Ээсти Раамат, 1970. С.51–61.
27. Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М.: Наука, 1974. С.103–114.
28. Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б.Н.Флоря. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С.81–150.
29. ПСРЛ. Т.1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
30. ПСРЛ. Т.2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
31. ПСРЛ. Т.3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. V–XII, 729 с.
32. Пчелов Е. Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. (Серия «Жизнь замечательных людей»). Вып.1477 [1277]). 316 [4] с.
33. Пчелов Е.В. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: устная традиция или летописная конструкция? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011: Устная традиция в письменном тексте. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013, С.418–433.
34. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1993. 592 с.
35. Рыздзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1978. С.159–236.
36. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
37. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн.1: (тома 1–2) / Ред. Л.В.Черепнин. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 812 с.
38. Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis rutorum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С.513–582.
39. Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наукова думка, 1972. С.55–67.
40. Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.

«СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ». ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ДОМЫСЛЫ

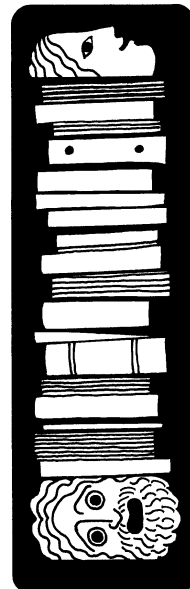
41. Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. 152 с.
42. Острозька Библия / Опрацював та приготував до друку ерм. архимандрит др. Рафаїл (Роман Туркопяк). Київ; Львів: Українське Біблійне товариство; Благодійний фонд «Книга», 2006. 1957 с.
43. Magistri Adami Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte. Dritte auf. / Hrsg. von B. Schmeidler. Hannoverae et Lipsae: Impensis bibliopolii Hanniani, 1917. (Scriptores rerum Hermanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi). LXVIII+354 p.
44. Likhachev D.S. The legend of the Calling-in the Varangians and Political Purposes in Russian Chronicle-writing from the Second half of the 11th to the beginning of the 12th Century // Scando-Slavica. Supplementum. Vol.1: Varangian Problems. P.170–185. Copenhagen: Munksgaard, 1970.
45. Melnikova E.A. The Death in the Horse's Skull: The integration of Old Russian and Old Norse Literary Tradition // Gudar på jorden. Festschrift till Lars Lönnroth / Red S. Hansson och M. Malm. Stockholm; Srehag: Symposium, 2000. S.152–189.
46. Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart; München; Regensburg: Franz Steiner Verlag, 1980. Bd.28. S.321–333.
47. Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København: Universitetsforlaget i Aarhus i Hovedkommission; C.A. Reitzels Forlag, Aarhus, 1934. (Acta Jutlandica. Aarskrift for Aarhus universitet. T.VI-I. [Humanistic serie, 16]). 256 s.
48. Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxoniarum libri tres / Die Sachengeschichte des Widukind von Korvei. Fünfte Auflage in Verbindung mit H.-E. Lohmann neu bearbeitet von Paul Hirsch. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hanniani, 1935. (Scriptores rerum Hermanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis. Separatim editi). LIII+195 p.

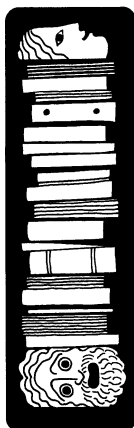
Общество деградирует, если не получает импульсов от отдельных личностей; личность деградирует, если не получает сочувствия от всего общества.

Уильям Джеймс

**Бессильный человек ничего
не может сказать о правде.
Правда приближается к человеку
в чувстве силы и является в момент
решения бороться: бороться
за правду, стоять за правду.**

М.М. Пришвин

Андрей Юрганов

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 94(47)

В первой профессиональной организации журналистов, созданной в 1918 г., сразу после революции, были многие, кто еще не успел разделить на непримиримые лагеря (процесс только-только начинался), это был Ноев ковчег советской культуры. В статье рассматриваются начавшиеся споры между разными представителями «советской культуры», эти споры обнажили невозможность единства, Союз советских журналистов был обречен, ибо общество в послереволюционном состоянии оказалось совершенно раздробленным. Ноев ковчег советской культуры в океане революции нашел себе «землю», где было решено остановиться, выйти и обрести почву под ногами: для пролетарских писателей и журналистов она стала пролеткультовской, для Есенина с товарищами – имажинистской, для представителей Левого фронта – лефовской, для тех, кто мыслит культуру отдельно от диктатуры пролетариата, – по-прежнему модернистской. Так постепенно создавались условия для жесточайшей конкуренции борющихся между собой направлений новой культуры, каждое из которых рассчитывало стать главным и единственным.

There were many people who had no time to determine their side (because the process of division had just begun) in the first professional organization of journalists that was created in 1918 immediately upon the revolution. The organization was the Noah's ark of the Soviet culture. The author considers the disputes that began among various representatives of the Soviet culture and revealed impossibility of their unity and solidarity. The Soviet journalists' Union was doomed because the society in its post-revolutionary condition turned out to be absolutely fragmented. The Noah's ark of the Soviet culture in the ocean of revolution found "the land" where it was decided to stop, to step out and gain the expanse under feet: for proletarian writers and journalists the expanse became the proletarian domain, for S. Yesenin and his comrades it turned out to be the imagistic land, for representatives of the Left front it became the Left front domain and for those who thought the culture as separated from the proletarian dictatorship still considered the culture as the modernist culture. So conditions for the harshest competition of new culture's directions fighting with each other were gradually created. Each of these directions held to become the principal, mainstream and the only direction in culture and society.

Ключевые слова: Союз советских журналистов; Пролеткульт; Сергей Есенин; модернизм; диктатура пролетариата.

Key words: The Soviet Journalists' Union; the Proletarian Culture; Sergei Yesenin; modernism; dictatorship of the proletariat.

E-mail: iurganov@yandex.ru

Октябрьский переворот создал условия для объединения всех, кто поддержал большевиков. Но одно дело быть революционной силой, противостоящей царизму или Временному правительству, и другое – осуществлять на практике создание нового общества. Каким оно будет? Каким оно должно быть? Неопределенность будущего, да еще в условиях «военного коммунизма», создавала большое напряжение среди тех, кто брался за это небывалое строительство.

Эсеры, поддержавшие большевиков, еще до октябрьского переворота, в «Скифском манифесте» (июнь 1917 г.), соединяли вокруг себя разнообразные культурные силы, ставя перед ними задачу радикального обновления общества. Они говорили о «духовном максимализме» и считали обязательным защиту личности от посягательств на ее права со стороны новой власти.

Многие модернисты, не примыкавшие до революции ни к какой партии, поддержав большевиков, желали видеть область культуры свободной от посягательств тех, кто начинал строить новое пролетарское государство. Они верили, что диктатура пролетариата – это «цивилизация», а «культура» – творчество национальное и потому бесклассовое.

Большевики не сомневались, что революция в России – это только начало мировой революции, и потому торопились создавать новое общество на новых началах, которые теперь выражали собой классовый интерес пролетариата. Выше всего они ставили задачи партии большевиков, пролетарского государства, а права личности их никогда не волновали.

При любом объединении политических и культурных сил, столь разных по своим устремлениям, размежевание было неизбежно.

В первых шагах советской журналистики мы видим этот процесс единения и размежевания как своеобразный диалектический процесс борьбы единства и борьбы противоположностей...

В начале 1918 г. в советской России выпускалось 884 газет, 753 журнала, общий тираж всех изданий переваливал за 2 миллиона. Всем этим процессом необходимо было руководить. Общественная организация работников средств массовой информации начала свою деятельность в октябре 1918 г., формальное утверждение ее состоялось на первом съезде советских журналистов 13 ноября 1918 г. Организатором и первым председателем Союза журналистов России стал писатель Михаил Андреевич Осоргин. В состав организации входили поэты Сергей Есенин, Владислав Ходасевич, литературовед Михаил Гершензон.

В этой первой профессиональной организации журналистов были многие, кто еще не успел разделиться на непримиримые лагеря (процесс только-только начинался), это был Ноев ковчег советской культуры.

В.И. Ленин вступил в Союз журналистов 22 октября 1918 г. В нем также числились видные деятели партии большевиков: А.В. Луначарский, М.И. Ульянова, А.М. Коллонтай, Емельян Ярославский, В.Д. Бонч-Бруевич, М.С. Ольминский, Н.В. Крыленко, М.Н. Покровский. Состояли в нем и ученые: В.М. Фриче, профессор Московского университета, нарком здравоохранения Н.А. Семашко. Естественно, были и профессиональные журналисты: Ю.М. Стеклов, Л.С. Сосновский, руководители культурных учреждений, органов печати: П.М. Керженцев, Л.Н. Старк, И.И. Скворцов-Степанов, К.С. Еремеев, Н.Л. Мещеряков, В.Л. Карпинский, А.А. Дивильковский, О.С. Литовский, Б.М. Малкин, В.В. Осинковский, К.П. Злинченко-Работников, Н.К. Вержбицкий, Н.С. Ангарский. Пролетарские поэты и писатели: Демьян Бедный, В.Д. Александровский, В.В. Казин, С.М. Родов, М.И. Волков, Н.С. Афрамеев, А.И. Безыменский. Из «старых» мастеров, помимо Марка Криницкого, были: С.М. Гарин, И.М. Касаткин, М.Г. Сивачев, М.В. Ямщикова (Ал. Алтаев) [2, с. 149–158].

На первом собрании московского союза советских журналистов 20 ноября 1918 г. речь шла об организации литературно-художественной секции Союза журналистов. В протоколе обсуждения говорилось, что «лица, не состоящие в Союзе Сов[етских] Ж[урналистов], считаются кандидатами при выполнении всех требований Устава о вступлении в члены Союза. Все нечлены объявлены кандидатами под ответственностью присутствующих на собрании членов Союза»¹.

Писатель Марк Криницкий спрашивал коллег, «могут ли популяризаторы худ[ожественных] произведений входить в секцию как правомочные члены. Большинство голосов было утверждено правило, что в секцию могут входить 1) поэты 2) беллетристы 3) переводчики худ[ожественных] произведений и поэзии и 4) худ[ожественные] критики» [1, с. 226; 4, л. 1].

После обсуждения организационных вопросов «принято предложение инициативной группы – избрать Комитет секции в составе 5-ти лиц: председателя, секретаря и казначея и 2-х членов, а также предложение избрать двух делегатов для представительства в Комитете

---

¹ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами. Стилистика документа сохраняется.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Мос[ковского] Союза Сов[етских] Ж[урналистов] с правом решающего голоса в комитете». Были объявлены выборы. Они дали такие результаты:

За т. Есенина 15 чел.
За т. Александровского 13
За т. Злинченко 12
За т. Тимофеева 12
За т. Орешина 12
За т. Устинова 10
За т. Федорова 10
За т. Бар 9
За т. Криницкого 8
За т. Михайлову-Штерн 7
За т. Каменского 6 [1, с.226].

В Комитет были избраны таким образом: 1) Есенин; 2) Александровский; 3) Злинченко; 4) Тимофеев; 5) Орешин.

На этом же заседании были заслушаны доклады Устинова (о тарифных ставках) и Криницкого, который говорил об авторском праве. Он, впрочем, признался, что «авторское право очень важный вопрос», но он еще «не успел разработать... его подробно к настоящему собранию». Была организована комиссия по авторскому праву в составе Есенина, Орешина и Клычкова для того, чтобы в следующий раз доложить на секции о проделанной работе.

На следующем заседании московской секции журналистов, 19 декабря 1918 г., была объявлена повестка дня, первым пунктом которой решили объявить «дело» крестьянского поэта, Петра Васильевича Орешина, друга Сергея Есенина. Они познакомились осенью 1917 г. Оба выступали со своими стихами на литературных вечерах и концертах-митингах в Петрограде [3, с.139, 140, 149, 172, 178].

18 декабря 1918 г. в газете «Правда» была опубликована заметка А.Дубровского о книге П.Орешина «Красная Русь». В ней автор был представлен как пессимист-интеллигент со своим интеллигентским мировоззрением, идущим вразрез с надеждами и чаяниями народных масс [1, с.228–229]. Но лишь одна фраза из этой заметки стала поводом для разбирательства: Дубровский назвал произведение Орешина «белогвардейской книжонкой».

Из протокола заседания:

Заседание секции открывается под председательством т. Злинченко, который заявляет, что в повестку дня предложено внести пункт, касающийся дела тов. Орешина в связи с появившейся в «Правде» заметкой, в которой книга П.Орешина «Красная Русь» названа белогвардейской. По поводу включения этого пункта в повестку дня возникают прения, в результате которых постановлено неотложно внести в порядок занятий сегодняшнего дня обсуждение дела т. П.Орешина. <...> В первую очередь собрание приступает к совещанию по поводу дела тов. Орешина. После продолжительных прений решено избрать особую комиссию, состоящую исключительно из коммунистов, которая должна обследовать затронутый первым пунктом повестки вопрос и представить результаты этого обследования в форме доклада на одном из заседаний литературно-художественной секции Союза. В состав комиссии, которой поручено рассмотрение дела тов. П.Орешина вошли следующие товарищи-коммунисты: Бар, Зорев, Заревой [4, л.12].

Протокол не содержит в себе тех эмоций, которые выплеснулись наружу при обсуждении дела Орешина. Но ясно, что они были, и свидетельством яростных споров стало заявление Есенина об уходе из Союза советских журналистов: «После окончания обсуждения первого пункта повестки тов. Заревой заявляет, что тов. С.Есенин ему сообщил о своем нежелании состоять членом Союза советских журналистов, в частности членом президиума литературно-художественной секции» [4, л.12]. Тут же были назначены перевыборы в президиум. Однако Есенин оставался в секции вплоть до ее закрытия в мае 1919 года.

25 декабря 1918 г. состоялось экстренное общее собрание литературной секции Московского союза советских журналистов. Первый пункт обсуждения, как и ожидалось, – о сборнике стихов П.Орешина.

После докладов двух членов комиссии по вопросу о товарище Орешине, решено обсуждение этого вопроса перенести на следующее собрание, потому что отсутствует третий член комиссии т. Бар, у которого хранятся материалы по этому вопросу, и потому что данное собрание признано для решения этого вопроса малочисленным [4, л.15].

10 января 1919 г. продолжилось обсуждение книги П.Орешина «Красная Русь».

После доклада комиссии по делу т. Орешина были открыты прения по этому вопросу! Из объяснения самого т. Орешина выяснилось, что то стихотворение, за которое автор статьи в газете «Правда» назвал т. Орешина одиноким, оторванным от народа пессимистом-интеллигентом, своим мрачным мировоззрением, идущим вразрез надеждам и чаяниям² народных масс, писано во время царившей над Россией жестокой реакции, а именно еще в 1914 году. Кроме того, тов. Орешин указал на неправильное понимание автором статьи его образа «красный пояс» в стихотворении «Война-смертонос». Принявши во внимание объяснения т. Орешина, общее собрание долго еще обсуждало этот вопрос. Были внесены две резолюции по делу т. Орешина: одна резолюция комиссии, другая – т. Родова. По вопросу, какую резолюцию принять за основу, было произведено голосование, давшее следующие результаты:

За резолюцию комиссии – 4 ч., против 6 ч.

За резолюцию Родова – 8 ч.

После этого был объявлен перерыв на 10 мин. для совещания фракции коммунистов. После перерыва фракция коммунистов внесла предложение отложить вопрос о принятии резолюции по делу о т. Орешине, по той причине, что не все члены секции знакомы со сборником, на следующее собрание, к которому все члены секции ознакомятся со сборником Орешина. Это предложение принимается большинством голосов.

15 января 1919 г. обсуждение сборника стихов Орешина вновь продолжилось.

С.Заревой представил доклад под названием «Белогвардейская поэзия». Он говорил:

Взглянув поверхностно на обложку и стихи Петра Орешина, можно с первого раза ошибочно подумать, что «Красная Русь» должна пониматься как революционная Русь, строящая царство коммуны, утвердившая власть пролетариата... Но на самом деле автор книги понимает красную Русь как красивую Русь, причем красивой она стала сразу после того, как свергнули Николая Романова... Со свержением царя была добыта воля и другой никакой воли и искать не следовало народу, но злые люди отняли эту волю, они обманули русский народ и загубили красивую «Красную Русь» [7, л.1].

---

² Так в документе.

Возмутил докладчика рисунок «ядовитого характера» на обложке книги: «по залитой кровью земле, где крестьянские избы полуразрушены, идет седой, сгорбленный дед и плачет горько о загубленной "Красной Руси"» [7, л.2].

Без царя, Русь православная, с Христом и с Богородицей, со всеми угодниками, возмущался Заревой, – вот такая «красная» для Орешина Русь: «...попы исполняют свое дело для народа... Все в ней – братья, всё в ней благополучно... У Орешина на первом плане – Бог. Ему слава, а не пролетариату, все вершится по воле Божией» [7, л.2–3].

Приверженность Февральской революции – уже обвинение: «Октябрьское восстание, свергнувшее керенщину, застало Орешина врасплох, его мирозерцание не коммунистическое... Он растерялся и написал хотя и красивое стихотворение "Я, Господи", но не разобрался в смысле и целях Октябрьской революции» [7, л.4].

Однако Орешин поверил ей и воспел радость ее, торжествуя победою... Но это был только порыв – дальше в книге он говорит, что народ в октябрьскую революцию как бы обманули... И он воспевает февральскую революцию: утверждает, что с того времени, как не стало на троне Николая Романова и не стало Распутина и Сухомлинова, никаких врагов у пролетариата не стало, а кто думает иначе – это злые грачи (большевики?) [7, л.4].

Заревой согласился с мнением Дубровского о книжке Орешина: «Орешин – не большевик. У него не выработано мирозерцание для строительства новой жизни, его душа мертва. Он скорбит, как белогвардеец о красочной Руси, он плачет и тоскует об ней» [7, л.6; 1, с.229].

Поэт И.Рукавишников возражал: «По духу своему, по сущности и импульсам это революционная книга» [1, с.229]. По его словам, Орешин мыслит религиозно, но «можно быть религиозно мыслящим революционером и атеистом контрреволюционером». Рукавишников поддержал Семен Родов.

Мнение С.Заревого было отвергнуто секцией [4, л.26]. В резолюции говорилось, что «к тов. Орешину, поэту, не победившему хаоса, царящего в его душе, политически еще не сформировавшемуся, нельзя относиться так строго и безапелляционно».

Заслушав доклад комиссии о характере книги П.Орешина в связи с появившейся о ней рецензии в газете «Правда» от 18 декабря 1918 года, лит.-худ. секция считает, что вышеуказанная рецензия является совершенно необоснованной и не вытекающей из содержания книги, ни в коем

(случае. – *А.Ю.*) не заслуживающей названия «белогвардейской книжонки», а, наоборот, в известной части является ярко революционной [4, л.22].

Выражалась уверенность, что Орешин «по мере усвоения им взглядов в духе революционного марксизма и той классовой борьбы, которая проходит перед его глазами, изменит и свои мотивы, что видно из последних стихов, уже совпадающих с интересами и чаяниями рабочего класса».

27 января 1919 г. общее собрание литературно-художественной секции приняло постановление о реорганизации Московского союза советских журналистов в Советский союз работников науки, искусства и литературы с разделением на пять автономных секций: 1) ученых и философов, 2) журналистов, публицистов и критиков, 3) писателей-художников и поэтов, 4) живописцев и ваятелей, 5) актеров, певцов и музыкантов. Литературно-художественная секция была переименована в секцию писателей-художников и поэтов.

На секции обсуждался вопрос, который поднимался еще в конце 1918 года, об устройении «первого концерта-митинга». Из доклада тов. Зорева выяснилось, что концерт-митинг может быть устроен в «ближайшее воскресенье» в клубе печатников им. Карла Либкнехта. В протоколе перечислялись те товарищи, кто мог быть привлечен к участию в митинге: Коллонтай, Работников, Криницкий, Заревой, Алтаев, Зорев, Гуцевич.

3 февраля 1919 г. вновь обсуждался вопрос о реорганизации. Веление времени – быть в гуще событий, выступать перед рабочими в клубах, но сил явно не хватало.

Ввиду того, что лит.-худ. секция устраивает ряд митингов-конcertов по рабочим клубам, то для этих вечеров ей необходимы музыкальные силы и певцы. Лит.-худ. секция уже вошла в контакт с некоторыми музыкантами и певцами. Но так как приглашать певцов для каждого вечера отдельно трудно, то секция для того, чтобы всегда иметь в своем распоряжении достаточный контингент музыкантов для своих концертов-митингов, решила при секции образовать клуб сотрудников из певцов и музыкантов (подчеркнуто в тексте. – *А.Ю.*), намечая в будущем создать из этого отдельную секцию Союза [4, л.36].

12 февраля 1919 г. вновь обсуждался уже поднимавшийся вопрос об издании своего журнала.

18 февраля 1919 г. это обсуждение продолжилось. Тов. Злинченко говорил о том, что новый журнал «должен заниматься не только вопросами нового творчества, но и выяснением истинной сущности коммунизма». Однако главная идея, зреющая в недрах Секции, заключалась в том, чтобы сделать журнал центром *для всех* направлений в литературе, «по-скольку они искания» [4, л.43].

Было предложено «не сужать целей журнала, пока нет еще определенной школы у сотрудников; начать же дело с организации клуба, где может выясниться литературное направление основного ядра» [4, л.43]. Затем выступил т. Фриче, обративший внимание на «материальную сторону дела» [4, л.43]. Он так и сказал: «Беллетристика в журнале должна будет привлечь читателя и покупателя скорее, чем самая идеология, поэтому надо привлечь побольше беллетристов» [4, л.43]. Вновь выступил Криницкий, уже с полемикой, что надо «начать с клуба, выявить направление и не совмещать с тем материальную сторону дела». Злинченко предложил «заняться клубом и журналом параллельно» [4, л.43].

Обсуждение продолжилось:

Тов. Дивильковский ради определенности предлагает назвать журнал представителем коммунист[ического] творчества.

Т. Злинченко предлагает выделить при клубе ячейку коммунистов и принимать новых членов с утверждения ячейки. Это не даст клубу возможности разбавиться некоммунистами и сохранит чистоту идеи коммунизма.

Т. Криницкий указывает, что т.наз. «сочувствующие» одинаково ответственны за свою работу, как и коммунисты, поэтому не следует бояться разбавления. Идея обеспечит подбор членов клуба.

Т. Зорев вносит конкретное предложение: «Образовать клуб писателей-коммунистов, куда не входят, естественно, писатели-некоммунисты».

Т. Дивильковский вносит конкретное предложение: «Секция литераторов, художников, поэтов и литературных критиков постановляет образовать клуб писателей-коммунистов и при нем литературно-критический журнал коммунистического направления. За резолюцию Зорева – 4 голоса; за резолюцию т. Дивильковского – 7. Принимается предложение

т. Дивильковского с поправками: 1) что «вступать в клуб могут не только парт. коммунисты, но и идейные коммунисты и 2) что те и другие принимаются в клуб по голосованию членов клуба [4, л.43 об.].

Как видно из протокола, учитывать мнение «идейных коммунистов» (не партийцев!) предлагал только Криницкий. Именно его поправка к резолюции и была принята.

Членам Секции было предложено подать заявления на участие в деятельности Клуба с указанием своей партийности (вариант «а») или идейного сочувствия («по убеждению»: вариант «б»).

Интересно, что к деятельности литературной секции было приковано внимание высших руководителей страны. В конце протокола следовала такая запись: «Принимаются в число членов Секции: Толчинский, Лебедев, Ленин, Гликман, Кулешов, Луначарский, Балабанов и Семашко» [4, л.43 об.].

23 февраля 1919 г. на общем собрании Секции был принят «Устав литературно-художественного коммунистического клуба советской секции писателей-художников и поэтов». Устав этого Клуба, открывшегося 2 марта 1919 г., так определял свои цели и задачи:

1. Советская секция писателей-художников и поэтов организует литературно-художественный Клуб на следующих основаниях:

а) Инициативная группа из избранных общим собранием товарищей: коммунистов Работникова, Заревого и Зорева – приглашает в члены Клуба партийных и идейных коммунистов писателей-художников и поэтов из числа членов секции.

б) Как партийные, так и идейные коммунисты представляют заявление о желании вступить в члены Клуба. Они избираются большинством голосов инициативной группы.

в) Форма заявления «а» – для членов партии РКП (б) и «б» – для идейных коммунистов (прилагаются).

г) Инициативная группа по принятии нескольких членов в Клуб превращается в Бюро Клуба.

д) Бюро Клуба переизбирается каждые три месяца простым большинством голосов действительных членов Клуба.

2. Цели Клуба:

а) Обсуждение и изучение сверх существующих в русской и иностранной литературе школ и направлений в области художественного и

поэтического творчества как со стороны формы, так и со стороны содержания.

б) Оценка произведений с точки зрения коммунистической идеологии, в соответствии с духовными требованиями выступившего на арену рабочего класса, как хозяина жизни, проводящего строительство ее на коммунистических началах.

в) Выявление в совершающемся революционно-коммунистическом движении и новом³, формирующемся в коммунистическом обществе, – принципов и форм⁴ – прекрасного как в художественном изображении жизни вообще, так и в индивидуальном и коллективном творчестве, диалектически превращающем⁵ первое во второе в соответствии с процессом изменения форм производства.

3. Выснесение принципов и художественных форм искусства будущего в связи с определением духовной и исторической преемственности между искусством настоящего момента и искусством прошлого, отжившего.

4. Секция издает литературно-художественный журнал коммунистического направления, а также другие издания [1, с.230–232].

В члены Клуба вступил Сергей Есенин, «по убеждению» идейного коммуниста.

В этих первых документах, касающихся развития советской литературы, искусства, поэзии, уже видны развилки дорог. Это отношение к идее преемственности культур, к дореволюционной литературе, искусству, поэзии (их называют в Уставе «отжившими», но не враждебными); отношение к «прекрасному» – эстетической категории, которая не отмечается сходу; отношение к «форме» и «содержанию» новых литературных произведений, ибо не отвергается индивидуальное творчество; наконец, взаимоотношения партийной идеологии и художественной литературы, писателей-коммунистов и писателей-«попутчиков»...

9 апреля 1919 г. в «Правде» была опубликована резолюция собрания секции литераторов, в которой Наркомпрос был обвинен в поддержке левых течений: футуризма, кубизма, имажинизма. В ответ на резолюцию секции литераторов А.В.Луначарский ответил письмом, опубликованным в «Известиях» 13 апреля 1919 г., в котором он заявил, что выходит из секции Союза работников науки, искусства и литературы.

---

³ В документе – «новым».

⁴ В документе – «формах».

⁵ В документе – «превращающемся».

Он писал: «Есть люди, которые полагают, что всякое распространение "старой" науки и "старого" искусства есть потворство буржуазным вкусам, проклятое культуртрегерство, заражение молодого социалистического организма кровью развалившегося старья... Некоторые не по разуму усердные сторонники пролетарской культуры поют здесь в унисон с футуристами, которые тоже время от времени признаются в желательности *чуть не физического истребления всей старой культуры* (курсив мой. – А.Ю) и самоограничения пролетариата теми, пока еще совсем неубедительными опытами, к которым сводится искусство для них самих».

По мнению Луначарского, пролетариат «должен быть во всеоружии всечеловеческой образованности». Отбросить «науки и искусство прошлого под предлогом их буржуазности так же нелепо, как и отбросить под тем же предлогом машины на заводах или железные дороги». Однако признание культа образования не исключало всемерной поддержки «чисто пролетарских идей», новых форм пролетарского самовыражения в искусстве.

Луначарский подал заявление о выходе из организации, потому что ранее уже объяснял свою позицию. 2 февраля 1919 г. в «Известиях» была опубликована статья Г.Устинова «Против течения. Духа не угашайте!», в которой автор упрекал Наркомпрос в том, что он не оказывает внимания пролетарским писателям, но бодро идет навстречу «испытанным гасителям пролетарского духа».

...из Комиссариата Народного Просвещения доходят глухие слухи о том, что там собираются какие-то писатели и поэты, что выбрано какое-то литературно-художественное бюро, что во главе новой революционной литературной школы кем-то опять-таки поставлен или имеет быть поставлен М.Горький. Заместителем его называют А.Белого. Те же слухи передают, что ближайшее участие в организации, имеющей появиться в свет пролетарской литературы, принимает Георгий Чулков. По крайней мере, в настоящее время он совместно с Балтрушайтисом и Ив.Новиковым представляют редакционную коллегию при театральном Отделе Комиссариата Нар. Просвещения. Эта коллегия одобряет и принимает к постановке и изданию драматические произведения для Народного театра. Мистицизм Г.Чулкова и его полная отчужденность от пролетариата, а может быть, и жизни вообще, всем известны⁶. Извест-

---

⁶ В документе – известна.

но, вероятно, только то, что Г.Чулков является членом и, говорят, даже представителем литературного общества, организованного Борисом Зайцевым, который в свое время в открытом письме А.В.Луначарскому заявил, что он, Борис Зайцев, никогда не подаст т. Луначарскому руки, потому что т. Луначарский будто бы "разрушал Кремль". При том же Комиссариате решено осуществить мысль об организации Дворца Искусства, и это большое, важное и ответственное дело поручено таким пролетарским писателям и революционерам, как известный декадент Иван Рукавишников, произведения которого не понимает не только простой народ, но даже и все критики, какие имелись во время недавно скончавшегося периода самоплеванско-народнической литературы... Что же случилось, что пролетариат вдруг стащил с своей головы шапку и низко поклонился своим вчерашним врагам? Что же случилось, что к духовному руководству пролетарской интеллигенции оказались призванными мистики и декаденты? Что же случилось, что Комиссариат Просвещения пошел – сознательно или бессознательно – навстречу испытанным гасителям пролетарского духа?!..

6 февраля 1919 г. в той же газете Луначарский опубликовал ответ, где писал о построении новой культуры, которую без привлечения старой интеллигенции не создать! Этой интеллигенции надо оказывать всемерную поддержку, что не отменяет руководство литературным процессом со стороны партии.

18 апреля 1919 г. в «Известиях ВЦИК» появилась статья Георгия Устинова «Коммунизм и искусство», где вновь звучало обвинение Наркомпроса в легкомысленном отношении к новому искусству, в «поощрении буржуазно-опиумической литературы».

23 апреля 1919 г. литературно-художественная секция утвердила еще одну резолюцию: «Считая, что политика Наркомпроса в деле искусства не соответствует потребностям пролетариата и вообще широких трудящихся масс, секция находит необходимым всестороннее обсуждение этого вопроса на Всероссийском съезде советских журналистов» [6, л.1; 4, л.58–58 об.]. Эта резолюция была принята единогласно, при одном воздержавшемся – Сергее Есенине. Он был сильно обязан поддержке, которую имажинистам оказывал нарком Луначарский.

5–9 мая 1919 г. собрался II Всероссийский съезд журналистов, поддержавший главу Наркомпроса. Все прежние союзы журналистов, в центре и на местах, были распущены.

Сохранилась записка неустановленного автора под названием «О семи смертных грехах», относящаяся к весне 1919 г. В ней подробно рассматривается деятельность всей журналистской организации за время своего недолгого существования.

Главный ее грех – бюрократический, руководители Московского Союза и Исполкома Всероссийского союза представлены теми же лицами, которые руководят Российским Телеграфным агентством (РОСТА): «Во главу М[осковского] С[оюза] избирается т. Старк – комиссар РОСТА; во главу Всероссийского – т. Сосновский, его ответственный руководитель» .

Оба союза, Московский и Всероссийский, по мнению автора записки, состояли «почти из одних и тех же лиц в постоянном фальсифицированном большинстве из "ростовцев", а именно: Антонова, Бахметьева, Горелина, Грачева, Старка, Ерофеева, Злинченко, Сосновского-Минченко (Девять членов). Керженцев, Эрдэ, Ашмарин (Изв. ВЦИК). Закс, Оборин и Стефановский (б. "Знамя Труд. Коммуны"). Занятов ("Беднота")» [5, л.1].

Московский комитет «систематически выдвигает САМ СЕБЯ в кандидаты обоих Комитетов, "избираясь" так. обр. каждый раз с помощью "большинства" все тех же сторонников РОСТА, хотя в коммунистической фракции Союза на последнем собрании раздавались наконец протесты и были проведены уже не из РОСТА тт. Оборин и Закс» [5, л.1].

Бюрократические игры заключались в следующем: «подобренные так. обр. комитеты руководствуются пристрастиями и всякого рода вождениями, вплоть до предложения основать во что бы то ни стало еще один, совершенно излишний, Народный Комиссариат печати, кандидатами в который являются, конечно, представители Исполкомжура – Московского Комитета».

...вся деятельность этого М. К-та свелась, дойдя в своей чрезмерной активности до геркулесовых столбов, а) к «защите» своих профессио-

---

⁷ Л.Н.Старк (1889–1937), революционер, военный, дипломат, литератор (псевдонимы: Афгани, Л.Манучаров, П.Рябовский), полномочный представитель СССР в Афганистане (1924–1936), после большевистского переворота стал комиссаром РОСТА, членом редколлегии Издательства ВЦИК. Он же был редактором газеты «Советская страна» (1919 г.). Л.С.Сосновский (1886–1937) политический деятель, журналист, публицист, член Президиума ВЦИК (1919–1920), был исключен из партии (1927) за участие в троцкистской оппозиции, с 1934 г. член редколлегии газеты «Социалистическое земледелие».

нальных интересов вздуванием тарифных ставок, что обратило внимание Всерос. Совета Проф. Союзов⁸ и даже Ленина, с которым бороться уже трудновато, б) к проектам назначить членам комитета и его президиуму такие «жалования», которые являлись бы не только нарушением декретов Советской власти, но превосходили бы все ресурсы Союза; в) фактическим назначением жалования секретарю и другим должностным лицам в суммах, нарушающих эти декреты при наличии совместительского служения в РОСТА и др. учреждениях; г) в хаотической работе этих лиц и даже в отсутствии и этой «работы».

Сатирически была изображена деятельность «главной комиссии» – культурно-просветительской:

...избранная три месяца, не имела времени собраться и не собралась поныне, тогда как сотрудники РОСТА (они же члены Союза и этой культ.-просв. комиссии) успели устроить три вечеринки, из кот. одна оказалась в такой степени "пьяной", что даже на 3-й день невозможно было работать в помещении Союза от винных испарений и "блевотины", вблизи целой батареи винных бутылок. Ни от кого уже не секрет, что т. Ялгубцев, прибывший из командировки за ненормированными продуктами, умер не от воспаления легких, а от "выпивки", а т. Бахметьев (секретарь Исполкома) так налимонился, что вывалил тело мертвого из гроба в присутствии "благочестивых монахинь" и стал лобызать его, приговаривая: "с кем мы теперь кутить будем". Вот оно настоящее просвещение! [5, л.2–3].

Неизвестный автор, ориентированный на пролеткультовскую перспективу развития, так отозвался о деятельности Секции художников-писателей. «Грех» управленческой верхушки Союза журналистов – в «неправильном отношении к образовавшейся Секции Художников-писателей и поэтов, преследующей чисто пролетарские, коммунистические цели, в которой состоят и работают видные члены РКП – ее вожди; секции, стремящейся реорганизовать и Союз в соответствии как с этими целями, так и с целями наладить практическую работу в массах в городе и деревне, культурно-просвет. и идейно-организационную. Результатом этого неприличия был, между прочим, выход из Союза нескольких его членов, беллетристов и поэтов, имевший, правда, в своей основе и борьбу некоторых членов Издательской коллегии ВЦИК против Цен-

---

⁸ В документе – «Союзом».

трального органа РКП "Правды", справедливо, хотя и несколько сурово отнесшейся к книжке Орешина, наименовав ее "белогвардейской книжонкой". Кстати сказать, председатель М.К.-та и член Исполкомжура т. Старк, обозвав в собрании К-та вышедших раскольников идиотами, на третий же день поместил свое имя в числе списка этих «идиотов», выпускающих вместе с ним "Советскую страну", как пишут тоже "роставскую газету" [5, л.3].

Имелись в виду события, связанные с уходом членов секции, который обсуждался 27 января 1919 г. на Секции.

Из протокола «чрезвычайного общего собрания»:

Переходя к заявлению, поданному в Союз некоторыми членами литхуд. секции, путем оглашения копии из заявления о выходе их из Союза Сов[етских] Жур[налистов], докладчик оглашает, между прочим, появившееся в новой газете "Советская страна" (выходит по понедельникам) №1 предложение выписаться из Союза <членов>⁹ группы об организации нового «союза поэтов и художников». В числе группы упоминается имя тов. Старка, хотя официально не заявившего о своем выходе из Союза [4, л.28–29 об.].

В газете «Советская страна» (1919. №1) было опубликовано:

Ко всем писателям-художникам.

Мы, нижеподписавшиеся, предлагаем всем писателям-художникам, стоящим на платформе активной поддержки Советской власти, вступить в организованный нами Всероссийский профессиональный союз писателей-художников, работающих в Советской прессе. Заявления принимаются Б.Тимофеевым (Москва, Тверская, 11, Издательство Всер. Ц.И.К.).

Демьян Бедный, С.Гусев-Оренбургский, Г.Еремеев, А.Серафимович, Л.Старк, Ян Страуян, Б.Тимофеев, Г.Устинов.

И тут же – стихи Демьяна Бедного, призывающие уйти из умирающего «союза журналистов».

Ноев ковчег советской культуры в океане революции нашел себе «землю», где было решено остановиться, выйти и обрести почву под ногами: для пролетарских писателей и журналистов она стала пролеткультурной, для Есенина с товарищами – имажинистской, для представителей Левого фронта – лефовской, для тех, кто мыслил культуру отдельно от диктатуры пролетариата, – по-прежнему модернистской...

---

⁹ В документе слово «членов» зачеркнуто.

Так постепенно создавались условия для жесточайшей конкуренции борющихся между собой направлений новой культуры, каждое из которых рассчитывало стать главным и единственным. Распад Союза журналистов стал закономерным явлением становления нового общества, в котором никто не стремился договариваться между собой и находить общую платформу, – борьба до полной победы самого сильного и могущественного представителя этого общества превращалась в цель существования.

Распад Союза советских журналистов – важнейший симптом незрелости гражданского общества в условиях совершившегося Октябрьского переворота. Это показывает, что платформа большевиков была не объединяющей и компромиссной, а ограниченной в политическом плане и неспособной предложить идею гражданского мира. Эти первые шаги советской журналистики продемонстрировали, что классовая узость в построении нового общества ведет не к умиротворению социальных отношений, а к новым потрясениям, о которых, впрочем, еще никто даже не догадывался.

Список сокращений

РГАЛИ. – Российский государственный архив литературы и искусства

Библиографический список

1. Вдовин В. Материалы к творческой биографии С. Есенина // Вопросы литературы. 1975. №10. С.213–243.
2. Евстигнеева А.Л. «Стоя по моим убеждениям на платформе Советской власти...» // Встречи с прошлым. 1978. Вып.3. С.149–158.
3. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин. Биография. М.: Corpus, 2011. 607 с.
4. РГАЛИ. Ф.1600. Оп.1. Д.2.
5. РГАЛИ. Ф.1600. Оп.1. Д.9.
6. РГАЛИ. Ф.217. Оп.1. Д.192.
7. РГАЛИ. Ф.217. Оп.1. Д.219.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская , д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

Отчет об использовании имущества Фонда за 2017 год

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 6578 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 6684 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 4762 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 348 тыс. рублей. Чистая прибыль составила 1392 тыс. руб. В 2017 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Солдатенко Валерий Федорович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института политических
и этнонациональных исследований им. И.Ф.Кураса
Национальной Академии Наук Украины (НАНУ),
член-корреспондент НАН Украины

Кириллова Елена Анатольевна

кандидат исторических наук,
независимый исследователь, писатель

Пивоваров Никита Юрьевич

кандидат исторических наук,
главный специалист Российского государственного архива
новейшей истории

Сушков Андрей Валерьевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории
Института истории и археологии УрО РАН

Королев Александр Сергеевич

кандидат исторических наук,
доцент,
независимый исследователь

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
Средневековья и Нового времени РГГУ

Our authors

Soldatenko Valeriy Fedorovich

D.Sci., historian, Professor,
Chief Scholar of the I.F.Kuras Institute
of Political and Ethnonational Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine,
corresponding member of NAS of Ukraine

Kirillova Elena Anatol'evna

Ph.D. in history,
independent researcher, writer

Pivovarov Nikita Yurievich

Ph.D. in history
chief researcher of the Russian State Archive
of Contemporary History

Sushkov Andrey Valer'evich

Ph.D. in history,
Senior Researcher of the History Department,
Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS

Korolev Alexander Sergeevich

Ph.D. in history,
Associate Professor, independent researcher

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci.,
philologist, Professor,
Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty of Moscow State University

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci.,
historian, Professor,
Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс 39363 – по объединенному каталогу «Пресса России» (подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12 e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала оформляется через Научную электронную библиотеку: www.eibrary.ru

УДОБНЕЙ ВСЕГО ЖУРНАЛ КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ

Кроме того журнал «Россия XXI» можно заказать с доставкой по всей России или купить в книжном интернет-магазине «Русская деревня». тел. 8-495-922-60-36 сайт www.hamlet.ru

Журнал появился в киосках РОССПЭНа по 3 адресам:

- 3-й проезд Марьиной Рощи, д.40, стр.1.
тел.8-499-685-15-75;
- ул. Б. Дмитровка, д.15 тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19 тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2018.
Цена свободная.**

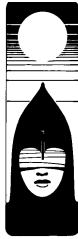
**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.02.2018. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11, 5 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

1.2018 january-february

National Doctrine

Valeriy Soldatenko

“To Constitute the Autonomous Crimean Socialist Republic as a Part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic”. J.V.Stalin and Creation of the Crimean Autonomy (1921) _____ **6**

Pages of History

Elena Kirillova

Political Sentiments in the Russian Society in the Early 20th Century (According to Letters Addressed to John of Kronshtadt) _____ **38**

Nikita Pivovarov

"Example Taken from the “Old Guard’s” Life: the Old Bolsheviks Society as an Experience of Revolutionaries’ Adaptation (1922–1935) _____ **50**

Andrey Sushkov

A Slight Digression from the Rules or a Challenge to the Stalinist System? More on Some Aspects of the “Leningrad Affair” _____ **82**

Labels and Myths

Alexander Korolev

The Legend of Calling of the Varangians:
in Pursuit of the “Historical”
Core _____ **110**

Andrey Ranchin

“The Legend of Calling
of the Varangians”: Facts, Assumptions,
Speculations _____ **132**

Topical Archive

Andrey Yurganov

The Soviet Journalism’s First Steps _ **162**

РОССИЯ XX